ПИСЬМА
И. С. ТУРГЕНЕВА

КЪ ГРАФИНѢ

Е. Е. ЛАМБЕРТЪ.

Съ предисловіемъ и примѣчаніями
Г. П. ГЕОРГІЕВСКАГО.

.8(с)р
П 35

МОСКВА
1915.

5743 457 27/(11)

КА[illegible]СКАЯ
З[illegible]
Инв. № 13195
БИБЛ[illegible]ЕКА

8(с)р
П35

891
П. 35.

ПИСЬМА
И. С. ТУРГЕНЕВА

КЪ ГРАФИНѢ

Е. Е. ЛАМБЕРТЪ.

Инв. № 5743

Съ предисловіемъ и примѣчаніями
Г. П. ГЕОРГІЕВСКАГО.

КАМЫШЛОВСКАЯ
РАЙОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
№

МОСКВА.
1915.

Отдѣльный оттискъ изъ «Отчета ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго и Румянцовскаго Музея за 1914 годъ».

Поставщикъ двора Его Величества
Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ Москва
Трехпрудный пр. собственн. домъ

КАМЫШЛОВСКАЯ
ЗЕМСКАЯ
Инв. № 3195.
БИБЛІОТЕКА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Зимой 1855—1856 гг. судьба подарила Ивана Сергѣевича Тургенева въ Петербургѣ знакомствомъ съ графиней Елизаветой Егоровной Ламбертъ [1]).

Знакомства вообще давались Тургеневу легко. Красавецъ по наружности, прекрасно образованный, занимательнѣйшій собесѣдникъ, съ мягкими и благородными пріемами въ обращеніи съ людьми,— онъ былъ желаннымъ гостемъ во всѣхъ, даже самыхъ высокихъ, кругахъ столичнаго общества. За границей, въ мѣстахъ, излюбленныхъ русскими путешественниками, Тургеневъ былъ предметомъ общаго вниманія ихъ и нерѣдко получалъ привѣтствія и поклоны отъ лицъ, которыхъ самъ не узнавалъ. Въ писательской средѣ знакомства Тургенева были весьма обширны и переходили за грани всѣхъ кружковъ и направленій. А по мѣрѣ того, какъ росла его собственная литературная слава, кругъ знакомыхъ Тургенева расширялся все болѣе и болѣе. По свидѣтельству друга его, П. В. Анненкова, «молодые писатели, начинающіе свою карьеру, одинъ за другимъ являлись къ нему, приносили свои произведенія и ждали его приговора, въ чемъ онъ никогда не отказывалъ имъ, стараясь уразумѣть ихъ дарованія и ихъ наклонности. Свѣтскія высокопоставленныя особы и знаменитости всѣхъ родовъ искали свиданія съ нимъ и его знакомства. Особенно онъ сдѣлался любимцемъ прекраснаго пола, упивавшагося чтеніемъ его романа («Дворянское гнѣздо»). Женщины высшихъ круговъ петербургскаго общества открыли ему свои салоны, ввели его въ свою среду, заставили отцовъ, мужей, братьевъ добиваться его пріязни и довѣрія. Онъ сдѣлался свой человѣкъ между ними и каждый вечеръ облекался

---

[1]) См. статью: «И. С. Тургеневъ въ перепискѣ съ графиней Е. Е. Ламбертъ», въ журналѣ «Голосъ минувшаго», октябрь, 1914 г., 186—231 стр.

во фракъ, надѣвалъ бѣлый галстухъ и являлся на ихъ рауты и causeries удивлять изящнымъ французскимъ языкомъ, блестящимъ изложеніемъ мнѣній своихъ, съ примѣненіемъ къ понятіямъ новыхъ его слушательницъ и слушателей, остроумными анекдотами и оригинальной и весьма красивой фигурой» [1]).

Очень трудно прослѣдить, какъ началось новое знакомство Тургенева съ семьей графа Ламбертъ. Къ сожалѣнію, біографическая литература о Тургеневѣ сохранила очень мало свѣдѣній о представителяхъ этой семьи, и эти свѣдѣнія, повидимому, исчерпываются нѣсколькими упоминаніями, напечатанными П. В. Анненковымъ, который во всю жизнь былъ другомъ Тургенева и черезъ его посредство былъ принятъ въ домѣ Ламбертъ. Большинство этихъ упоминаній содержатся въ письмахъ самого Тургенева къ Анненкову и относятся лишь къ первымъ шагамъ знакомства Анненкова съ графиней. Въ письмѣ отъ 31 октября 1857 года, Тургеневъ спрашивалъ Анненкова: «Познакомились ли Вы съ графиней Ламбертъ? Она этого желала, и я вамъ совѣтую. Я опять напишу ей письмо черезъ ваше посредничество. На этотъ разъ войдите къ ней». Анненковъ, очевидно, не торопился послѣдовать совѣту своего друга, и Тургеневъ 19 января 1858 года снова писалъ ему: «Да сходите, наконецъ, къ графинѣ Ламбертъ и попросите ее написать мнѣ свое мнѣніе объ «Асѣ», нужды нѣтъ, — выгодное или невыгодное». Въ письмѣ отъ 8 іюля 1860 года Тургеневъ сообщалъ Анненкову, что онъ въ Эмсѣ «посѣтилъ графиню Ламбертъ». Но самъ Анненковъ и въ этомъ году еще не рѣшался пріобрѣсти новое знакомство. 19 ноября 1860 года Тургеневъ писалъ ему: «Кстати, извольте немедленно отправиться, по полученіи сего, къ гр. Ламбертъ (на Фурштадтской, въ соб. домѣ). Она говорила о нашемъ обществѣ съ Мейендорфомъ, и тотъ пожелалъ увидаться съ Вами, и графиня мнѣ пишетъ, чтобы я Васъ послалъ къ ней. Теперь уже у васъ нѣтъ предлога не итти, и я васъ убѣдительно прошу это сдѣлать и предсказываю Вамъ, что если Вы это сдѣлаете, вы будете просиживать у ней три вечера въ недѣлю, и это будетъ доброе дѣло (я уже не говорю объ удовольствіи, которое Вы чрезъ то получите), потому что она одинокая и больная женщина.

---

[1]) П. В. Анненковъ. Литературныя воспоминанія. СПБ. 1909. 507—508. Дальше письма Тургенева къ Анненкову цитируются по изданію ихъ въ этой книгѣ.

Слышите, пожалуйста, ступайте къ ней». Черезъ годъ, 3 декабря 1861 года, Тургеневъ сообщилъ Анненкову о семейномъ горѣ, постигшемъ графиню. Онъ писалъ: «Вы знаете, бѣдная гр. Ламбертъ потеряла своего единственнаго сына... Она не переживетъ этого удара». Въ письмѣ отъ 17 января 1866 года Тургеневъ спрашивалъ у Анненкова: «Графиня Ламбертъ все еще въ Петербургѣ? и гдѣ именно, т.-е. гдѣ ея квартира?». А въ слѣдующемъ письмѣ отъ 9 февраля 1866 года этотъ вопросъ повторялся уже, но только съ большей настойчивостью: «Да что же адресъ гр. Ламбертъ? Сообщите, отецъ, если возможно. Она жила, въ прошломъ году, на углу Фурштадтской и Воскресенской, въ домѣ Кокошкина, но она собиралась покинуть Петербургъ».

Въ промежуткѣ между этими крайними сроками отъ 1860-го до 1866-го года Анненковъ несомнѣнно былъ у графини Ламбертъ и познакомился съ этою замѣчательною женщиной. Въ одномъ случаѣ своихъ «Литературныхъ воспоминаній» (513—514 стр.) онъ приводитъ свое собственное сужденіе о ней, основанное на личномъ знакомствѣ и личномъ впечатлѣніи. Случай этотъ относится ко времени появленія въ свѣтъ Тургеневскаго «Наканунѣ» и очень ярко характеризуетъ то вліяніе, какое производила графиня Ламбертъ на Тургенева, и то значеніе, какое Тургеневъ придавалъ ея оцѣнкамъ и сужденіямъ. Анненковъ такъ разсказываетъ объ этомъ случаѣ:

«Почти тотчасъ послѣ прибытія моего изъ деревни я получилъ отъ Тургенева въ Петербургѣ довольно странную записочку: «Четвергъ, вечеромъ.—Любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ. Со мной сейчасъ случилось преоригинальное обстоятельство. У меня сейчасъ была графиня Ламбертъ съ мужемъ, и она (прочитавши мой романъ) такъ неопровержимо доказала мнѣ, что онъ никуда не годится, фальшивъ и ложенъ отъ A до Z, что я серьезно думаю—не бросить ли его въ огонь? Не смѣйтесь, пожалуйста, а приходите-ка ко мнѣ часа въ три, и я вамъ покажу ея написанныя замѣчанія, а также передамъ ея доводы. Она, безъ всякаго преувеличенія, поселила во мнѣ отвращеніе къ моему продукту, и я, безъ всякихъ шутокъ, только изъ уваженія къ вамъ и вѣря въ вашъ вкусъ, не тотъ же часъ уничтожилъ мою работу. Приходите-ка, мы потолкуемъ, и можетъ быть, и вы убѣдитесь въ справедливости ея словъ. Лучше теперь уничтожить, чѣмъ впослѣдствіи бранить себя. Я все это пишу не безъ досады, но безо всякой жолчи, ей-Богу. Жду васъ и буду держать огонь

въ каминѣ». «Огонь въ каминѣ оказался не нуженъ,—разсказываетъ Анненковъ.—Черезъ полчаса размышленія сообща авторъ убѣдился самъ, что непривычка къ политическимъ мотивамъ въ художническомъ дѣлѣ была одна изъ причинъ недовольства его критика,—точно такъ же, какъ заявленная критикомъ невозможность допустить увлеченія болгарской идеей на Руси и особенно въ женскомъ сердцѣ породила всѣ тѣ упреки въ несообразностяхъ, рѣзкостяхъ и преувеличеніяхъ, какія пришлось выслушать отъ него автору съ глазу на глазъ. Графиня Ламбертъ была женщина чрезвычайно умная и чуткая къ красотѣ поэзіи, но, какъ большинство развитыхъ русскихъ женщинъ, не любила, чтобы искусство искало помощи и содѣйствія политики, философіи, чего-либо посторонняго, хотя бы даже науки вообще. «Наканунѣ» было такимъ образомъ спасено и явилось въ свое время и на назначенномъ ему мѣстѣ. Въ теченіе недолгаго нашего разговора съ авторомъ мнѣ все казалось, что уничтоженія романа не желалъ и онъ самъ, что онъ обратился къ постороннему человѣку съ цѣлью имѣть третье, незаинтересованное въ дѣлѣ лицо, на которое можно бы было, при случаѣ, сослаться».

Этими сообщеніями Анненкова исчерпываются литературныя свѣдѣнія о графинѣ Ламбертъ. За отсутствіемъ другихъ и болѣе точныхъ и подробныхъ свѣдѣній, въ біографіи Тургенева совсѣмъ не отведено ей то обширное и важное мѣсто, какое принадлежитъ ей въ дѣйствительности и по праву.

Графиня Елизавета Егоровна Ламбертъ была дочерью графа Егора Францовича Канкрина, русскаго министра финансовъ. Блестящее воспитаніе и высокое положеніе въ петербургскомъ обществѣ открыли ей возможность къ счастливому замужеству и близости ко двору наслѣдника престола, а потомъ императора Александра II Николаевича. Она вышла замужъ за графа Іосифа Карловича Ламбертъ. Воспитанникъ Ришельевскаго Лицея въ Одессѣ, привлекшаго къ себѣ по открытіи цвѣтъ русской аристократіи, графъ Іосифъ Карловичъ сдѣлалъ быстро завидную карьеру при дворѣ наслѣдника. Въ чинѣ полковника въ 1851 году, онъ былъ адъютантомъ цесаревича Александра Николаевича. Родной братъ его, графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ, былъ потомъ намѣстникомъ въ Варшавѣ. Между прочимъ, графъ Карлъ познакомилъ своего брата съ Николаемъ Никифоровичемъ Мурзакевичемъ, тоже воспитанникомъ Ришельевскаго Лицея. Вслѣдствіе письма графа Карла Мурзакевичъ

послѣ 1851 года сблизился съ графомъ Іосифомъ въ Петербургѣ и впослѣдствіи вспоминалъ о немъ съ особымъ чувствомъ уваженія и любви. «Открытый, благородный характеръ этого рыцаря чести и правды многимъ извѣстенъ», засвидѣтельствовалъ Мурзакевичъ о графѣ Іосифѣ Ламбертъ [1]).

Молодость, образованіе, умъ и всѣ высокія качества личныхъ характеровъ графа Іосифа и графини Елизаветы Ламбертъ, безъ сомнѣнія, привлекали къ нимъ все великосвѣтское общество и сдѣлали домъ ихъ предметомъ искательства для столичной молодежи.

Неудивительно, что Тургеневъ въ первый же свой пріѣздъ въ Петербургъ, послѣ продолжительной отлучки, былъ принятъ въ домѣ графа Іосифа Ламбертъ и вскорѣ былъ оцѣненъ радушными хозяевами и удостоенъ искренняго расположенія и симпатіи со стороны графини Елизаветы Егоровны.

Было въ это время и еще одно обстоятельство въ личной жизни Тургенева, которое могло заставить его даже искать знакомства въ домѣ графа Ламбертъ. Въ 1856 году, въ годъ появленія «Рудина», совершился поворотъ въ жизни Тургенева. Тургеневъ вздумалъ поѣхать за границу. Однако исполнить свое желаніе ему было нелегко, такъ какъ онъ находился еще подъ особымъ наблюденіемъ и присмотромъ представителей власти. Очень могли помочь ему въ этомъ случаѣ его знакомые среди высшаго и, особенно, придворнаго общества. Ходатайство за него представителей придворной знати было очень цѣнно для Тургенева, и онъ желалъ и искалъ его для себя среди своихъ знакомыхъ изъ лицъ двора цесаревича. Біографіи Тургенева извѣстны хлопоты за него со стороны егермейстера Ивана Матвѣевича Толстого, впослѣдствіи графа. Тургеневу естественно было желать расширить кругъ своего знакомства среди придворной аристократіи и укрѣпить свои добрыя отношенія съ ними. Домъ графини Ламбертъ могъ стать предметомъ особаго искательства со стороны Тургенева, такъ какъ положеніе его и связи въ административныхъ кругахъ могли быть для Тургенева весьма полезны. Очень вѣроятнымъ подтвержденіемъ этого предположенія можетъ служить первое же

---

[1]) «Записки Н. Н. Мурзакевича», въ «Русской Старинѣ», 1887 г., февраль, 290 стр.; 1889 г., февраль, 249 стр.; ср. «Воспоминанія Н. И. Кокшарова», въ «Русской Старинѣ», 1890 г., іюнь, 534 стр. и «Императоръ Александръ II», С. С. Татищева, томъ I, 114 стр.

письмо Тургенева къ графинѣ Ламбертъ. Въ немъ Тургеневъ прежде всего высказываетъ желаніе быть благодарнымъ и благодаритъ графиню за «участіе», которое графиня оказала ему. Въ ту зиму помощь при полученіи заграничнаго паспорта была, кажется, единственнымъ способомъ выразить «участіе» къ Тургеневу.

Какъ бы то ни было, новое знакомство очень скоро выдвинулось впередъ изъ ряда петербургскихъ знакомствъ Тургенева и заняло среди нихъ, да и среди другихъ знакомствъ его, совсѣмъ особое положеніе. Тургеневъ быстро оцѣнилъ отмѣнныя достоинства графини Ламбертъ, ея тонкій и изящный вкусъ, просвѣщенный далеко незаурядным образованіемъ, ея любовь къ искусству и пониманіе задачъ его, ея горячее и отзывчивое сердце, открытое ко всѣмъ просьбамъ и для каждой нужды,—и сразу же поставилъ ее едва ли не въ самомъ центрѣ своей дружбы и сердечной привязанности. Расположеніемъ графини, участіемъ ея ко всѣмъ подробностямъ его писательской и личной жизни Тургеневъ дорожилъ какъ благословеніемъ судьбы, какъ лучезарнымъ просвѣтомъ въ его одинокихъ, цыганскихъ скитаньяхъ. Посвящая ее въ каждый шагъ своей жизни, во всѣ думы, замыслы и переживанья своей писательской души, Тургеневъ искалъ поддержки и сочувствія графини, желалъ провѣрить себя ея дружественными взглядами, а иногда ея ласковымъ привѣтомъ и теплымъ, сердечнымъ участіемъ замѣнялъ для себя отсутствіе «собственнаго гнѣзда», и изливалъ передъ ней, какъ близкимъ по душѣ человѣкомъ, свои жалобы на одиночество, на тяжесть нераздѣленныхъ чувствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тургеневъ не скрывалъ и собственнаго своего чувства, чувства глубокой привязанности и братской любви, которое зажгла въ его душѣ графиня, и которое озарило его жизнь лучами пробужденія чистыхъ радостей, забытыхъ чувствъ и несбывшихся мечтаній...

Тургеневъ любилъ бесѣдовать съ графиней въ уютной комнаткѣ въ томъ небольшомъ домикѣ на Фурштатской, который занимали Ламбертъ. Въ рѣдкіе и все же короткіе пріѣзды свои въ Петербургъ онъ часами просиживалъ у радушной и умной хозяйки домика, наслаждаясь всѣми дарами ея ума и сердца. О многомъ, очень многомъ вели рѣчь оживленные собесѣдники. Тургеневъ прежде всего посвящалъ графиню рѣшительно во всѣ подробности своей жизни. Вся внѣшняя сторона пережитаго, а часто и ожидаемаго, рисовалась графинѣ въ занимательныхъ разсказахъ Тургенева. Мценскъ и село

Спасское, Парижъ, Куртавнель, Баденъ-Баденъ, Римъ, Лондонъ, Москва, Петербургъ,—всѣ города, курорты и селенія, со всѣми подробностями остановки и житья въ нихъ, поочередно бывали предметами любопытныхъ сообщеній и разсказовъ Тургенева. Событія личной жизни его, его дочь и другіе родные, его знакомые и друзья дѣлались хорошо извѣстными и графинѣ. Обо всѣхъ и обо всемъ онъ передавалъ ей все интересное и занимательное. Еще чаще и охотнѣе Тургеневъ несъ свои думы и затрудненія на судъ графини. Онъ уважалъ ея умъ и вѣрилъ въ ея сочувствіе и участіе, и ничего не скрывалъ отъ нея. Были ли это заботы о дочери и ея замужествѣ, или хлопоты о близкихъ ему бѣднякахъ, или размолвки съ друзьями и писателями—Тургеневъ во все посвящалъ графиню. Особенно Тургеневъ цѣнилъ взгляды графини на всѣ случаи его затрудненій въ писательскихъ его трудахъ. Онъ вводилъ ее во всѣ свои замыслы, излагалъ передъ нею планы будущихъ своихъ сочиненій, характеры участвующихъ въ нихъ лицъ, не скрывая своихъ творческихъ затрудненій и ища совѣтовъ и указаній для болѣе совершенной обработки своихъ повѣстей и романовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ бесѣдахъ съ графиней Тургеневъ почерпалъ для себя много полезныхъ свѣдѣній и наблюденій. Въ ея живой рѣчи онъ искалъ отраженія петербургскихъ настроеній и чутко прислушивался въ ней къ біенію пульса русской общественной жизни. Все это дѣлало бесѣды ихъ занимательными, полными захватывающаго интереса и значенія и заставляло Тургенева искать и добиваться ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Но отлучки Тургенева изъ Петербурга и даже Россіи бывали часты и продолжительны. А желаніе и даже жажда общенія и обмѣна взглядами съ умной и сердечной графиней Елизаветой Егоровной становилась настойчивой и неотразимой. И вотъ быстро и сама собою завязалась оживленная переписка. Тургеневъ письмами старался замѣнить недоступныя бесѣды и свиданія и въ письмахъ, какъ въ живой рѣчи, изливалъ передъ графиней всю свою душу. Въ письмахъ своихъ Тургеневъ встаетъ передъ читателемъ, какъ живой, во всѣхъ подробностяхъ и своихъ скитаній, и своего житья по разнымъ угламъ и Россіи, и за границы. Въ нихъ живо чувствуются всѣ волновавшія его тревоги и радости, въ нихъ запечатлѣны завѣтныя думы его, его ожиданія и отъ жизни, и отъ своихъ твореній. Въ письмахъ Тургенева къ графинѣ Ламбертъ—его собственная автобіографія, вдобавокъ начерченная и изложенная его мастерскою рукой.

Писемъ Тургенева къ графинѣ Е. Е. Ламбертъ сохранилось, вмѣстѣ съ коротенькими и незначительными записочками, 115 на пространствѣ времени отъ 9 мая 1856 года до 29 апрѣля 1867 года.

Ихъ первое и самое главное значеніе, конечно, біографическое. Хронологія и обстановка жизни Тургенева въ нихъ полныя и самыя точныя. Мало того, въ нихъ изложены сокровенныя переживанія души Тургенева и его творческаго генія, и тоже имъ самимъ изложены и, значитъ, не подлежатъ ни сомнѣнію, ни оспариванію и перетолкованію. Поэтому біографическое значеніе писемъ Тургенева тѣсно примыкаетъ къ значенію ихъ для исторіи творческихъ замысловъ и для исторіи его сочиненій. Очень любопытны въ письмахъ и отношенія его къ такимъ русскимъ писателямъ, какъ графъ Л. Н. Толстой и Д. В. Григоровичъ.

Первыя письма писаны Тургеневымъ изъ села Спасскаго, куда онъ только что пріѣхалъ изъ Петербурга, 7 мая 1856 года. Въ нихъ онъ знакомитъ графиню прежде всего со своей деревней, а потомъ и со всѣми подробностями своей жизни. Видимо, въ Петербургѣ онъ не успѣлъ, при личныхъ свиданіяхъ, сообщить о себѣ всѣ, интересовавшія графиню, свѣдѣнія. Быть можетъ и самое знакомство съ графиней состоялось лишь въ концѣ его пребыванія въ Петербургѣ, незадолго до отъѣзда въ Спасское. Во всякомъ случаѣ, графиня уже успѣла произвести сильное впечатлѣніе на Тургенева, и первыя его письма къ ней уже полны свидѣтельствами личнаго его расположенія и его личныхъ чувствъ. Но сами письма краснорѣчивѣе разскажутъ исторію знакомства Тургенева съ графиней Ламбертъ.

Графиня Е. Е. Ламбертъ скончалась въ 1883 году, передавъ свою переписку съ И. С. Тургеневымъ Александру Дмитріевичу Свербеву. А. В. Свербеевъ 7 сентября 1889 года подарилъ Императорскому Московскому и Румянцовскому Музею собственноручныя письма И. С. Тургенева, передавъ ихъ Музею въ запечатанномъ пакетѣ, съ тѣмъ, чтобы они хранились въ запечатанномъ пакетѣ двадцать лѣтъ и были напечатаны не ранѣе 7 сентября 1909 года. Впослѣдствіи А. Д. Свербеевъ удлинилъ этотъ срокъ еще на пять лѣтъ, и лишь въ сентябрѣ настоящаго 1914 года Музей получилъ возможность исполнить свою обязанность и удовлетворить давнимъ ожиданіямъ русскаго образованнаго общества.

ПИСЬМА.

1.

С. Спасское.
9-го Мая 1856 г.

Любезная Графиня,

Спасскимъ называется моя деревня. Она находится въ Орловской губерніи, въ 9 верстахъ отъ города Мценска. Она не очень красива, но въ ней есть садъ, въ которомъ я провелъ большую часть моего дѣтства. Я пріѣхалъ сюда третьяго дня—и сегодня сѣлъ писать къ Вамъ письмо.

Прежде всего мнѣ хочется поблагодарить Васъ отъ души за участіе, которое Вы мнѣ оказывали. Я—человѣкъ плохо воспитанный и мало знакомый съ условіями du savoir vivre, но я умѣю и люблю быть благодарнымъ.

Мнѣ очень жалко, что я такъ поздно съ Вами познакомился. Несмотря на различіе нашихъ мнѣній, между нами есть, если не ошибаюсь, симпатія чувствъ и ощущеній, а эта связь прочнѣе связи, основанной на тождествѣ мнѣній. Но прошедшаго не передѣлаешь,—остается, насколько хватаетъ умѣнія, пользоваться настоящимъ.

Вашей книги я еще не начиналъ. Я намѣренъ здѣсь работать. Я здѣсь почти никого не буду видѣть, исключая одной графини Толстой, сестры литератора, очень милой женщины, но съ некрасивыми руками, а для меня это—если не все, то почти все.

Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, мной овладѣла внутренняя тревога... Знаю я это чувство! Ахъ, графиня, какая глупая вещь—потребность счастья, когда уже вѣры въ счастье нѣтъ! Однако, я надѣюсь, все это угомонится, и я снова, хотя не вполнѣ, пріобрѣту то особеннаго рода спокойствіе, исполненное внутренняго вниманія и тихаго движенія, которое необходимо писателю, вообще художнику.

Погода еще не совсѣмъ хороша. Все еще какъ-то грубо и рѣзко: вѣтеръ воетъ, какъ осенью; мокрыя, сѣрыя тучи несутся и льютъ тонкій, непріятный дождь. Но все уже зелено, и сегодня мои собаки издали, на травѣ, освѣщенной солнцемъ, производили картинное впечатлѣніе.

Здѣсь живетъ мой дядя, добрый и простой человѣкъ, который управлялъ моимъ имѣніемъ. У него жена, и сестра жены живетъ вмѣстѣ съ ними. Люди тихіе и незатѣйливые, съ ними легко, и я все-таки не совершенно одинъ.

Вы мнѣ говорили, что Вы теперь уже почти ничего не читаете. Возьмитесь за Пушкина въ теченіе лѣта, я тоже буду его читать, и мы можемъ говорить о немъ. Извините, я Васъ еще мало знаю, но мнѣ кажется, что Вы съ намѣреніемъ, можетъ-быть, изъ христіанскаго смиренія, стараетесь себя суживать.

Это письмо идетъ скачками, à bâtons rompus, какъ говорятъ французы, но Вы сами этого требовали, то-есть, Вы требовали, чтобы я писалъ Вамъ, что мнѣ придетъ въ голову, а мнѣ въ голову мысли приходили именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ я Вамъ излагалъ ихъ, такъ что собаки пришлись раньше родственниковъ.

Съ нетерпѣніемъ буду ожидать Вашего отвѣта... Кстати, какіе у Васъ добрые и милые глаза! Это «*кстати*»

можетъ быть очень не кстати,—Вы извините меня, если я въ этомъ случаѣ не долженъ былъ написать то, что я подумалъ.

Въ г-жѣ Веригиной мнѣ нравится то, что она Васъ любитъ. Поклонитесь ей отъ меня, если Вы ее увидите.

Вообразите, мнѣ вдругъ показалось, что письма Вамъ надобно посылать не въ Ревель, а куда-то въ другое мѣсто,—однако, все-таки, я поставлю на адресѣ Ревель.

Прощайте, любезная Графиня, желаю Вамъ всего хорошаго въ мірѣ и остаюсь навсегда

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Мой адресъ: Орловской губерніи въ городъ Мценскъ.

Кланяюсь Вашему мужу.

2.

С. Спасское.
10-го Іюня 1856 г.

Ваше письмо изъ Ревеля, любезная Графиня, меня очень обрадовало и нѣсколько пристыдило: я чувствую, что не заслуживаю всѣхъ тѣхъ милыхъ вещей, которыми оно исполнено, и знаю (хотя изъ Вашей книги болѣе 30 страницъ до сихъ поръ не прочелъ), что человѣческое сердце такъ устроено, что и незаслуженныя похвалы доставляютъ ему тайную сладость, или, по крайней мѣрѣ, удовольствіе смиренія... Это—все опасныя чувства, и лучше даже не говорить о нихъ.

Благодарю Васъ за то, что Вы вспомнили обо мнѣ, и желаю отъ души, чтобы Вы остались довольны Вашимъ пребываніемъ въ Ревелѣ.

Скажу Вамъ нѣсколько словъ о себѣ.

Во-первыхъ, я получилъ изъ Петербурга извѣстіе, что паспортъ мнѣ выданъ, и я уѣзжаю изъ Россіи въ 20-хъ числахъ будущаго мѣсяца: мы еще успѣемъ обмѣняться письмами. Я надѣюсь, что и во время моего пребыванія за границей наша переписка не прекратится.

Позволеніе ѣхать за границу меня радуетъ... И въ то же время я не могу не сознаться, что лучше было бы для меня не ѣхать. Въ мои годы уѣхать за границу значитъ: опредѣлить себя окончательно на цыганскую жизнь и бросить всѣ помышленья о семейной жизни. Что дѣлать! Видно такова моя судьба. Впрочемъ, и то сказать: люди безъ твердости въ характерѣ любятъ

сочинять себѣ «судьбу»; это избавляетъ ихъ отъ необходимости имѣть собственную волю и отъ отвѣтственности передъ самими собою. Во всякомъ случаѣ le vin est tiré—il faut le boire.

У меня здѣсь нѣтъ барскаго дома; былъ—да сгорѣлъ; я живу въ старомъ флигелькѣ. А садъ есть, большой и хорошій, и прудъ. Сосѣдокъ нѣтъ никакихъ, ни Татьянъ-сосѣдокъ, ни просто-сосѣдокъ. Да и я самъ куда какъ не похожъ на Онѣгина!

Охота еще не началась.

Да! еще вотъ что я долженъ сказать Вамъ: анекдотъ, разсказанный мною Вамъ о барынѣ, съ которой я обѣдалъ и которая, нехотя, меня разочаровала, нисколько не относится къ той женщинѣ, о которой Вы пишете...

А Вы очень мило пишете по-Русски,—знаете ли Вы это? И ни одной, даже орѳографической, ошибки! А все-таки пишите мнѣ по-французски. Все-таки замѣчается нѣкоторое усиліе въ отыскиваніи выраженій, и Вы какъ будто мысленно переводите съ французскаго. По-французски Вамъ будетъ легче писать, и Вы охотнѣе писать будете.

Мнѣ пріятно думать о томъ, что мы будемъ, хотя изрѣдка, мѣняться мыслями и ощущеніями. Еще пріятнѣе думать, что придетъ время, мы, Богъ дастъ, увидимся снова, и, смѣю надѣяться, окончательно станемъ друзьями.—Въ жизни мужчины наступаетъ, какъ и въ жизни женщины, пора, когда болѣе всего дорожишь отношеніями тихими и прочными. Свѣтлые осенніе дни—самые прекрасные дни въ году.—Я надѣюсь, что тогда мнѣ удастся убѣдить Васъ не бояться чтенія Пушкина и другихъ. Или вы еще страшитесь «тревоги»?

Я не разсчитываю болѣе на *счастье* для себя, т.-е. на счастье въ томъ опять таки *тревожномъ* смыслѣ,

въ которомъ оно принимается молодыми сердцами. Нечего думать о цвѣтахъ, когда пора цвѣтенія прошла. Дай Богъ, чтобы плодъ по крайней мѣрѣ былъ какой-нибудь,—а эти напрасныя порыванія назадъ могутъ только помѣшать его созрѣванію.—Должно учиться у природы ея правильному и спокойному ходу, ея смиренію... Впрочемъ, на словахъ-то мы всѣ мудрецы: а первая попавшаяся глупость пробѣжи мимо, такъ и бросишься за нею въ погоню.

Какъ оглянусь я на свою прошедшую жизнь, я, кажется, больше ничего не дѣлалъ, какъ гонялся за глупостями.—Донъ-Кихотъ, по крайней мѣрѣ, вѣрилъ въ красоту своей Дульцинеи, а нашего времени Донъ-Кихоты и видятъ, что ихъ Дульцинея—уродъ, а все бѣгутъ за нею.

У насъ нѣтъ идеала,—вотъ отъ чего все это происходитъ: а идеалъ дается только сильнымъ гражданскимъ бытомъ, Искусствомъ (или Наукой) и Религіей. Но не всякій родится Аѳинянином или Англичаниномъ, художникомъ или ученымъ, и религія не всякому дается тотчасъ. Будемъ ждать и вѣрить и знать, что пока—мы дурачимся. Это сознаніе все-таки можетъ быть полезнымъ.

Но я, кажется, зафилософствовался. А потому, съ Вашего позволенія (помнится, Вы мнѣ говорили, что это можно), почтительно и дружески жму Вашу руку, желаю Вамъ всего хорошаго и остаюсь

Душевно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

P. S. Мой усердный поклонъ Вашему супругу.

3.

С.-Петербургъ.
20-го Іюля 1856 г.

Я ѣду завтра за границу, любезная Графиня, и едва имѣю довольно времени, чтобы сказать Вамъ два слова.

Мнѣ непремѣнно хочется знать, получили ли Вы мой отвѣтъ на Ваше письмо, посланный мною изъ деревни 12-го числа прошлаго мѣсяца? Если Вы до сихъ поръ не отвѣчали мнѣ, то будьте такъ добры, напишите мнѣ въ Парижъ, poste restante. Если же мой отвѣтъ затерялся (что было бы очень досадно), все-таки, дайте мнѣ знать объ этомъ въ Парижъ. Я Вамъ напишу, какъ только попаду на мѣсто, и надѣюсь, что въ теченіи зимы мы, хотя изрѣдка, будемъ подавать другъ другу вѣсти.

Надѣюсь, что здоровье Ваше поправляется.

До свиданія въ будущемъ году, а пока желаю Вамъ всего хорошаго.

Позвольте заочно пожать Вамъ руку и увѣрить Васъ въ чувствахъ искренней привязанности и уваженія

Преданнаго Вамъ
Ив. Тургенева.

4.

Парижъ.
13/25 Марта 1857 г.

Недавно кто-то сказалъ мнѣ, любезная Графиня, будто Вы жаловались на меня за то, что я не отвѣчалъ на Ваше послѣднее, *французское*, письмо. Съ одной стороны я порадовался, потому что это доказывало мнѣ, что Вы меня не забыли; но съ другой стороны я пришелъ въ великое недоумѣніе, потому что *я* считалъ за Вами цѣлыхъ три неотвѣченныхъ письма, изъ которыхъ послѣднее было послано мною къ Вамъ въ Ревель, въ началѣ Августа, за два дня до моего отъѣзда за границу. Вѣроятно, эти письма не дошли до Васъ. Какъ бы то ни было, я рѣшился попытаться еще разъ возобновить переписку съ Вами. Можетъ быть, на этотъ разъ Вы и отвѣтите.

Мнѣ нечего говорить Вамъ, что я часто вспоминалъ о Васъ, о посѣщеніяхъ моихъ и о разговорахъ нашихъ въ Вашей маленькой комнаткѣ на верху, когда Вы наставляли меня уму-разуму и поясняли мнѣ всѣ недостатки моего воспитанія. Я думаю, Вы очень хорошо знаете сами, что люди, удостоенные Вашего расположенія или даже простого знакомства, Васъ не забываютъ. Но у насъ въ Россіи обыкновенно думаютъ, что люди, попавшіе за границу и особенно въ Парижъ, живутъ въ какомъ-то чаду, кружатся въ какомъ-то вихрѣ, и что все прошедшее, все Русское выскакиваетъ у нихъ

изъ головы, которая такъ и вертится отъ избытка удовольствій и ощущеній.

Не знаю, какъ другіе, но я провелъ всю эту зиму въ Парижѣ не только тихо (что совершенно согласуется съ моими вкусами), но непріятно: я былъ постоянно боленъ мучительной и несносной невральгіей,—и если бы не моя дочка (я, кажется, Вамъ сказывалъ, что у меня есть дочь, которая воспитывается здѣсь), я бы давно бросилъ Парижъ, климатъ котораго имѣетъ на меня самое вредное дѣйствіе. Теперь мнѣ остается пробыть здѣсь всего три недѣли; потомъ я ѣду въ Лондонъ, оттуда куда-нибудь на воды, а осенью возвращаюсь домой и зиму проживу въ Петербургѣ. Если Вы будете тоже жить зимой въ Петербургѣ,—я надѣюсь, мы будемъ видѣться часто (если я Вамъ не надоѣмъ). Мнѣ уже теперь представляется Вашъ домикъ на Фурштатской... (кажется, на Фурштатской?)

Кстати, я, не помнивъ хорошенько Вашего адреса, вздумалъ послать Вамъ это письмо черезъ моего хорошаго пріятеля П. В. Анненкова, съ которымъ совѣтую Вамъ познакомиться: онъ прекраснѣйшій человѣкъ и, я увѣренъ, понравится Вамъ очень. А познакомиться Вамъ очень легко: напишите ему записочку (живетъ онъ въ Демидовскомъ переулкѣ, въ домѣ Висконти), и онъ тотъ часъ прибѣжитъ. Я ему много говорилъ о Васъ,—и Вы можете легко представить, какъ я ему говорилъ.

Я не велѣлъ доставить Вамъ экземпляръ недавно собранныхъ моихъ повѣстей,—потому что знаю, что Вы этими пустячками не занимаетесь. А грѣшный я человѣкъ! Каюсь, желалъ бы я знать Ваше мнѣніе на счетъ моего писанія; съ Вашимъ здравымъ и свободнымъ умомъ, съ Вашимъ тонкимъ и вѣрнымъ вкусомъ Вы бы мнѣ много сказали полезнаго.

Кстати, вообразите, я такъ-таки до сихъ поръ Де-Жерандо не прочелъ, а вожу его съ собою. Но я чувствую, что я когда-нибудь его прочту, и прочту съ пользой. Пока эта книжечка только и потому мнѣ мила, что напоминаетъ о Васъ.

Однако, я замѣчаю, что я Вамъ ничего не сказалъ о Парижѣ, о здѣшней жизни, о французахъ и т. д. Да я и не знаю, что сказать. Я замѣчаю одно обстоятельство: я ни одного француза не полюбилъ въ теченіи всей этой зимы, ни съ однимъ симпатически не сблизился; отъ того ли это произошло, что способность къ новой привязанности во мнѣ исчезаетъ, отъ того ли, что сами французы мнѣ кажутся холодны, мелки и плоски—не знаю! Но чего не полюбишь, того не поймешь; а чего не понялъ, о томъ не слѣдуетъ толковать; отъ того я Вамъ о французахъ толковать не буду.

Пожалуйста, поклонитесь отъ меня Вашему мужу и напишите мнѣ о немъ и о Вашемъ сынѣ, какъ онъ ростетъ и чѣмъ становится. Поклонитесь также отъ меня г-жѣ Веригиной. Что же касается до Васъ, то позвольте мнѣ дружески пожать Вашу руку и пожелать Вамъ всѣхъ возможныхъ благъ.

Адресъ мой: Rue de l'Arcade, № 11.

Еще разъ будьте здоровы и не забывайте

Преданнаго Вамъ

Ив. Тургенева.

5.

Зинцигъ.
25/13-го Іюля 1857 г.

Я виноватъ передъ Вами, любезнѣйшая Графиня, но повинную голову мечъ не рубитъ; при томъ же не въ первый разъ приходится Вамъ прощать мнѣ мои проступки.

Давно бы слѣдовало мнѣ написать Вамъ, но я то разъѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, то находился въ очень дурномъ расположеніи духа,—тутъ ужъ не до писемъ, особенно къ такимъ особамъ, въ которыхъ не желалъ бы поселить дурное мнѣніе о себѣ.—Наконецъ, однако, совѣсть стала слишкомъ сильно угрызать меня,—и вотъ я пишу Вамъ изъ очень плохенькаго городишка на лѣвомъ берегу Рейна, недалеко отъ Кобленца, куда я пріѣхалъ, три недѣли тому назадъ, пить воды и лечиться. И вообразите себѣ, оказывается, что воды здѣшнія мнѣ вредятъ, и я дурно себя чувствую и долженъ отсюда ѣхать, куда—не знаю самъ.

Впрочемъ, я Вамъ не стану говорить о моихъ недугахъ,—это очень невеселый предметъ. Перейду къ чему-нибудь другому.

Булонь. 26-го Іюля. / 7-го Августа.

Письмо мое къ Вамъ приходится продолжать уже въ Булони, куда я пріѣхалъ два дня тому назадъ для

того, чтобы брать морскія ванны. На этотъ разъ я даю себѣ слово непремѣнно кончить и послать Вамъ это письмо.

Признаться, мнѣ почти нечего сказать Вамъ именно потому, что слишкомъ многое хотѣлъ бы сказать и разсказать Вамъ; отлагаю все это до нашего свиданія, которое вѣроятно произойдетъ въ Октябрѣ, если Вы объ эту пору будете въ Петербургѣ.

Да, Графиня, я рѣшился воротиться, и воротиться надолго. Довольно я скитался и велъ цыганскую жизнь. А потому примите мое теперешнее письмо, какъ выраженіе моей благодарности за Вашу память обо мнѣ— и только.

Мысли бродятъ въ головѣ, какъ дымъ; слова не слушаются.

Хотя я почти пересталъ чувствовать себя сочинителемъ, однако, я весьма порадовался Вашему одобренію, и не могу не сожалѣть о письмѣ, которое было мнѣ назначено и которое погибло.

Повторяю, обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ мы поговоримъ обстоятельно въ Вашемъ маленькомъ кабинетѣ.—Не дождусь я этого времени.

Прошу поклониться отъ меня Вашему мужу; дружески жму Вашу руку и остаюсь

Душевно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

6.

Римъ.
3/15-го Ноября 1857.

Любезнѣйшая Графиня,

я считаю еще себя въ долгу у Васъ за Ваше большое и милое письмо, полученное мною въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ; потому что я не могу никакъ признать маленькую мою записку къ Вамъ за серьезный отвѣтъ. Я тогда располагалъ вернуться къ зимѣ въ Россію—и потому, надѣясь скоро свидѣться съ Вами, не считалъ нужнымъ распространяться на бумагѣ; но вмѣсто Петербурга я попалъ въ Римъ и раньше Мая мѣсяца въ Россію не пріѣду. Отчасти это сдѣлалось случайно: одинъ мой хорошій пріятель отправлялся въ Римъ и пригласилъ меня съ собою; но была также и причина, почему я такъ скоро согласился.

Въ послѣднее время я, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, ничего не дѣлалъ и не могъ дѣлать; я почувствовалъ желаніе приняться за работу, а въ Петербургѣ это было бы невозможно; меня бы тамъ окружили пріятели, которыхъ бы я увидалъ съ истинной радостью, но которые помѣшали бы мнѣ (да я самъ бы себѣ помѣшалъ) уединиться; а безъ уединенія нѣтъ работы.

Римъ именно такой городъ, гдѣ легче всего быть одному. А захочешь оглянуться—не пустыя разсѣянья ожидаютъ тебя, а великіе слѣды великой жизни, ко-

торые не подавляютъ тебя чувствомъ твоей ничтожности передъ ними, какъ бы слѣдовало ожидать, а, напротивъ, поднимаютъ тебя и даютъ душѣ настроеніе нѣсколько печальное, но высокое и бодрое. Если я и въ Римѣ ничего не сдѣлаю, — останется только рукой махнуть.

Въ человѣческой жизни есть мгновенья перелома, мгновенья, въ которыя прошедшее умираетъ и зарождается нѣчто новое. Горе тому, кто не умѣетъ ихъ чувствовать,—и либо упорно придерживается мертваго прошедшаго, либо до времени хочетъ вызвать къ жизни то, что еще не созрѣло. Часто я погрѣшалъ то нетерпѣньемъ, то упрямствомъ; хотѣлось бы мнѣ теперь быть поумнѣе.

Мнѣ скоро сорокъ лѣтъ; не только первая и вторая, третья молодость прошла, и пора мнѣ сдѣлаться если не дѣльнымъ человѣкомъ, то по крайней мѣрѣ человѣкомъ, знающимъ куда онъ идетъ и чего хочетъ достигнуть. Я ничѣмъ не могу быть, какъ только литераторомъ,—но я до сихъ поръ былъ больше дилетантомъ. Этого впередъ не будетъ.

Пока, я наслаждаюсь Римомъ и его прекрасными окрестностями. Погода стоитъ чудесная; почти не вѣришь глазамъ, встрѣчая въ Ноябрѣ мѣсяцѣ только что распускающіяся розы. Но не столько поражаютъ меня эти необыкновенности, какъ вообще весь характеръ здѣшней природы. Такая ясная, кроткая и возвышенная красота разлита всюду!

Русскихъ здѣсь немного, по крайней мѣрѣ я знакомъ съ немногими. Да и Богъ съ ними! Изъ 50 заграничныхъ Русскихъ лучше не знакомиться съ 49-ю. Всѣхъ ихъ втайнѣ съѣдаетъ скука, та особенная, заграничная скука Русская, о которой я когда-нибудь напишу статейку.

891
П-35

Изъ здѣшнихъ художниковъ самый замѣчательный Ивановъ, и въ его картинѣ (которую онъ мнѣ показалъ подъ секретомъ) есть первоклассныя красоты.

А что дѣлается у насъ въ Россіи? Здѣсь ходятъ разные противорѣчащіе слухи. Если бъ не литература, я бы давно вернулся въ Россію; теперь каждому надобно быть на своемъ гнѣздѣ. Въ Маѣ мѣсяцѣ я надѣюсь прибыть въ деревню и не выѣду оттуда, пока не устрою моихъ отношеній къ крестьянамъ. Будущей зимой, если Богъ дастъ, я буду землевладѣльцемъ, но уже не помѣщикомъ и не бариномъ.

Это письмо отнесетъ Вамъ Анненковъ. Познакомьтесь съ нимъ; Вы его полюбите. Онъ прекрасный, умный и милый человѣкъ.

5743

Напишите мнѣ нѣсколько словъ (по-французски, разумѣется) о Васъ самихъ, о Вашемъ мужѣ и Вашемъ сынѣ. Все ли Вы живете на Фурштатской, и что дѣлаетъ Ваша пріятельница M-me Veriguine? Очень бы я былъ Вамъ благодаренъ, если бъ Вы мнѣ сказали слово о томъ, гдѣ вдова Еврейнова, и что дѣлаетъ ея необыкновенная дочь Лидія?

Прощайте; желаю Вамъ всѣхъ возможныхъ благъ и крѣпко жму Вашу руку.

Мой адресъ: Rome, poste restante. Это вѣрнѣе всего.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Пришлите мнѣ Вашъ вѣрный адресъ.

7.

Римъ. 22-го Декабря 1857. / 3-го Января 1858.

Я только что собирался отвѣчать на Ваше письмо, любезнѣйшая Графиня, какъ вдругъ былъ обрадованъ присылкой другого Вашего письма, писаннаго болѣе году тому назадъ. Спасибо Вамъ за мысль прислать мнѣ его. Я съ истиннымъ умиленіемъ прочелъ всѣ золотыя слова, которыми оно наполнено, и почувствовалъ, что многія изъ нихъ далеко и надолго залегли мнѣ въ душу.

Размышляя о моей прошедшей жизни, я не могу, несмотря на многія темныя пятна въ ней, не признать себя счастливымъ. Я, Богъ вѣдаетъ за какія заслуги, пользовался расположеніемъ двухъ, трехъ прекрасныхъ женскихъ душъ, и повѣрьте, не послѣднимъ счастьемъ моей жизни считаю я расположеніе Вашей ко мнѣ. Мнѣ пріятно думать, что и Вы убѣждены въ этомъ, и что Вы сами знаете, какъ дороги и близки Вы мнѣ стали.

Я долженъ Вамъ сказать одну мою странность: я цѣловалъ руку только у тѣхъ женщинъ, которыхъ я глубоко уважалъ и любилъ. Это Вамъ, разумѣется, все равно, но, читая Ваши письма, я у Васъ мысленно цѣловалъ руку, и когда я увижу Васъ, я попрошу у Васъ позволенія поцѣловать ее на дѣлѣ.

Я чувствую Ваше участіе въ моей судьбѣ и въ моей

будущности, и я горжусь, и счастливъ, и тронутъ этимъ участьемъ.

Человѣкъ, къ сожалѣнію, такъ устроенъ, что даже ясное пониманіе того, что онъ дѣлаетъ или намѣренъ дѣлать, не мѣшаетъ ему безпрестанно дѣлать самыя непростительныя ошибки. Ему надобно непремѣнно разбить себѣ голову объ стѣну, хоть онъ очень хорошо и прежде зналъ, что стѣна каменная и тверже его головы.

Я зналъ передъ моей поѣздкой за границей, передъ этой поѣздкой, которая такъ была для меня несчастлива, что мнѣ было бы лучше оставаться дома... И я все таки поѣхалъ. Дѣло въ томъ, что судьба насъ всегда наказываетъ и такъ, и немножко не такъ, какъ мы ожидали, и это «немножко» намъ служитъ настоящимъ урокомъ.

Отдохнувъ въ Римѣ, я вернусь въ Россію сильно потрясенный и побитый, но надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что на этотъ разъ урокъ не пропадетъ даромъ.

На бумагѣ все это трудно изложить, но я предчувствую, что когда-нибудь, нынѣшней зимой, у насъ будетъ съ Вами большой разговоръ, въ которомъ я Вамъ многое выскажу и разскажу. Вы, я напередъ увѣренъ, будете мнѣ, какъ говорится, читать мораль, но изъ Вашихъ устъ мораль эта слушается съ удовольствіемъ и пользой, потому что въ ней чувствуется живая и, при всей строгости правилъ, свободная душа.

Я, кажется, просилъ Васъ сказать мнѣ свое мнѣніе о моей небольшой повѣсти подъ заглавіемъ: «Ася», которая, вѣроятно, будетъ помѣщена въ 1-мъ № Современника. Если бы издатели отложили ее до другого номера, скажите Анненкову (я надѣюсь, что Вы наконецъ съ нимъ познакомились), чтобы онъ взялъ ее у нихъ и прочелъ бы ее Вамъ въ рукописи.

Я теперь занятъ другою, большою повѣстью, главное

лицо которой,—дѣвушка,—существо религіозное. Я былъ приведенъ къ этому лицу наблюденіями надъ русской жизнью. Не скрываю себѣ трудностей моей задачи, но не могу отклонить ее отъ себя. Эту повѣсть я надѣюсь прочесть Вамъ зимой. Я читаю дурно и неохотно, но Вамъ я прочту съ удовольствіемъ, потому что... по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что я очень къ Вамъ привязался, а во-вторыхъ, потому что Вы мнѣ можете сказать очень много дѣльнаго и полезнаго.

Я здѣсь въ Римѣ все это время много и часто думаю о Россіи. Что въ ней дѣлается теперь? Двинется ли этотъ Левіаѳанъ (подобно Англійскому), и войдетъ ли въ волны, или застрянетъ на полъ-пути? До сихъ поръ слухи приходятъ все довольно благопріятные; но затрудненій бездна, а охоты, въ сущности, мало. Лѣнивъ и неповоротливъ Русскій человѣкъ, и не привыкъ ни самостоятельно мыслить, ни послѣдовательно дѣйствовать. Но нужда—великое слово!—подниметъ и этого медвѣдя изъ берлоги.

Не дождусь я Мая... въ Маѣ я вернусь къ себѣ въ деревню.

А между тѣмъ мнѣ здѣсь хорошо. Вы никогда здѣсь не были? Что за удивительный городъ! Вчера я болѣе часа бродилъ по развалинамъ дворца Цезарей—и проникся весь какимъ-то эпическимъ чувствомъ. Эта безсмертная красота кругомъ, и ничтожность всего земного и въ самой ничтожности величіе—что-то глубоко грустное и примиряющее, и поднимающее душу... Этого словами передать нельзя, но, разъ ощутивъ, забыть, смѣшать съ другимъ чувствомъ нельзя. Впечатлѣнія эти музыкальны и лучше всего могли бы передаться музыкой.

Напишите мнѣ слова два, или гораздо болѣе двухъ,

о Васъ самихъ, о Вашемъ семействѣ, Вашемъ сынѣ. Помните, Вы были отъ чего недовольны мною, когда я съ Вами встрѣтился въ Лѣтнемъ Саду; что это такое было?

Поклонитесь отъ меня Вашему мужу и M-me Veriguine; она Васъ любитъ, слѣдовательно и я ее люблю.

Будьте здоровы и не забывайте меня, а я все-таки на прощаньи цѣлую Вашу милую руку и остаюсь

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

NB. Письмо это кончено наканунѣ нашего Новаго Года, съ которымъ душевно Васъ поздравляю.

8.

Если Вы слышали о моемъ пріѣздѣ, любезнѣйшая графиня, то, вѣроятно, пеняете на меня за то, что я до сихъ поръ у Васъ не былъ. По крайней мѣрѣ мнѣ очень бы хотѣлось думать, что Вы на меня пеняете. Но, во-первыхъ, я съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ, боленъ, сижу дома и раньше недѣли не выѣду; а во-вторыхъ, я только вчера узналъ, что Вы здѣсь. Я освѣдомлялся объ Васъ съ перваго дня моего пріѣзда, но мнѣ Анненковъ сказалъ, что Вы за границей.

Извѣстіе, что Вы здѣсь, меня очень обрадовало, и мнѣ моя болѣзнь показалась вдвое досаднѣй. Дайте мнѣ вѣсточку о себѣ, о всемъ Вашемъ семействѣ; а я какъ только поправлюсь, тотчасъ отправлюсь въ деревянный домикъ на Фурштатской, гдѣ я провелъ столько пріятныхъ часовъ.

Живу въ Большой Конюшенной, въ домѣ Вебера.

Кланяюсь Вашему супругу, дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Душевно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

Четвергъ.

9.

Любезнѣйшая Графиня,

Я былъ все это время такъ «mismuthig», вслѣдствіе моей глупой болѣзни, что не имѣлъ духа писать къ Вамъ; и теперь берусь за перо только потому, что чувствую какъ будто маленькое облегченіе,—и докторъ начинаетъ обнадеживать меня, что я дней черезъ 10, *можетъ быть*, выѣду. Представьте, что я даже *шептать* не могу,—сей часъ поднимается судорожный кашель.

А мнѣ такъ хотѣлось прочесть Вамъ мою новую повѣсть и услышать Ваше мнѣніе, прежде чѣмъ она пойдетъ въ печать; теперь придется ее отдать въ печать, не подвергнувъ ее Вашему суду. По крайней мѣрѣ я надѣюсь быть въ состояніи привести Вамъ корректурные листы (понимаете ли Вы, что это значитъ?), и, въ случаѣ надобности, сдѣлаю перемѣны.

Анненковъ за меня (такъ какъ у меня нѣтъ голоса) прочелъ мою повѣсть моимъ литературнымъ собратьямъ; они остались вообще довольны. Но я хотѣлъ бы услышать судъ не литератора, именно Вашъ судъ. Что дѣлать! По крайней мѣрѣ, мнѣ хочется доказать Вамъ, что у меня въ доброй волѣ недостатку не было.

Я надѣюсь, что Вы и всѣ Ваши здоровы: пожалуйста, не будьте больны,—хуже этого еще никто ничего не выдумалъ. Кланяюсь Вамъ и Вашему мужу дружески и говорю Вамъ: до свиданія, прежде Новаго Года.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Понедѣльникъ вечеромъ.

10.

С. Спасское.
27-го Марта 1859 г.

Я вчера пріѣхалъ сюда, а сегодня пишу къ Вамъ, любезная Графиня. Я это говорю не для того, чтобы этимъ хвастаться, а для того, чтобы доказать Вамъ, что мысль о Васъ, воспоминаніе о Васъ приходитъ мнѣ на умъ прежде всего.

Я нашелъ здѣсь все въ прежнемъ видѣ; только смерть, къ истинной моей горести, похитила въ мое отсутствіе почти единственнаго нашего сосѣда, очень милаго и добраго молодого человѣка, по имени Каратѣева... Бывшій мой дядька, старикъ лѣтъ 65, тоже умеръ... Смерть уноситъ людей, не разбирая. Мы всѣ у ней въ долгу, а должники не могутъ предписывать заимодавцу, съ кого именно ему начинать...

Но оставимъ эти невеселыя размышленія.

Я нашелъ здѣсь зиму (и это невесело, да что прикажете дѣлать?). Дней пять тому назадъ выпало огромное количество снѣга, такъ что я съ трудомъ добрался до дому,—но должно надѣяться, что все это скоро измѣнится.

Я на дняхъ ѣду въ Орелъ—присутствовать, если возможно, на засѣданіяхъ комитета, а къ 5-му Апрѣля, т.-е. къ прилету вальдшнеповъ, буду опять дома. 23-го, Вы помните, Вы пьете чай у меня въ Петербургѣ.

Я теперь занятъ составленіемъ плана и т. д. для но-

вой повѣсти: это работа довольно утомительная, тѣмъ болѣе, что она никакихъ *видимыхъ* слѣдовъ не оставляетъ: лежишь себѣ на диванѣ, или ходишь по комнатѣ, да переворачиваешь въ головѣ какой-нибудь характеръ или положеніе,—смотришь: часа три, четыре прошло, а кажется, немного впередъ подвинулся.

Собственно говоря, въ нашемъ ремеслѣ удовольствій довольно мало. Да оно такъ и слѣдуетъ: всѣ, даже артисты, даже богатые, должны жить въ потѣ лица... А у кого лицо не потѣетъ, тѣмъ хуже для него: у него сердце либо болитъ, либо засыхаетъ.

Всѣ эти дни я часто вспоминалъ о маленькой комнатѣ въ Фурштатской улицѣ и о вечерахъ, мною проведенныхъ тамъ... Оказывается, что эти воспоминанія—лучшее, что я вынесъ изъ петербургской жизни.

Я очень радъ, что я не поддался желанію пользоваться успѣхомъ моего романа и не выѣзжалъ направо и налѣво: кромѣ усталости да, можетъ быть, грѣшнаго удовлетворенія мелкаго и дряннаго чувства тщеславія—ничего бы мнѣ это не дало. Я убѣдился, что всякій человѣкъ долженъ обращаться самъ съ собою строго и даже грубо, недовѣрчиво. Трудно укротить звѣря въ себѣ. Случается, не поддашься грубой, глупой лести и думаешь: какой я молодецъ! А поднеси тебѣ ту же лесть да поискуснѣе приправленную, и сталъ бы ее глотать какъ устрицы.

Не знаю, съ чего я вдался въ эти разсужденія: со времени моего отъѣзда и до нынѣшняго дня я не подвергался никакому искушенію лести. Видно, что-нибудь сидѣло у меня въ душѣ, чему нужно было выдти наружу.

Пожалуйста, напишите мнѣ по слѣдующему адресу: Орловской губерніи, въ городъ Мценскъ.

Поклонитесь отъ меня Вашему мужу и всѣмъ обитателямъ и посѣтителямъ дома на Фурштатской.

Кстати, я Вамъ забылъ отдать 75 руб. (Вы помните, на какое употребленіе?). Будьте такъ добры, распорядитесь, какъ знаете, этимъ количествомъ денегъ, а я Вамъ возвращу ихъ въ Петербургѣ.

Сообщите мнѣ какія-нибудь новости, если встрѣтятся интересныя.

Будьте здоровы и не хандрите—что главное, и не забывайте меня: для меня и это главное. Желаю Вамъ всего хорошаго и цѣлую Ваши руки.

Вы знаете нашъ уговоръ: Вы мнѣ пишите по-французски.

Душевно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

11.

Любезная Графиня,

Я хотѣлъ быть въ Петербургѣ 23-го числа; но я 23-го только выѣзжаю отсюда и буду въ Петербургѣ 24-го. А потому мое приглашеніе переносится съ 23-го на 24-е. Впрочемъ, я утромъ, 24-го, въ пятницу буду у Васъ. Но мнѣ теперь же хочется поцѣловать у Васъ руку за Ваше милое письмо. До свиданія.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Москва.
Вторникъ, 21-го Апр. 59 г.

12.

Chère Comtesse,

Mon âme de sirène, comme vous voulez bien l'appeller, se rendra accompagnée de son vieux corps chez la p-sse Bagration, et nous lirons Pouchkine, qui, celui-là, est bel et bien immortel.

A vous de coeur

I. T.

13.

Mille remerciments, chère Comtesse, pour tous les renseignements que vous me donnez et dont je profiterai sans faute. Mais comment pouvez vous croire que je partirai d'ici sans vous voir? Je n'ai rien fait pour mériter une pareille injustice. J'irai vous voir demain soir, si vous êtes à la maison.

En attendant, je vous baise les mains avec tendresse et au revoir.

I. Tourguéneff.

Dimanche soir.

14.

Станція Кресты (возлѣ Пскова),
30 Апрѣля 1859 г.

Я сижу въ довольно грязной комнатѣ на станціи, любезнѣйшая Графиня, въ ожиданіи почтовой кареты, которая, говорятъ, пріѣдетъ въ 11 ч. вечера, а теперь еще 6 нѣтъ; погода скверная, мнѣ скучно...

— Отъ того Вы и пишите ко мнѣ,—скажете Вы.

Это будетъ не совсѣмъ справедливо: я хотѣлъ написать Вамъ съ дороги о томъ, чтобы Вы были такъ добры и похлопотали бы объ одномъ офицерѣ *Бѣленковѣ*, который желаетъ, чтобъ его перевели въ другой полкъ, потому что его полкъ стоитъ на Кавказѣ, и онъ отъ тамошняго климата не выходитъ изъ лихорадки. Онъ мнѣ далъ всѣ нужныя о себѣ свѣдѣнія, а я ихъ потерялъ; но я уже написалъ объ этомъ домой и ихъ вышлютъ Тютчеву, Николаю Николаевичу, который передастъ ихъ Вамъ, а Вы, по свойственной Вамъ безконечной добротѣ, обратите вниманіе на его просьбу и сдѣлаете, что можете, черезъ Вашихъ пріятелей.

И такъ, я уѣхалъ, и мнѣ сдается, какъ-будто что-то новое началось въ моей жизни. Или это только такъ кажется, а уже ничего новаго, неожиданнаго жизнь мнѣ представить не можетъ, кромѣ смерти? Чувство грусти при перемѣнѣ въ жизни, при разставаніи—чувство молодое и тѣсно связано съ чувствомъ надежды на будущее. Эти два разноцвѣтные цвѣтка ростутъ на

одномъ корнѣ: завяли ли они у меня? Не знаю, но иногда мнѣ самому становится жутко... А вѣдь и это еще признакъ молодости?

Мнѣ просто жаль, что я разстался съ петербургскими друзьями, или, говоря опредѣлительнѣе, жаль, что я разстался съ Вами. Я мало знаю мѣстъ на свѣтѣ, гдѣ бы мнѣ было такъ хорошо, какъ въ Вашей комнаткѣ. Съ мыслью о ней связано много воспоминаній о тихихъ вечерахъ и хорошихъ разговорахъ. А помните, какъ Вы плакали однажды? Я напоминаю это Вамъ вовсе не для того, чтобы потрунить надъ Вами, что ли,—нѣтъ, сохрани Богъ. Не слезы Ваши меня трогали, а то, что Вы могли и не стыдились плакать.

Я долженъ кончить это письмо: господинъ, который взялся его доставить, сейчасъ ѣдетъ назадъ въ Петербургъ. Я Вамъ напишу изъ Берлина, отправивши г-жу Марковичъ въ Дрезденъ. Я Вамъ разскажу наше путешествіе... А мужъ ея нестерпимый человѣкъ изъ породы добродѣтельныхъ, раздражительныхъ и честныхъ глупцовъ.

Прощайте, будьте здоровы. Напишите мнѣ въ Парижъ, poste restante. Кланяюсь всему милому *Фуршатскому* кружку и цѣлую Ваши руки.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

15.

Виши.
24/12-го іюня 1859 г.

Милая Графиня, я получилъ два письма отъ Васъ, на которыя мнѣ бы слѣдовало тотчасъ же отвѣтить, но я мѣшкалъ до сихъ поръ, въ чемъ прошу милостиваго прощенія.

Вотъ уже пятый день, какъ я нахожусь въ Виши, пью воды и купаюсь для исцѣленія моихъ недуговъ: посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

Прежде всего позвольте мнѣ поблагодарить Васъ за Ваши хлопоты о Бѣленковѣ и о г-жѣ Змѣевой. Я знаю, что доставлять Вамъ случай дѣлать добро—это значитъ одолжить Васъ, но благодарить кого любишь—очень пріятно, и Вы не захотите лишить меня этого удовольствія. Я очень радъ, что дѣло Бѣленкова уладилось; что же касается до г-жи Змѣевой,—между нами говоря,—дама эта очень мало меня интересуетъ. Ея несносная, задушевно-пошло-фразисто-чувствительно-восторженная болтовня очень противна. Дочь ея вѣроятно немного потеряетъ отъ разлуки съ такой матерью, хотя, конечно, слѣдуетъ хлопотать объ ихъ соединеніи... Во всякомъ случаѣ, съ благодарностью и удовольствіемъ цѣлую Ваши милыя руки.

Дай Богъ, чтобы морскія купанья помогли Вамъ. Я часто думаю объ Васъ и чувствую, что глубоко и искренно къ Вамъ привязанъ. Я нахожусь теперь въ томъ полу-вдох-

новенномъ полу-грустномъ настроеніи, которое всегда находитъ на меня передъ работой. Но если бы я былъ помоложе, я бы бросилъ всякую работу и поѣхалъ бы въ Италію—подышать этимъ теперь вдвойнѣ благодатнымъ воздухомъ. Стало-быть, есть еще на землѣ энтузіазмъ? Люди умѣютъ жертвовать собою, могутъ радоваться, безумствовать, надѣяться? Хоть посмотрѣлъ бы на это—какъ это дѣлается? Но теперь я уже отяжелѣлъ, лѣнь выскакивать изъ проложенной колеи, по которой со скрыпомъ и не безъ толчковъ, а все-таки катится «Телѣга жизни». Все, что осталось у меня жару, ушло въ сочинительскую способность. Все остальное холодно и неподвижно.

Я часто видѣлся въ Парижѣ съ моею дочерью и не разъ мечталъ о томъ, какъ бы я Вамъ ее показалъ. И не то, чтобы я воображалъ, что есть чѣмъ похвастаться: нѣтъ, въ ней нѣтъ ничего необыкновеннаго. Есть кое-какіе, довольно важные недостатки, но она очень чистое и честное созданье. Она будетъ хорошей женой. Какъ это сдѣлалось,—не знаю. Воспитаніе она получила пансіонское, французское, то-есть, прескверное. Такая уже, видно, кровь. Я не хочу этимъ сказать, что она въ меня вышла; напротивъ, этихъ-то качествъ именно и нѣтъ у меня. Я хотѣлъ сказать, что она, видно, такъ родилась. Но объясненіе напоминаетъ Моліеровское: c'est pourquoi votre fille est muette,—но почти всѣ объясненія таковы. Словомъ, я доволенъ моей дочкой и очень радъ тому, что доволенъ. Она осенью выходитъ изъ пансіона. Я ее на зиму поселю въ хорошемъ домѣ, у почтеннаго семейства. Можетъ быть, мы съ нею, передъ возвращеніемъ моимъ въ Россію, сдѣлаемъ вдвоемъ маленькое путешествіе по Рейну.—А въ Россію я возвращусь непремѣнно къ сентябрю.

Я встрѣтилъ въ Парижѣ гр. Карла Ламберта. Онъ первый сообщилъ мнѣ о Вашей поѣздкѣ въ Гапсаль. Онъ почти не хромаетъ теперь.

Пожалуйста, поклонитесь Вашему милому и доброму мужу и всѣмъ хорошимъ Петербургскимъ знакомымъ.

Я Вамъ ничего не сказалъ о Виши: это довольно грязный французскій городишко, безъ тѣни и безъ хорошихъ прогулокъ; только и есть въ немъ хорошаго, что нѣсколько липовыхъ аллей, которыя теперь въ полномъ цвѣту... Этотъ сладкій запахъ напоминаетъ мнѣ родину, но нѣтъ здѣсь ея необозримыхъ полей, полыни по межамъ, прудовъ съ ракитами и т. д.

Что ни говорите, человѣкъ гораздо больше растеніе, растеніе съ *корнемъ*, чѣмъ онъ самъ предполагаетъ.

Еще разъ и долго и крѣпко цѣлую Вашу руку и прошу ее, эту руку, написать мнѣ въ Парижъ, poste restante. Я здѣсь остаюсь всего 3 недѣли.

Будьте здоровы, это главное.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Любезная Графиня, Вы пишите такія милыя письма, что человѣку самолюбивому отвѣчать Вамъ было бы трудно. Но мнѣ легко не потому, чтобы во мнѣ не было самолюбія, а потому что Вамъ я не стараюсь показываться съ лицевой стороны. Мы хотя недавно знакомы, но уже много перечувствовали и передумали вмѣстѣ, и, я смѣю думать, привязались другъ къ другу не въ силу нашихъ надеждъ, а въ силу воспоминаній и общихъ жизненныхъ опытовъ; слѣдовательно, намъ можно отложить въ сторону всякую суету и быть другъ съ другомъ такими, какими насъ Богъ создалъ.

Я очень радъ тому, что Вы прямо высказываете мнѣ все, что у Васъ на душѣ; мнѣ только жаль Васъ, когда у Васъ на душѣ темно, и хотѣлось бы быть съ Вами, чтобы помочь Вамъ немножко и разсѣять этотъ мракъ. Надѣюсь, что пребываніе Ваше на берегу моря будетъ Вамъ полезно, и съ радостью думаю о тѣхъ вечерахъ, которые буду проводить нынѣшнею зимой, въ Вашей милой комнатѣ. Посмотрите, какъ мы будемъ хорошо вести себя, тихо, спокойно,—какъ дѣти на Страстной недѣлѣ. За себя я отвѣчаю.

Вы, можетъ быть, найдете эту послѣднюю фразу дерзкой; но я хотѣлъ только сказать, что Вы моложе меня.

Я пишу Вамъ изъ замка (chateau) г-жи Віардо; имя ему: Courtavenel. Онъ находится верстахъ въ пятидесяти отъ Парижа. Я недавно возвратился изъ Виши, гдѣ съ

большимъ успѣхомъ пилъ воды. Здоровье мое хорошо; но душа моя грустна. Кругомъ меня правильная семейная жизнь... Для чего я тутъ и зачѣмъ, уже отходя прочь ото всего мнѣ дорогаго, зачѣмъ обращать взоры назадъ? Вы поймете легко и что̀ я хочу сказать, и мое положеніе.

Впрочемъ, тревоги во мнѣ нѣтъ. Говорятъ, человѣкъ нѣсколько разъ умираетъ передъ своей смертью... Я знаю, что во мнѣ умерло; для чего же стоять и глядѣть на закрытый гробъ? Не чувство во мнѣ умерло, нѣтъ... но возможность его осуществленія. Я гляжу на *свое* счастье, какъ я гляжу на *свою* молодость, на молодость и счастье другаго; я здѣсь, а все это тамъ; и между этимъ *здѣсь* и этимъ *тамъ*—бездна, которую не наполнитъ ничто и никогда въ цѣлую вѣчность. Остается одно: держаться пока на волнахъ жизни и думать о пристани, да отыскавъ товарища дорогаго и милаго, какъ Вы, товарища по чувствамъ, по мыслямъ, и главное—по положенію (мы оба съ Вами уже немного ждемъ для себя), крѣпко держать его руку и плыть вмѣстѣ, пока...

Вотъ Вамъ исповѣдь человѣка, который не «Сирена», увы! не «тигръ» и не «бѣлый медвѣдь», а просто старикъ, который еще не разучился любить и очень Васъ любитъ.

Я довольно много видѣлъ мою дочь въ послѣднее время и узналъ ее. При большомъ сходствѣ со мною, она натура совершенно различная отъ меня. Художественнаго начала въ ней и слѣда нѣтъ. Она очень положительна, одарена характеромъ, спокойствіемъ, здравымъ смысломъ: она будетъ хорошая жена, добрая мать семейства, превосходная хозяйка. Романтическое, мечтательное все ей чуждо. У ней много прозорливости и безмолвной наблюдательности. Она будетъ женщина съ правилами и религіозная... Она, вѣроятно, будетъ счастлива. Я былъ съ

ней въ нашей церкви и познакомилъ ее съ Русскимъ священникомъ, который даетъ ей уроки и очень ею доволенъ. Она меня любитъ страстно, но она будетъ любить немногихъ. Приведется ли ей узнать Васъ?

Я теперь занятъ большою повѣстью, въ которую намѣренъ положить все, что у меня еще осталось въ душѣ... Богъ знаетъ, удастся ли? Я безпрестанно вожусь съ моими лицами, даже во снѣ ихъ вижу. Если я буду доволенъ своей работой,—посвящу ее Вамъ.

Ну, прощайте, пока. Будьте здоровы,—это главное. Поклонитесь Вашему мужу и всѣмъ петербургскимъ пріятелямъ, не забывая г-жи Веригиной.

Напишите мнѣ по слѣдующему адресу: Au chateaû de Courtavenel, près de Rozoy en Brie (Seine et Marne).

Цѣлую ваши руки и остаюсь

Любящій Васъ

Ив. Тургеневъ.

17.

Беллфонтень
(близъ Фонтенебло)

23-го іюля / 4-го августа 1859 г.

Я четвертаго дня получилъ Ваше письмо отъ 26-го Іюня, любезная Графиня. Оно дней двадцать пролежало на почтѣ. Я боюсь, какъ бы отвѣтъ мой не засталъ Васъ болѣе въ Гапсалѣ. Но я надѣюсь, что Вы, уѣзжая оттуда, распорядитесь высылкой къ Вамъ писемъ.

Я въ послѣдній разъ писалъ къ Вамъ изъ имѣнія г-жи Віардо, гдѣ я провелъ двѣ недѣли и куда я думаю возвратиться дней черезъ восемь. А теперь я нахожусь въ гостяхъ у княгини Трубецкой (матери княгини Орловой), очень доброй и милой, хотя нѣсколько эксцентрической женщины. У меня отдѣльная комнатка въ отдѣльномъ флигелѣ, и я много работаю надъ новымъ моимъ романомъ.

Эта работа отвлекаетъ мои мысли ото всего другаго и придаетъ имъ что-то плоское и безжизненное, которое вѣроятно отразится въ этомъ письмѣ.

А между тѣмъ я бы такъ желалъ именно теперь владѣть всѣми своими способностями, чтобы отвѣчать Вамъ на Ваше милое, слишкомъ милое письмо. Какъ можно говорить человѣку такія лестныя вещи, и говорить ихъ такъ умно и красиво, что онъ, хотя краснѣлъ отъ незаслуженныхъ похвалъ, не можетъ не любоваться ихъ выраженіемъ? Пожалуйста, не балуйте меня слишкомъ, а то вы будете виноваты, если я стану тщеславнымъ.

Кромѣ того, увѣряю Васъ, самыя тонкія похвалы все таки не стоятъ въ моихъ глазахъ Вашей доброй дружбы и расположенія, которыми я дорожу больше всего на свѣтѣ и за которыя я съ нѣжной благодарностью сто разъ сразу цѣлую Ваши прекрасныя руки.

Мнѣ очень пріятно видѣть изъ Вашего письма, что настроеніе Вашей души спокойнѣе и свѣтлѣй. Жизнь— ни что иное, какъ болѣзнь, которая то усиливается, то ослабѣваетъ: надобно умѣть переносить ея припадки,— и Вы въ этомъ дѣлѣ мастерица. Разница этой болѣзни отъ другихъ состоитъ въ томъ, что лучшій для ней врачъ— другой больной, т.-е. другой живущій, въ особенности другъ. Мы часто въ нашей комнаткѣ на Фурштатской помогали своимъ недугамъ.

Мысль объ этой комнаткѣ всегда представляется мнѣ, когда мнѣ тяжело.

Гдѣ вы будете около 10-го Сентября стараго стиля? Я проѣду тогда черезъ Петербургъ въ деревню и пробуду тамъ до 15-го Ноября. Вы можете продолжать писать мнѣ въ Парижъ, poste restante, я теперь буду чаще туда навѣдываться. А выѣзжаю я отсюда 3/15-го Сентября.

Не хочется мнѣ отсылать письмо съ четвертымъ бѣлымъ листомъ, да пора отсылать на почту.

Еще разъ крѣпко и дружески цѣлую Вашу руку, кланяюсь Вашему мужу и всѣмъ петербургскимъ друзьямъ.

Если у меня не будетъ опять болѣть горло, какъ въ прошломъ году, я Вамъ прежде всѣхъ другихъ прочту мой романъ въ Петербургѣ.

До свиданія.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

18.

С. Спасское.
23-го Сентября 1859 г.

Милая Графиня,

Я Вамъ пишу это коротенькое письмо съ единственной цѣлью получить отъ Васъ отвѣтъ (при чемъ прошу не забыть начатый листикъ, отыскать его и прислать).

Собственно о себѣ могу Вамъ сказать только то, что я пріѣхалъ сюда благополучно, засталъ всѣхъ здравыми и невредимыми, но дичи, по причинѣ сухой погоды, не нашелъ, что меня нѣсколько смутило, но вслѣдствіе чего я, вѣроятно, дня черезъ два засяду за работу.

Въ это мгновенье у меня рѣшительно нѣтъ ничего путнаго въ головѣ. Кружатся въ душѣ всякаго рода ощущенія, какъ снѣжинки во время мятели, и чувствую я, что хорошо сдѣлалъ, что пріѣхалъ въ это старое гнѣздо. Но въ то же время мнѣ грустно, и только сильнѣе обыкновеннаго говорятъ во мнѣ мои старыя привязанности.

Образъ Вашъ очень часто представляется мнѣ, но сказать ему—пока—мнѣ нечего,—я жду, чтобы онъ обратился ко мнѣ съ добрымъ словомъ, т.-е. я жду письма. Пожалуйста, не заставьте меня ждать слишкомъ долго.

Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и дружески нѣжно цѣлую Вашу руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

19.

С. Спасское.
26-го Сентября 1859 года.

Любезнѣйшая Графиня,

Есть русская пословица: «Кормилъ меня до усовъ, корми до бороды». Она очень нелѣпа, но смыслъ ея слѣдующій: «ты мнѣ сдѣлалъ пять одолженій, сдѣлай еще десять».—Будьте такъ добры и узнайте черезъ Вашего мужа отъ ген. Герштенцвейга слѣдующее:

По Вашему благодушному ходатайству, подпоручикъ Бѣлевскаго полка Иванъ Бѣленьковъ былъ переведенъ въ другой полкъ, о чемъ онъ извѣстился вслѣдствіе запроса, сдѣланнаго изъ 5-ой дивизіи 2-го корпуса въ его полкъ, т.-е. онъ извѣстился, что переведенъ,—но въ какой полкъ?—осталось покрыто для него мракомъ неизвѣстности. А срокъ его отпуска истекаетъ перваго Ноября, послѣ чего онъ, не явившись въ новый свой полкъ, будетъ считаться чуть ли не дезертёромъ. А потому просьба его и моя состоитъ въ томъ: узнать, въ какой полкъ онъ переведенъ, и извѣстить меня объ этомъ, не теряя времени, а я ему тотчасъ передамъ это извѣстіе, такъ какъ онъ живетъ отъ меня въ двухъ шагахъ. Да сверхъ того, если бъ можно было, по причинѣ крайней его бѣдности, выхлопотать ему прогоны до мѣста нахожденія его полка,—это было бы истиннымъ добрымъ дѣломъ.

Я надѣюсь на Васъ, какъ на каменную стѣну, и пере-

даю Вамъ всѣ тѣ благодаренія, которыми меня осыпаютъ и которыя всѣ, безъ исключенія, слѣдуютъ Вамъ.

Это письмо—дѣловое, а потому я Вамъ о себѣ скажу только то, что я Васъ люблю попрежнему, часто о Васъ вспоминаю и съ истиннымъ удовольствіемъ мысленно цѣлую Ваши милыя и добрыя руки.

Кланяюсь Вашему мужу и всѣмъ Вашимъ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

20.

С. Спасское.
3-го Октября 1859 г.

Не даромъ добивался я письма, начатаго въ Гапсалѣ, любезная Графиня... Какое странное, милое, горячее и печальное письмо—точно тѣ короткія, нешумныя лѣтнія грозы, послѣ которыхъ все въ природѣ еще болѣе томится и млѣетъ. Если бъ я былъ мужъ, и моя жена часто писала такія письма, мнѣ бы стало чуть-чуть жутко. Но какъ старый другъ, я говорю: и это я понимаю, и это нужно.

Особенно мнѣ понравилась одна фраза,—отгадайте, какая? «Pour vous faire plaisir par la vue de mon cèrituse». Когда я цѣлую руку, мнѣ пріятно, чтобы рука мнѣ давала чувствовать, что она знаетъ, что мнѣ пріятно ее цѣловать. Но отчего такъ долго скиталось это милое письмо? Это—тайна судьбы и почтоваго Вѣдомства. Впрочемъ, все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ возможныхъ міровъ.

Я только со вчерашняго дня присѣлъ за работу, за окончаніе моего романа, и мнѣ это письмо пришлось такъ кстати, какъ... какъ сыръ къ макаронамъ, по выраженію Италіянцевъ. Ахъ! Какое прозаическое сравненіе!

А что же Вы скажете про конецъ Вашего письма, написанный цѣлымъ мѣсяцемъ позже? Это хуже прозы. Эта недовѣрчивость, эта мысль, что я начинаю скучать съ

Вами (Вы такъ выразились, ей-Богу), эти ненужныя и несправедливыя тонкости наблюденія и саморазбирательства,—что Вы обо всемъ этомъ скажете?—Знайте же, милостивая государыня, что я, съ своей стороны, тоже вдаюсь въ тонкости. Я начинаю подозрѣвать, что Вы начинаете скучать со мною и хотите только отвесть мнѣ глаза (me donner le change). Да, да, я уже высказался,—и Вы хотите дать мнѣ это замѣтить со всей коварной деликатностью, свойственной женскому полу.

Ага! Что? Попались?—Результатомъ всего этого то, что я считаю своимъ долгомъ объявить Вамъ, что я только два существа на свѣтѣ люблю больше Васъ: одно, потому что она моя дочь,—другое, потому... Вы знаете, почему.

Вы скажете: вотъ вздумалъ удивить—третьимъ мѣстомъ!

— А позвольте узнать, я какое у Васъ занимаю? Въ какомъ я десяткѣ?

А теперь пожалуйте мнѣ Вашу руку и дайте мнѣ ее поцѣловать такъ, какъ я Вамъ объяснилъ, что мнѣ пріятно.

5-го октября.

Я на этомъ мѣстѣ остановился,—и вотъ получаю вчера другое письмо отъ Васъ. Въ этомъ наоборотъ: начало холодно, принужденно и несправедливо; а конецъ—прелестный. Но во всякомъ случаѣ мнѣ приходится сказать съ Лермонтовымъ:

«За все, за все тебя благодарю я».

Наша переписка меня очень радуетъ. Я никого не хочу видѣть, мнѣ нужно уединеніе, но чѣмъ больше будетъ этихъ милыхъ гостей изъ Петербурга и чѣмъ они сами будутъ больше, т.-е. толще, тѣмъ лучше будетъ.

Я жду еще на дняхъ посланіе отъ Васъ въ отвѣтъ на запросъ о Бѣленковѣ, жду и потираю себѣ руки. Какой я, право, ловкій молодой человѣкъ: даю Вамъ случай дѣлать добро, а самъ—un peu mal sain pour vous, какъ Вы говорите. Стало быть, карты мои падаютъ направо и налѣво;—какъ мнѣ не выиграть банкъ?

Но однакожъ довольно, до слѣдующаго раза, а то я разболтался.

Будьте здоровы, веселы; кланяйтесь отъ меня всѣмъ знакомымъ, начиная съ M-me Веригиной.

Я надѣюсь быть въ Петербургѣ въ половинѣ Ноября.

До свиданія.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

21.

С. Спасское.
9-го Октября 1859 г.

Милая Графиня,

Я увѣренъ, что Вы по полученіи моего послѣдняго письма много себѣ сдѣлали упрековъ, и потому я не стану упрекать Васъ за Ваши письма, тѣмъ болѣе, что если вникнуть въ причину Вашего неудовольствія, въ ней все-таки есть что-то для меня лестное. Всякая женщина, даже самая лучшая (и Вы—доказательство тому), склонна къ несправедливости. Это такъ искони ведется, и видно, оно такъ и должно быть.

Я Вамъ очень благодаренъ за Бѣленкова и поручаю его впредь Вашему покровительству.

Хотите Вы знать, какая наружность человѣка, на котораго Вы гнѣвались? Онъ лѣтъ 23-хъ, краснощекъ, и на видъ глуповатъ: носъ имѣетъ большой, руки у него потѣютъ, и онъ не знаетъ орѳографіи. Тѣмъ больше чести для насъ съ Вами, что мы за него хлопочемъ.

Я теперь работаю весьма прилежно надъ моей новой повѣстью, которая, если Вы найдете ее хорошой, разумѣется, будетъ посвящена Вамъ. Самъ я теперь о ней судить не могу: находясь въ дыму сраженія, не знаешь, побѣдилъ ли ты, или разбитъ.

Я явлюсь къ Вамъ съ рукописью подъ мышкой около 15-го Ноября, если Богъ дастъ.

Скверно то, что я простудился и получилъ ту самую болѣзнь, которая меня мучила въ прошломъ году въ Петербургѣ: не могу не только говорить, даже шептать: кашель поднимается судорожный. Надо терпѣнья много и еще больше шпанскихъ мушекъ.

Сегодняшнее письмо мое будетъ прекоротенькое; но я надѣюсь, что Вы изъ этого никакихъ дурныхъ выводовъ не будете дѣлать, послѣ всѣхъ моихъ недавнихъ *деклараций*. А потому—до другаго раза.

Кланяюсь всѣмъ вашимъ и цѣлую Ваши руки.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

22.

С. Спасское.
14-го Октября 1859 г.

Зачѣмъ говорите Вы мнѣ сладкія вещи, милая Графиня? Я же Вамъ не говорю сладкихъ вещей. Впрочемъ, я утѣшаюсь себя мыслію, что, сообщая мнѣ отрывокъ письма, писаннаго Вами обо мнѣ, Вы не столько руководствовались желаніемъ сказать мнѣ сладкія вещи, сколько намѣреньемъ косвенно упрекнуть меня въ незначительности и блѣдности моихъ послѣднихъ писемъ. Но человѣкъ, который, какъ я, написалъ Вамъ на дняхъ чуть не эклогу, можетъ спокойно скрестить на груди руки и ожидать приговора безпристрастнаго судьи, или Вашего приговора,—что не совсѣмъ одно и то же.

А сладкихъ вещей Вы все-таки мнѣ не пишите. Человѣкъ уже такъ созданъ, что всегда готовъ объѣдаться вареньемъ, даже если знаетъ, что оно ему вредно, и что это варенье собственно не принадлежитъ ему вовсе. Но женщины любятъ гладить по головкѣ, особенно послѣ того, какъ оцарапали,—и это называется у нихъ добротою.

А я все-таки радъ, что Ваше скептическое и недовѣрчивое настроеніе смѣнилось меланхолическимъ и грустнымъ. Скептикъ недоволенъ другими и собою, а меланхоликъ только собою, что гораздо легче и лучше.

Я сижу здѣсь, какъ ракъ на мели, носу не показываю изъ комнаты, не могу говорить, кашляю, но рабо-

таю усердно. Погода у насъ стоитъ теплая,—я до страсти люблю такіе осенніе дни, а принужденъ любоваться на нихъ сквозь двойныя рамы. Это не весело, но, какъ мнѣ разъ говорилъ графъ Блудовъ (секретарь посольства въ Лондонѣ), съ изумленіемъ видѣвшій, что я на желѣзной дорогѣ торопился и спѣшилъ: «Неужели есть на свѣтѣ вещь, изъ-за которой стоитъ спѣшить?»—Такъ и я думаю иногда: не все ли равно, гдѣ сидѣть? Неужели есть вещь, которой стоитъ желать?

Написавши эти слова, я почувствовалъ, что сказалъ вздоръ. Увы! Я знаю много вещей, которыхъ желаю страстно и которыя мнѣ, вѣроятно, никогда не дадутся. На одно изъ моихъ желаній Вы, въ Вашемъ письмѣ, отвѣчали напередъ страшной фразой, которую я повторить не хочу, и которая заставила меня содрогнуться. Да и кромѣ *этого*, единственнаго и главнаго желанія, у меня есть много другихъ, исполненіе которыхъ меня бы очень обрадовало: напримѣръ, я желалъ бы быть здоровымъ и сидѣть у Васъ съ Вами въ маленькой комнаткѣ на Фурштатской; желалъ бы, чтобы романъ мой удался; желалъ бы... да всего не перечтешь. «Человѣкъ умираетъ,—говоритъ Русская пословица,—а ногой дрыгаетъ».

Мнѣ недавно пришло въ голову, что въ судьбѣ почти каждаго человѣка есть что-то трагическое,—только часто это трагическое закрыто отъ самого человѣка пошлой поверхностью жизни. Кто останавливается на поверхности (а такихъ много), тотъ часто и не подозрѣваетъ, что онъ—герой трагедіи. Иная барыня жалуется на то, что у ней желудокъ не варитъ, и сама не знаетъ, что этими словами она хочетъ сказать, что вся жизнь ея разбита. Напримѣръ, здѣсь: кругомъ меня все мирныя, тихія существованія, а какъ приглядишься — трагическое виднѣется въ каждомъ, либо свое, либо наложен-

ное исторіей, развитіемъ народа. И при томъ мы всѣ осуждены на смерть... Какого еще хотѣть трагическаго?

Не знаю, что мнѣ вздумалось пуститься въ эти философствованія. Впрочемъ, съ Вами я никогда не знаю, что у меня начинается, да и знать не хочу. Я знаю, что я ни въ какомъ случаѣ не напишу, что я Васъ не люблю.

Прощайте, милая Графиня, будьте веселы, кланяйтесь Вашему мужу и всѣмъ друзьямъ. Цѣлую Ваши руки.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Отчего Вы мнѣ пишете *страховыя* письма? Черезъ это онѣ мнѣ доходятъ днемъ позже.

23.

С. Спасское.
28-го Октября 1859 г.

Милая Графиня,

Я получилъ отъ Васъ два письма и не отвѣчалъ, да и сегодня не чувствую себя въ состояніи отвѣчать какъ слѣдуетъ. Я нахожусь въ унынiи (кстати, у меня былъ знакомый, очень хорошій христіанинъ, который ужасно сердился, когда ему говорили, что унынiе—смертный грѣхъ). Глупая моя болѣзнь не только не проходитъ, но становится все сильнѣе. Вчера у меня былъ докторъ изъ Орла, который объявилъ мнѣ, что онъ еще не встрѣчалъ такой странной болѣзни, и не знаетъ, какъ ее лечить. Результатомъ всего этого—что я съ своей стороны тоже не знаю, когда я отсюда выѣду. При томъ сегодня день моего рожденья (мнѣ 41 годъ). Въ этотъ день я всегда чувствую особенно не веселое расположенiе духа.

Вы скажете—въ такомъ случаѣ лучше не писать, и Вы, можетъ быть, правы. Но не отвѣчать на письма тоже не хорошо,—и Богъ знаетъ, когда бы я дождался свѣтлой минуты. Пріятелей надобно брать, какъ они есть, со всѣми ихъ немощами, или вовсе не брать.

Моя повѣсть кончена. Надо бы ее переписать, а тутъ новое затрудненiе: когда я наклоняюсь къ столу, чтобы

писать, у меня опять поднимается судорожный кашель— чепуха, да и только!

Все это очень глупо, и поэтому предпочитаю умолкнуть, крѣпко пожавши Вамъ руку и желая Вамъ всего хорошаго на свѣтѣ. Поклонитесь отъ меня Вашимъ.

Ив. Тургеневъ.

24.

С. Спасское.
3-го Ноября 1859 г.

Мое послѣднее письмо было очень малодушно, сколько мнѣ помнится, милая Графиня. Что дѣлать!

Спѣшу Васъ увѣдомить, что болѣзнь моя почти внезапно прошла, и что я выѣзжаю отсюда, если Богъ дастъ, черезъ недѣлю, и около 14-го Ноября буду въ Петербургѣ и на Фурштатской.

Посылаю Вамъ военную поэзію полковника А. и вмѣстѣ съ нею—самыя горячія благодаренія Бѣленькова.

Нечего больше писать. Переговоримъ обо всемъ на словахъ.

Будьте здоровы. Крѣпко жму Вашу руку и кланяюсь графу и всѣмъ хорошимъ знакомымъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

25.

С. Спасское.
12-го Ноября 1859 г.

Милая Графиня,

Я себя сглазилъ моимъ послѣднимъ письмомъ къ Вамъ. Болѣзнь моя послѣ него вспыхнула снова съ бо̀льшей силой, и потому я не хотѣлъ уже болѣе писать: жаловаться—скучно, а другое ничего въ голову нейдетъ. Но получивши Ваше двойное письмо, надо сказать Вамъ хоть спасибо.

Спасибо Вамъ, и спасибо любезному доктору. Но кажется (!), я теперь имѣю надежду выѣхать отсюда черезъ недѣлю.

О *Русскомъ* Вашемъ письмѣ мы поговоримъ съ Вами на Фурштатской.

Больше ничего не напишу. Мнѣ хочется говорить съ Вами, а не писать; и потому—до свиданія (если Богъ дастъ). Цѣлую Ваши ручки и кланяюсь Вашему мужу и всѣмъ пріятелямъ.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

26.

Любезнѣйшая Графиня,

Я пріѣхалъ вчера, но до сихъ поръ не давалъ Вамъ знать о своемъ пріѣздѣ, потому что надѣялся, что докторъ мнѣ позволитъ выходить на воздухъ. Но, увы! докторъ сейчасъ былъ у меня и объявилъ мнѣ, что мнѣ должно просидѣть нѣсколько дней дома.

Дѣлать нечего, должно покориться и отложить удовольствіе видѣть Васъ.

Надѣюсь, что Вы здоровы и веселы.

Дружески жму Вамъ руку и кланяюсь всѣмъ Вашимъ.

Я радъ, что сюда дотащился. Теперь я скоро выздоровѣю.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Не можете ли Вы мнѣ прислать № „Норда“ или „Indépendance“, гдѣ говорится объ Орфеѣ и M-me Viardot?

27.

Любезнѣйшая Графиня,

Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ самому хочется поскорѣе увидѣться съ Вами. Завтра докторъ у меня будетъ, и я отпрошусь у него на понедѣльникъ вечеромъ къ Вамъ, или, если въ понедѣльникъ нельзя, то по крайней мѣрѣ во вторникъ.

Свою повѣсть я тогда же привезу къ Вамъ.

Я Вамъ завтра передъ обѣдомъ дамъ знать, когда я у Васъ могу быть.

До свиданія.

Крѣпко жму и почтительно цѣлую Ваши милыя руки.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Суббота вечеромъ.

28.

Милая Графиня,

Во-первыхъ, у меня было сказано: цѣлую Ваши *милыя* руки,—что совсѣмъ другое значитъ, чѣмъ: цѣлую Ваши руки. Во-вторыхъ, я никакъ не могу самъ Вамъ читать мою вещь,—состояніе моего голоса мнѣ этого не позволяетъ,—а я Вамъ съ симъ письмомъ посылаю ее, если Вы только разберете мой почеркъ.

Прошу Васъ дѣлать на поляхъ критическія замѣчанья карандашомъ. Вы знаете, что моя повѣсть Вамъ посвящена, но я не хотѣлъ написать это посвященіе, пока Вы ея сами не прочтете, особенно 28-ую главу.

Быть у Васъ сегодня вечеромъ мнѣ невозможно, да оно, я вижу, и неудобно. Я пріѣду къ Вамъ завтра вечеромъ, во *вторникъ*.

Возвращаю Вамъ письмо Вашего корреспондента: признаюсь, я никакъ не ожидалъ, чтобы нашли что-нибудь особенное въ этой небрежной вещицѣ, которую переводчикъ вздумалъ откопать въ моихъ сочиненіяхъ.

До свиданія завтра. Какъ я буду радъ увидѣть Васъ! Будьте здоровы и веселы.

Цѣлую съ нѣжностью Ваши руки,—эдакъ лучше?

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

29.

Любезнѣйшая Графиня,

Къ крайней и искренней моей горести, я не могу быть у Васъ. Я сегодня пробовалъ выѣхать въ первый разъ на часъ: холодный воздухъ сдѣлалъ то, что у меня начался зудъ въ горлѣ, кашель, и я долженъ теперь сидѣть дома. Когда все это кончится—Богъ вѣдаетъ. Мнѣ такъ обидно и досадно, что и сказать нельзя.

Жму Вамъ руку съ горечью на сердцѣ и не знаю, когда мы увидимся.

Будьте здоровы.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Мнѣ остается благодарить Васъ отъ души за Ваше участіе, любезнѣйшая Графиня, и сказать Вамъ, что завтра вечеромъ гора будетъ съ благоговѣніемъ ожидать посѣщенія Магомета.

До свиданія.

Весь Вашъ

Ив. Тургеневъ.

31.

Любезнѣйшая Графиня,

Я долженъ, какъ говорятъ французы, me tenir à quatre, чтобы не почувствовать презрѣнія,—нѣтъ, это слово не довольно сильно!—омерзѣнія къ своему гнусному тѣлу. Третьяго дня я въ первый разъ выѣхалъ и имѣлъ глупость даже поѣхать въ концертъ. Вчера хотѣлъ быть у Васъ вечеромъ, но Вы меня предувѣдомили, что не будете дома. А сегодня мнѣ опять такъ плохо, что нечего и думать о выѣздѣ! Это сожиганіе на медленномъ огонькѣ копѣечной свѣчки такъ несносно, что я умолкаю.

Будьте здоровы,—это главное.

Жму Вамъ руку и кланяюсь домику на Фурштатской, который мнѣ никакъ не удается видѣть.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Середа.

32.

Хотѣлось было отвѣчать Вамъ на Ваше грустное и милое Русское письмо, любезнѣйшая Графиня, но я боюсь, что мое выйдетъ еще грустнѣе. Да и что сказать? Спасибо Вамъ, что Вы имѣете желаніе протягивать мнѣ руку и говорить со мною въ такія мгновенья... Хотя, по настоящему, за что̀ благодарить? А я все-таки благодарю.

Я сижу одинъ въ своей кельѣ и не знаю, когда выѣду; но мысль моя съ Вами, и я бы такъ хотѣлъ Васъ знать счастливой и спокойной.

Увидимся—поговоримъ.

Крѣпко жму Вамъ руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Четвергъ вечеромъ.

33.

Ахъ, любезная Графиня, какое хорошее письмо Вы мнѣ написали! Я его прочелъ нѣсколько разъ съ какимъ-то невольнымъ умиленіемъ.

Всегда хорошо раскрывать передъ другимъ свою душу: хорошо для себя и для другаго. Только напрасно Вы обвиняете меня въ авторскомъ кокетствѣ: если я для Васъ не могъ написать болѣе десяти строкъ, то для публики я бы двухъ словъ не написалъ—въ теперешнемъ моемъ расположеніи духа. На меня возложена работа, а я ничего не въ состояніи дѣлать. Мнѣ не то, чтобы скучно или грустно, но вотъ что я чувствую теперь: страстное, непреодолимое желаніе своего гнѣзда, своего *home'a*, вмѣстѣ съ сознаніемъ невозможности осуществленія моей мечты,—и въ то же время присутствіе постоянной мысли о тщетѣ всего земнаго, о близости *чего-то*, что я назвать не умѣю. Слово: смерть,—одно не выражаетъ вполнѣ этого *чего-то*,—а потому обращеніе къ Богу—рядомъ съ порывами на заповѣдные, зеленые луга. Но, должно быть, лампа вспыхиваетъ въ послѣдній разъ передъ концомъ. Туда ей и дорога!

Я нахожу, что человѣкъ вообще слишкомъ склоненъ разжалобливаться на собственный счетъ. Я сижу съ наполненнымъ желудкомъ въ теплой и накуренной комнатѣ и хнычу... а сколько бѣдныхъ... Мнѣ стыдно даже договорить.

А потому я вовсе не съ точки зрѣнія жалобы, а какъ фактъ, довожу до свѣдѣнія Вашего, что горло мое болитъ сильнѣе прежняго, и что докторъ окончательно запретилъ мнѣ выѣзжать jusqu'à nouvel ordre; что̀ мнѣ очень непріятно—больше всего потому, что это запрещеніе лишаетъ меня возможности быть у Васъ.

А знаете ли Вы, что Вы отличнымъ Русскимъ языкомъ пишете? Маленькія грамматическія ошибки (я *бреду* вмѣсто я *брожу*) только придаютъ прелести Вашей рѣчи. Если Вамъ не тяжело писать на этомъ языкѣ,—пишите: Вы увидите, что хотя онъ не имѣетъ *безкостной* гибкости французскаго языка,—для выраженія многихъ и *лучшихъ* мыслей, онъ удивительно хорошъ по своей честной простотѣ и свободной силѣ.

Странное дѣло! Этихъ четырехъ качествъ—честности, простоты, свободы и силы—нѣтъ въ народѣ, а въ языкѣ они есть... Значитъ, будутъ и въ народѣ.

Напрасно Вы говорите, что намъ съ Вами лучше не видѣться часто... Что за бѣда, что иногда въ этихъ свиданіяхъ, особенно если есть другія лица, разговоръ принимаетъ легкое и суетное направленіе... Лишь бы въ сердцѣ не было сусты, а то это тоже своего рода гордыня. Я, помнится, въ молодости хотѣлъ, чтобы каждое мгновеніе моей жизни было значительно... Дерзостное и едва ли безгрѣшное желаніе! Пускай ручеекъ журчитъ себѣ, пока сольется съ моремъ!

Прощайте, до свиданья. Цѣлую Ваши руки и благодарю Васъ за то, что Вы бесѣдуете со мной.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Нѣтъ ли у Васъ послѣдняго № Revue des 2 mondes, въ которомъ была бы статья объ *Орфеѣ*?

34.

Ужъ на что моя участь горькая, любезная и милая и добрая графиня, не могу я никакъ быть у Васъ сегодня. Я бы хотя на полчаса пріѣхалъ, да нельзя; завтра тоже не могу, а если буду живъ, въ пятницу вечеромъ, въ 8 часовъ буду непремѣнно. А пока съ истинной нѣжностью цѣлую Ваши руки и остаюсь навсегда

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Середа веч.

35.

Не хочу дожидаться до завтрашняго дня, и если самъ не могу быть у Васъ, то хочу по крайней мѣрѣ Васъ поздравить, чтобы и моего голоса не недоставало вокругъ Васъ. Вы можете себѣ представить, какъ искренно и горячо я Вамъ желаю всего лучшаго на землѣ, а потому я ничего не прибавлю и только крѣпко цѣлую Вашу руку.

До завтра.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Четвергъ 17-го дек.

36.

Тысячу разъ благодарю Васъ, милѣйшая Графиня, и къ 2 часамъ возвращу книжку. Но какія же это злыя вещи говорю я *подъ вліяніемъ* Орфея? Постараюсь быть у Васъ вечеромъ.

Цѣлую Ваши руки.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Воскресенье.

37.

Будете ли Вы сегодня вечеромъ дома, любезнѣйшая Графиня? Мнѣ хочется пожаловаться Вамъ на Васъ же самихъ.—Какъ? Я уже сталъ «cher monsieur», и другой явился «un vrai ami», и Вы меня меньше любите, и все это за то, что Вы до сихъ поръ не можете привыкнуть къ той невольной преувеличенности впечатлѣній и выраженій, которымъ мы всѣ, *сочинители*, подвержены?

Это мнѣ напоминаетъ тѣ вечера, когда Вы то *тигромъ меня считали*, то селадономъ,—и все за слова.—Что такое слово? Вспомните Гамлета.

Но я еще буду спорить съ Вами, и потому говорю Вамъ до свиданія, и хоть и cher monsieur, а какъ другъ, жму Вашу руку.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Середа.

38.

Милая Графиня,

Все исполнилось слово въ слово, какъ Вы сказали: я сегодня не поѣхалъ и Захара не отправилъ, а ѣду завтра съ Захаромъ. Къ счастью, морозъ уменьшился.

Дастъ Богъ, я дней черезъ 10 вернусь, и мы съ Вами вдвоемъ прочтемъ Юлія Цезаря. До тѣхъ поръ, будьте здоровы и веселы. Пишите мнѣ въ Москву. Я Вамъ отвѣчу.

(Кстати, г-жа Змѣева опять начинаетъ приставать ко мнѣ по своему дѣлу).

Цѣлую обѣ Ваши руки и остаюсь

любящій Васъ

Ив. Тургеневъ.

Середа 13-го Янв. 60.

39.

Москва.
18-го Января, 1860 г.

Здравствуйте, милѣйшая Графиня. Я пріѣхалъ благополучно сюда и поселился въ Удѣльной Конторѣ на Пречистенскомъ бульварѣ, у Управляющаго этой конторой, моего стариннаго пріятеля, нѣкоего Ивана Ильича Маслова.

Писемъ я изъ Петербурга еще ни отъ кого не получалъ,—не напишете ли Вы словечко?

Московскія мои впечатлѣнія до сихъ поръ не очень разнообразны: тѣ же лица, тѣ же толки. Новаго только—одни ужасные ухабы по всѣмъ улицамъ.

Я бы могъ пробыть еще нѣсколько дней въ Петербургѣ, потому что до сихъ поръ...

1-го Февраля 1860 г.

...корректура не готова,—хотѣлъ я продолжать, да такъ тринадцать дней не принимался за перо. А въ теченьи этого времени Вы успѣли написать мнѣ два письма, повѣсть моя напечаталась, я опять прочелъ свою статью на публичномъ чтеніи, а главное—я опять простудился и опять занемогъ, какъ въ деревнѣ, горломъ: опять я безъ голоса, кашляю, и вотъ уже 8-й день, какъ не выхожу изъ комнаты.

Я хотѣлъ было сказать, что тутъ-то я и вспомнилъ объ Васъ, да это несправедливо: я Васъ не забывалъ

все время,—и все-таки я не писалъ Вамъ. Примиряйте, какъ умѣете, это противорѣчіе.

Болѣзнь моя лишила меня возможности осмотрѣть Москву, какъ бы я желалъ, и теперь уже у меня одна мечта: поскорѣе вырваться отсюда, и какъ можно скорѣй очутиться въ Фуршатской, сидѣть на креслѣ возлѣ Вашего дивана и на яву поцѣловать Ваши руки такъ, какъ я ихъ теперь цѣлую заочно.

По крайней мѣрѣ Вы здоровы, по крайней мѣрѣ я не имѣю причинъ предполагать Васъ больною,—ну, и слава Богу! Ваше здоровье Вамъ нужнѣе, чѣмъ мнѣ мое.

Авось, Богъ поможетъ мнѣ выѣхать отсюда въ пятницу, и авось, я Васъ увижу въ субботу.

Какъ только пріѣду, примусь хлопотать о Вашемъ protégé. Отсюда ничего не сдѣлаешь. Выберите только ему хорошія вещи для перевода, а ужъ мы его работу пристроимъ.

Отъ души поздравляю Васъ съ свадьбой Вашей племянницы, и заранѣе поздравляю ея будущаго мужа: она, по всѣмъ вѣроятностямъ, будетъ очень хорошая жена... Здѣсь я тоже видѣлъ два, три интересныхъ женскихъ существа. Обо всемъ этомъ мы переговоримъ въ Петербургѣ.

До свиданія, милая, добрая Графиня. Въ пятницу я выѣду, или напишу Вамъ,—въ этомъ я Вамъ даю слово.

Вы никогда не подписывались: Вашъ другъ. Это слово меня очень обрадовало. А я подписываюсь

преданный Вамъ другъ Вашъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Еще разъ цѣлую Ваши милыя руки.

Совѣстно писать на такомъ клочкѣ, милая Графиня, а другого нѣтъ. Впрочемъ, мнѣ хочется сказать Вамъ только два слова и поблагодарить не за письмо (это само собою разумѣется), а за то, что Вы три раза мнѣ написали, не получивши отъ меня ни строчки. Это очень мило съ Вашей стороны, и Вы очень добры.

Если бы Вы знали, какъ мнѣ хочется поскорѣй назадъ въ Петербургъ! Сижу я здѣсь, никуда не выхожу, приходятъ ко мнѣ разные пріятели, курятъ, толкуютъ, спорятъ,—я имъ радъ, а въ душѣ тайное желаніе уѣхать отъ нихъ. Впрочемъ, тутъ есть два, три человѣка прелестныхъ (Фетъ, Борисовъ, гр. Н. Н. Толстой и мой хозяинъ Масловъ). Когда я вернусь и буду сидѣть въ Вашей комнаткѣ, заставьте меня описать ихъ Вамъ, очертить ихъ характеры.

Но съ Москвой у меня рѣшительно несчастье: не удается мнѣ сблизиться съ нею. Вотъ и теперь: замѣтилъ я двѣ, три женскія личности (это одно собственно и интересно), хотѣлъ узнать, въ чемъ дѣло... Является простуда, кашель, и я кисну за стеклами двойными, какъ дряхлый старецъ. Остается дополнять фантазіей едва уловленныя черты: но фантазія, при всемъ своемъ кажущемся разнообразіи и богатствѣ, и бѣднѣе и однообразнѣе жизни, т.-е. не такъ оригинальна.

Ничего не можетъ быть ненужнѣе, а потому досаднѣе неконченнаго этюда. Я увѣренъ, что въ эту минуту Вы

думаете: «все для него только сюжетъ этюда». Но не забывайте, пожалуйста, что Вы сами назвали себя моимъ *другомъ*, и что я Васъ *люблю*. Это не мѣшаетъ мнѣ изучать и Васъ, но это изученіе совсѣмъ другаго рода дѣло.

А можетъ быть, Вы вовсе не имѣли бы этой мысли, а я забѣжалъ зайцемъ впередъ, и qui s'excuse, s'accuse. Но ужъ какъ бы тамъ ни было, я Васъ люблю, и съ этими тремя словами я не боюсь никого, ни собственныхъ наблюденій, ни чужихъ недоразумѣній, ни себя, ни Васъ.

И такъ, у Васъ новое лицо въ семействѣ, новая жизнь влилась въ Вашу жизнь. Сначала это всегда причиняетъ маленькую неловкость: стерпится, слюбится. А мнѣ хочется посмотрѣть на все это.

Сегодня пятница; а на понедѣльникъ удержано для меня мѣсто въ тепломъ почтовомъ вагонѣ. Если все пойдетъ благополучно, я во вторникъ буду въ Петербургѣ, и можетъ быть, во вторникъ вечеромъ буду пить Вашъ чай и руки Ваши поцѣлую. До тѣхъ поръ будьте здоровы, и дай Богъ Вамъ всего хорошаго.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Пятница.
5-го Февр. 1860.
Москва.

41.

С.-ПБургъ.
Вторникъ.
10-го Февр. 60.

Любезная Графиня,

Я сегодня утромъ воротился изъ Москвы, и черезъ часъ послѣ моего пріѣзда со мной сдѣлалось довольно сильное кровохарканіе, которое продолжается до сихъ поръ. Я бы желалъ посовѣтоваться со Здекауеромъ, а въ Шипулинскаго потерялъ вѣру. Вы, кажется, съ Здекауеромъ знакомы. Напишите ему, чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ завтра, когда ему будетъ угодно. А я его адреса не знаю.

Будьте здоровы, и до свиданія. Первый мой выѣздъ будетъ къ Вамъ.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

42.

Вы очень хорошо дѣлаете, что браните меня, милая Графиня, и я очень Вамъ за это благодаренъ. Я немножко поплатился за мое легкомыслiе.

Вчера былъ Здекауеръ и прописалъ мнѣ рыбiй жиръ. Je vais prendre des airs de poitrinaire intéressant. Но самое скучное то, что онъ велѣлъ мнѣ сидѣть дома до Вторника; во Вторникъ онъ пріѣдетъ и скажетъ мнѣ, могу ли я выѣхать. Тогда я, разумѣется, прямо къ Вамъ и принесу Вамъ мою повинную голову. А пока я опять Васъ благодарю, и цѣлую Вамъ руки.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Воскресенье утромъ.

43.

Милая Графиня,

Я не могу отвѣчать Вамъ сейчасъ, какъ бы хотѣлось, но не могу также не отвѣчать Вамъ хотя нѣсколькими словами.

Вы пишете, что мое письмо Вамъ показалось холоднымъ, и называете меня балованнымъ ребенкомъ. Увы! Я просто и не въ шутку, кажется, старикъ съ недугами, но никогда не соглашусь въ томъ, что бы что-нибудь отъ меня къ Вамъ могло быть холоднымъ. Когда я писалъ къ Вамъ, вся моя комната была набита народомъ, и я спѣшилъ. И мнѣ было горько, что я не могу выѣхать и быть у Васъ. Другихъ чувствъ у меня не было.

Теперь я не развлеченъ и не занятъ: я одинъ въ этотъ послѣдній вечеръ карнавала, и не сожалѣю о томъ. Я бы хотѣлъ быть у Васъ, но такъ какъ это нельзя, то лучше быть одному. Я бы Васъ назвалъ несправедливой, еслибъ Вы не были такъ добры и милы. Вашъ сонъ удивительный, и я готовъ бы украсть его у Васъ.

Женщины удивительныя мастерицы читать между строками, но онѣ иногда читаютъ то, чего вовсе тамъ нѣтъ.

Я знаю, очень твердо знаю, что я люблю Васъ крѣпко и неизмѣнно, и Вы сами меня не собьете съ этого убѣжденья.

Все-таки тысячу разъ спасибо Вамъ за это письмо. Завтра я напишу Вамъ больше, сегодня мнѣ грустно, и я думаю о Васъ, и мысленно цѣлую Ваши руки съ какимъ-то дружескимъ упрекомъ.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

44.

Милая Графиня,

Сейчасъ вышелъ отъ меня Здекауеръ и, увы! лишилъ меня удовольствія видѣться сегодня съ Вами, запретилъ мнѣ выѣзжать, хотя горлу моему гораздо лучше, и я совсѣмъ почти не кашляю; но онъ увѣряетъ, что теперь воздухъ прескверный. Нечего дѣлать. А такъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть Васъ, посидѣть съ Вами, послушать Васъ и долго говорить съ Вами о снахъ и обо всемъ на свѣтѣ!

Я непремѣнно воспользуюсь Вашимъ сномъ съ его дополненіемъ. Сонъ этотъ удивительно хорошъ и носитъ на себѣ ту правдивую жизненную печать, которой нѣтъ на всемъ (даже очень умно) выдуманномъ. Не знаю, куда я его помѣщу, во всякомъ случаѣ не въ ту повѣсть, которую пишу теперь. (Кстати, Ваши предсказанія оправдались, и мое «Наканунѣ» почти никому не нравится). Я чувствую, что въ эту повѣсть Вашъ сонъ не годится. Этотъ звукъ, чистый и глубокій, не идетъ къ тѣмъ звукамъ.

Мнѣ бы хотѣлось разсказать Вамъ впечатлѣнія бала, Москвы и множество другихъ разныхъ разностей... Но я постараюсь ничего не забыть, а въ письмѣ просто невозможно.

Я познакомился съ одной молодой милой женщиной 18 лѣтъ, Русской, рожденной въ Италіи, которая плохо знаетъ по-Русски. Я предложилъ ей читать съ ней вмѣстѣ Пушкина. Она такъ мило покраснѣла и такъ

ясно поблагодарила меня. Да я вѣдь забылъ, что я—infirme—невольный домосѣдъ, а туда же таращусь, словно живой.

Нѣтъ, милая Графиня, у меня только одно мѣсто здѣсь въ Петербургѣ—Ваша комнатка: тамъ хорошо сидѣть намъ, инвалидамъ, мало жившимъ при всей нашей *инвалидности*. Но и туда я попасть не могу! Хоть бы на бережку посидѣть, да смотрѣть, какъ ходятъ волны въ морѣ... Нѣтъ, говорятъ, совсѣмъ и этого не надо, и смотрѣть-то не придется, а сиди носъ съ носомъ съ самимъ собою, или съ разными забѣгающими лицами, которыя тебя же раскупориваютъ да заглядываютъ въ твое хилое и убогое я...

Между прочими является ко мнѣ нѣкто Случевскій (о которомъ я уже, кажется, говорилъ Вамъ) и приноситъ мнѣ стихотворенія, въ которыхъ мнѣ чудятся зародыши великаго таланта. Показалъ бы я Вамъ кое-что: я очень вѣрю въ Вашъ критическій и художественный инстинктъ. Но *и* онъ, сколько мнѣ сдается, матеріалистъ, въ томъ смыслѣ этого слова, которое принято между нами.

А знаете ли Вы, что Вы очень хорошо пишете по Русски? Не робѣйте только и рѣшайтесь бить грамматику и синтаксисъ по носу,—выдетъ очень хорошо. То ли дѣло—возиться съ этимъ молодымъ, свѣжимъ, неуклюжимъ, но здоровымъ языкомъ. А французскій языкъ, какъ непріятно-предупредительный лакей, забѣгаетъ Вамъ на встрѣчу и иногда заставляетъ Васъ говорить *не совсѣмъ* то, что Вы думаете, что гораздо хуже, чѣмъ еслибъ онъ заставлялъ Васъ говорить *совсѣмъ* не то, что Вы думаете.

Прощайте, говорю я Вамъ со вздохомъ, милая Графиня. Какъ только возможно, увижу Васъ. Будьте

здоровы, веселы—это главное,—и не имѣйте обо мнѣ внезапныхъ дурныхъ мыслей.

Кланяюсь Вашему мужу и всѣмъ вашимъ, и съ нѣжностью цѣлую Ваши руки.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Вторникъ.

45.

Милая Графиня,

Я, рѣшительно, злоупотребляю Вашимъ снисхожденьемъ и добротою, но нечего дѣлать: на то Вы добры, чтобы злоупотреблять Вами.

Старушка, подательница этого письма, была долгое время служанкой моей матери и теперь желала бы пріютиться гдѣ-нибудь въ богадѣльнѣ на то короткое время, которое ей остается жить.

Помогите ей въ этомъ, если только возможно. Я былъ бы крайне Вамъ обязанъ, и готовъ, въ случаѣ нужды, употребить собственныя деньги, если онѣ понадобятся для опредѣленія.

Заранѣе благодарю Васъ и крѣпко жму Вамъ руку.

Въ Субботу, т. е. завтра увидимся.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Пятница.

46.

Милая Графиня,

Ваше письмо застало меня за столомъ съ разными, soi-disant, пріятелями. Некогда отвѣчать, какъ бы хотѣлось. Завтра вечеромъ я надѣну респираторъ и отправлюсь къ Вамъ. Поговоримъ обо многомъ, начиная съ этого господина, переводъ котораго Вы мнѣ прислали.

Цѣлую Ваши руки и говорю Вамъ: до свиданія.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Пятница.

47.

Милая Графиня,

Мнѣ непремѣнно нужно Васъ видѣть, и чтобы поговорить о Вашемъ удивительномъ письмѣ, и такъ таки нужно. Но я заваленъ глупѣйшей работой и рѣшительно дохнуть свободно не могу. А потому я прошу у Васъ позволенія пріѣхать къ Вамъ сегодня въ 7 часовъ на 1½ часа.

Кстати, Вы были въ прошломъ году такъ добры, и черезъ Княжевича достали мнѣ золота. Не можете ли Вы и сегодня дать мнѣ возможность размѣнять если не 100, то 75 цѣлковыхъ? Я бы Вамъ въ ножки поклонился.

Вы знаете, что я уѣзжаю въ Воскресеніе утромъ.

До свиданія.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Середа утромъ.

Кенигсбергъ.
Пятница $\frac{29\ \text{Апр.}}{11\ \text{Мая}}$ 1860 г.

Милѣйшая Графиня, пишу Вамъ изъ здѣшняго города, куда я прибылъ, послѣ мучительнаго путешествія, вчера вечеромъ.

Двѣ причины заставили меня взяться за перо: первая состоитъ въ томъ, что я не такъ дружелюбно и пріятно провелъ съ Вами послѣдній вечеръ,—мы спорили и т. д.,— и мнѣ хочется Вамъ сказать, что я Васъ очень люблю и дорожу Вашей дружбой; (кстати, какъ я радъ, что Вы будете въ Эмсѣ! Я непремѣнно пріѣду); а вторая причина заключается въ слѣдующемъ:

Копія:

Титулярный Совѣтникъ Дмитрій Колбасинъ убѣдительнѣйше проситъ объ опредѣленіи въ одинъ изъ Петербургскихъ или Московскихъ институтовъ родной его племянницы Ольги Згурской, 9 лѣтъ, дочери умершаго капитана Андрея Згурскаго, служившаго 30 лѣтъ и не оставившаго вдовѣ и двумъ дѣтямъ никакого состоянія. Необходимые документы, по востребованію, тотчасъ будутъ представлены.

Теперь я отъ себя прибавлю нѣсколько словъ. Я не извиняюсь передъ Вами въ томъ, что я безпрерывно къ Вамъ обращаюсь: источникъ ключевой воды тѣмъ и дорогъ, что къ нему каждый идетъ напиться. Но я бы

очень желалъ сдѣлать что-нибудь для Колбасина. Это отличный, благородный и самоотверженный человѣкъ, который въ положеніи далеко не блестящемъ (онъ не богатъ и служитъ помощникомъ Управляющаго Конторою Удѣловъ въ *Новгородѣ*),—только и думаетъ о томъ, какъ бы помочь другимъ. Это его постоянная забота и единственная страсть.

Нельзя ли сдѣлать что-нибудь исключительное для него, хотя я знаю, какъ это трудно? Вы бы очень меня одолжили.

Кланяюсь Вамъ въ ножки и цѣлую Вашу руку. Я Вамъ напишу изъ Парижа, куда прошу мнѣ написать нѣсколько строкъ poste restante.

До свиданія въ Эмсѣ. Кланяюсь Вашему мужу и всему Вашему дому.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

49.

Парижъ. $\frac{23\text{-го}}{11\text{-го}}$ Мая 1860 г.

Любезная Графиня,

Сейчасъ получилъ я Ваше милое письмо, адресованное poste restante, и хотя по разсчету Вы едвали получите мой отвѣтъ до Вашего выѣзда изъ Петербурга, однако я хочу написать Вамъ нѣсколько словъ, хотя бы только для того, чтобы поблагодарить Васъ за память.

Радуюсь при мысли, что я Васъ скоро увижу. Вы не пишите мнѣ, куда собственно Вы ѣдете, но я предполагаю, что Вы не перемѣнили своего намѣренія и будете въ Эмсѣ.

Я съ 15-го іюня (нов. ст.) буду въ Соденѣ и пробуду тамъ около 6 недѣль. Соденъ очень недалеко (по желѣзной дорогѣ) отъ Эмса, и мы будемъ видѣться. Я убѣжденъ, что Вамъ поѣздка эта будетъ весьма полезна.

Я не знаю, право, какъ Васъ благодарить за всѣ Ваши хлопоты по дѣламъ моихъ protégés. Но Вамъ это не въ диво. Вы очень, очень добры (безъ шутокъ и безъ преувеличенья).

Адресъ моей дочери: 16, rue de Berlin, à la pension de M-lle Mérigeaud. Я очень буду счастливъ, если Вы ее когда-нибудь увидите, и если она Вамъ понравится.

Въ Эмсѣ мы наговоримся, а пока, прощайте, будьте здоровы и веселы. Кланяюсь Вашему мужу и сыну.

Вы не любите, что я все одинаковымъ образомъ кончаю мои письма,—да коли мнѣ всегда, разставаясь съ Вами, въ дѣйствительности, или на бумагѣ, хочется у Васъ руку поцѣловать?—Сердитесь или нѣтъ, а я у Васъ цѣлую руку, со всей подобающей нѣжностью.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

50.

Соденъ.
16/4-го Іюня 1860 г.

Вы должны были выѣхать 28-го Мая изъ Петербурга, любезнѣйшая Графиня, т. е. недѣлю тому назадъ; а поэтому слѣдуетъ ожидать, что Вы скоро пріѣдете въ Эмсъ, если не перемѣните своего намѣренія. Я и пишу Вамъ poste restante въ Эмсъ, чтобы извѣстить Васъ о мѣстѣ моего пребыванія. Я нахожусь въ Соденѣ, маленькомъ мѣстечкѣ въ недальнемъ разстояніи отъ Франкфурта, и пока весьма доволенъ своимъ лѣченіемъ: здѣшнія воды мнѣ рѣшительно полезны. Я живу въ небольшомъ домикѣ, въ саду, у добродушной нѣмки. Надо мной живетъ другая нѣмка съ прехорошенькой дочкой; я изрѣдка бесѣдую съ ней стариковскимъ манеромъ, много гуляю, и время проходитъ прекрасно. Одно непріятно: погода до сихъ поръ все стоитъ нехорошая. А я радъ отдохнуть послѣ Петербургской тревожной зимы и пожить нормальной жизнью, съ небольшой примѣсью тихой скуки,—этого вѣрнаго признака правильнаго препровожденія времени. Это чувство знакомо животнымъ, даже тѣмъ животнымъ, которыя живутъ на свободѣ; стало быть, оно нормально.

Я встрѣтился съ Вашимъ beau frère въ Парижѣ. Онъ мнѣ сказывалъ, что ѣдетъ въ Висбаденъ. Но я еще не знаю, тамъ ли онъ.

Напишите мнѣ два слова сюда, адресуя in Soden, bei Frankfurt am Main, bei August-Weber.

Я пріѣду погостить у Васъ въ Эмсѣ на день.

А главное, лечитесь, пейте воды, дышите полной грудью здѣшнимъ мягкимъ воздухомъ, и изгоняйте изъ головы Вашей лиловыхъ чортиковъ, которые хуже синихъ.

Поклонитесь отъ меня Вашему мужу и сыну Вашему (если онъ съ Вами), и не забудьте написать мнѣ.

Крѣпко жму Вамъ руку и остаюсь навсегда

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

51.

Соденъ.
24-го іюня 1860 г.
Вечеромъ.

Милая графиня, смѣю думать, что Вамъ было бы пріятно посмотрѣть, какъ я обрадовался вчера при полученіи Вашего письма, въ которомъ Вы говорили о возможности побывать сегодня въ Соденѣ... Я ходилъ Васъ встрѣчать разъ пять, но, сообразивъ хорошенько обстоятельства, я убѣдился, что Вы обѣщали вещь, къ сожалѣнью, несбыточную. Желѣзная дорога съ прошлаго года не доходитъ до Содена, она обанкрутилась. На послѣдней станціи надобно садиться въ дилижансъ. Вѣроятно, гр. Ламбертъ въ Висбаденѣ объяснилъ Вамъ это обстоятельство, и Вы благоразумно его послушались. Но уже за одно намѣренье я обязанъ живѣйшей благодарностью и визитомъ, который я исполню (исполнить визитъ не говорится, но мнѣ не хочется сказать: заплатить) въ скоромъ времени.

Меня очень порадовало Ваше письмо также и потому, что отъ него вѣетъ тѣмъ успокоеніемъ, которое предрасполагаетъ къ здоровью (хотя и тутъ дѣло не обошлось безъ женскаго упрека). Я увѣренъ, что Вамъ Эмсъ принесетъ большую пользу. Дай Богъ, чтобы онъ помогъ Вамъ хотя на половину, насколько помогъ мнѣ Соденъ.

А я здѣсь веду жизнь патріархально-мирную. Ничего не дѣлаю, а дни такъ и летятъ. Не успѣваешь оглянуться, уже вечеръ наступилъ и сонъ клонитъ. Мысли, которыя

мнѣ приходятъ въ голову, такого свойства, что я безъ большаго усилія могъ бы имѣть и противуположныя имъ мысли: до того онѣ поверхностны и самой своей поверхностью пріятны и гармоничны. Безпечно приволакиваюсь за прехорошенькой молоденькой нѣмочкой, которая живетъ со мной въ одномъ домѣ. Она удивительно молода, весела, жива, немножко кокетлива, немножко задумчива. Я гуляю съ ней и съ ея матерью, и веду незатѣйливые разговоры, которые продолжаются цѣлые часы.

Сюда пріѣхалъ хорошій мой пріятель, Толстой (братъ автора), прекраснѣйшій человѣкъ. Жаль, здоровье его очень плохо: у него злая чахотка. Онъ—удалившійся отъ міра, умный и добрый человѣкъ: онъ удалился отъ міра, и въ тоже время всему сочувствуетъ. Я съ нимъ такъ же бесѣдую и играю въ шахматы.

А здоровье мое между тѣмъ процвѣтаетъ, и мнѣ никогда не было такъ хорошо.

26-го Іюня Висбаденъ.

Оканчиваю это письмо въ Висбаденѣ, любезнѣйшая Графиня, куда заѣхалъ совершенно нечаянно, провожая одну даму въ Швальбахъ. Вотъ если бы Вы здѣсь были!

Я никакъ не ожидалъ, что мнѣ придется сдѣлать эту поѣздку. Я сегодня же вечеромъ возвращаюсь въ Соденъ, а въ Воскресенье поѣду къ Вамъ въ Эмсъ.

Впрочемъ, я до того времени спишусь съ Вами. Теперь мнѣ хочется только поблагодарить Васъ за Ваше милое 2-ое письмо.

До скораго свиданія, будьте здоровы, крѣпко жму Вамъ руку и остаюсь

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

52.

Соденъ.
Пятница. Вечеромъ.
(29-го Іюня).

Милая Графиня,

Я получилъ Вашу лаконическую записку и обрадовался, что могъ, какъ Calonne, сказать: Madame, c'est déjà fait. Потомъ я получилъ Ваше Русское письмо, надъ которымъ я порядкомъ подумалъ, и о которомъ мы, можетъ быть, поговоримъ, только не послѣзавтра, а во Вторникъ: раньше Вторника я по причинамъ, которыя долго на бумагѣ разсказывать, быть въ Эмсѣ не могу. А во Вторникъ я буду непремѣнно у Васъ, если только живъ буду.

Я (какъ я уже Вамъ писалъ) ѣздилъ въ Швальбахъ съ одной знакомой прекрасной женщиной (той самой, которая пишетъ подъ именемъ: Марко Вовчокъ), и я Вамъ въ подробности разскажу эту поѣздку. Вообще, у меня будетъ много кой-чего разсказать Вамъ.

Больной Толстой—не Владиміръ; братъ, выведенный авторомъ подъ именемъ Владиміра, находится такъ же здѣсь, и очень дрянной человѣкъ. Больной, напротивъ, прекрасный малый, и долженъ умереть.

До Вторника, я такъ отвыкъ писать, что рукѣ больно держать перо, безъ шутокъ.

Будьте здоровы. Я Васъ люблю отъ всего сердца.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

Что-то Вы подѣлываете, любезнѣйшая Графиня, послѣ нашего послѣдняго свиданія? Все ли Вы въ Эмсѣ и какъ Вы себя чувствуете? И не собираетесь ли куда-нибудь, и куда именно? Напишите мнѣ словечка два.

Про себя скажу Вамъ, что я чуть не замерзъ на дорогѣ въ Швальбахъ, гдѣ провелъ очень пріятно время. И вотъ теперь опять сижу въ Соденѣ, опять пью воды и купаюсь, опять вижусь съ моимъ больнымъ пріятелемъ и опять ничего не дѣлаю. Погода стоитъ все дурная, и я располагаю выѣхать черезъ недѣлю въ Парижъ.

Вы еще будете черезъ недѣлю въ Эмсѣ? Дайте мнѣ о себѣ вѣсточку. А я сегодня ужасно глупъ, глупѣе чѣмъ въ тотъ вечеръ, когда я такъ искусно Васъ утѣшалъ.

Не сердитесь на меня за то, что я Вамъ посылаю такое короткое и пустое письмо: въ головѣ у меня, ей Богу, нѣтъ ничего, а чувство дружбы моей къ Вамъ, какъ оно ни сильно, нуждается однако въ выраженьяхъ, которыя рѣшительно не хотятъ меня слушаться. И потому крѣпко жму Вамъ руку и прошу написать мнѣ. Авось къ тому времени я поправлюсь въ своихъ умственныхъ способностяхъ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

54.

Аахенъ.
7/19-го Іюля 1860 г.

Любезная Графиня, я вчера выѣхалъ изъ Содена и сегодня ночевалъ здѣсь у одного хорошаго знакомаго, а вечеромъ надѣюсь быть въ Парижѣ, откуда Вамъ напишу. А теперь мнѣ только хочется поблагодарить Васъ за Ваше милое послѣднее письмо.

Черезъ три недѣли я, передъ отъѣздомъ въ Англію, я навѣдаюсь въ Hotêl Mirabeau. Это письмо Вамъ перешлетъ одна моя знакомая, М. А. Марковичъ, о которой я Вамъ говорилъ.

Будьте здоровы, веселы, кланяйтесь всѣмъ знакомымъ.

Цѣлую Вашу руку.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

55.

Вентноръ.
13-го Августа 1860 г.

Милая Графиня,

Сегодня я окончательно здѣсь поселился и спѣшу сообщить Вамъ мой адресъ: Isle of Wight, Ventnor, Rock Cottage.

Пожалуйста, напишите мнѣ, немедля, а я Вамъ въ отвѣтъ пошлю большое письмо. Теперь мнѣ некогда, и я только благодарю Васъ (ибо чувствую, что имѣю благодарить Васъ за что-то) и цѣлую Ваши руки.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

57.

Вентноръ.
Четвергъ, 30-го Августа 1860 г.

Милая Графиня,

Я только сейчасъ возвратился изъ небольшой поѣздки къ Герцену и нашелъ письмо отъ Васъ и отъ моей дочери. Умоляю Васъ не уѣзжать изъ Парижа, не дождавшись меня. Я буду въ Парижѣ въ будущій Вторникъ, или, самое позднее, въ Середу. Останьтесь до Четверга, для меня,— прошу Васъ убѣдительнѣйшимъ образомъ объ этомъ. Что Вамъ стоитъ остаться лишній день? Я разсчитываю на Вашу доброту и потому говорю Вамъ до свиданья. Кланяюсь всѣмъ и цѣлую Ваши руки.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

58.

Лондонъ.
4-го Сент. 1860 г.
Вторникъ.

Любезная Графиня,

Въ твердой надеждѣ, что Вы склонились на мою просьбу и рѣшились остаться лишнихъ два дня въ Парижѣ, считаю долгомъ предупредить Васъ, что я выѣзжаю отсюда не сегодня вечеромъ, а завтра утромъ. Въ 8½ буду въ Парижѣ, а въ 10 непремѣнно у Васъ. Мнѣ нужно лично Васъ видѣть, и притомъ у меня есть важное общее дѣло, въ которомъ Вы можете быть крайне полезны. При свиданіи скажу Вамъ.

Цѣлую пока Ваши руки и говорю: до завтра.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

59.

Куртавнель.
3-го Октября. нов. ст. 1860 г.

И вотъ я опять пишу къ Вамъ въ Петербургъ, милая Графиня, и Вы будете читать это письмо въ Вашей маленькой комнаткѣ, гдѣ, увы! меня не будетъ въ теченіи нынѣшней зимы! Вмѣсто Петербурга, я буду жить въ Парижѣ, и невесело представляется мнѣ это житье. Парижанъ я терпѣть не могу, между мною и моей дочерью (въ этомъ надобно сознаться, хотя она прекрасная дѣвушка) слишкомъ мало общаго, а надъ другими, Вамъ извѣстными отношеніями, легъ какой-то печальный туманъ.

Впрочемъ, нечего жаловаться и хныкать: жизнь въ *свое* удовольствіе давно кончилась для меня, и надо теперь пріучаться къ *настоящему* жертвованію собою, не къ тому, о которомъ мы такъ много говоримъ въ молодости и которое представляется намъ въ образѣ любви, то-есть, все таки наслажденія, а къ тому, которое ничего не даетъ личности, кромѣ развѣ чувства исполненнаго долга, и замѣтьте,—чувства сухого и холоднаго, безо всякой примѣси восторженности или увлеченія.

Вамъ все это знакомо: мы одного поля ягоды,—и я Вамъ это говорю для подкрѣпленія себя и Васъ въ этихъ мысляхъ.

Я мало доволенъ нашимъ послѣднимъ свиданіемъ въ Парижѣ. Вы были постоянно заняты какою-то тяжелой заботой (préoccupation). Я чувствовалъ себя холоднымъ и вялымъ. Да и мы очень мало видѣлись.

Иногда Васъ письма облегчаютъ; напишите мнѣ, что у Васъ теперь на душѣ: мнѣ нечего Вамъ говорить, съ какимъ теплымъ и дружескимъ чувствомъ я принимаю все, что отъ Васъ исходитъ.

Кстати, я нанялъ себѣ квартиру, rue Rivoli, 210,—пишите туда,—квартира довольно порядочная, высока немножко, за то у меня будетъ уединенный кабинетъ для работы. Я, вѣроятно, буду много сидѣть дома. Я затѣялъ довольно большую вещь и очень былъ бы радъ, если бъ мнѣ удалось написать ее въ теченіи зимы.

Я хочу пояснить Вамъ, почему именно между моей дочерью и мною мало общаго: она не любитъ ни музыки, ни поэзіи, ни природы, ни собакъ, а я только это и люблю. Съ этой точки зрѣнія мнѣ и тяжело жить во Франціи, гдѣ поэзія мелка и мизерна, природа положительно некрасива, музыка сбивается на водевиль или каламбуръ, а охота отвратительна.

Собственно для моей дочери это все очень хорошо, и она замѣняетъ недостающее ей другими, болѣе положительными и полезными качествами; но для меня она—между нами—тотъ же Инсаровъ. Я ее уважаю, а этого мало.

Пожалуйста, не забудьте похлопотать или замолвить слово, гдѣ возможно, о нашемъ проектѣ. Анненковъ Вамъ доставитъ тщательно переписанный экземпляръ.

Я опять получилъ письмо отъ моего знакомаго, Н. Р. Цебрикова, о которомъ я просилъ Васъ и котораго рекомендовалъ какъ отлично-честнаго и дѣятельнаго человѣка для управленія имѣніемъ; онъ все еще не нашелъ мѣста (а ищетъ онъ мѣсто въ 1200 р. сер.). При случаѣ, не забудьте и его, а я за него отвѣчаю. Адресъ его: на углу Гороховой и Большой Мѣщанской улицъ, въ домѣ Оссова, на квартирѣ Кильгаста, № 13.

Будьте здоровы, милая Графиня, и не падайте духомъ,—это главное. Поклонитесь отъ меня всѣмъ Вашимъ, а я Вамъ крѣпко, крѣпко жму руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

60.

Парижъ:
12-го Нояб.
31-го Окт. 1860 г.

Давно мнѣ слѣдовало написать Вамъ, милая Графиня, въ отвѣтъ на Ваши два письма... Но у меня было какъ-то сухо и пусто на сердцѣ и дни уходили съ безсмысленной быстротой.

Прежде всего благодарю Васъ за память обо мнѣ и ласковое слово. Намъ обоимъ не совсѣмъ легко жить на свѣтѣ, и потому между нами есть особеннаго рода симпатія, не говоря уже о той, которая происходитъ отъ сходства вкусовъ и т. д. Кажется, какимъ образомъ можетъ помочь больной больному? А выходитъ на дѣлѣ, что его помощь и ближе и вѣрнѣе.

Впрочемъ, я слишкомъ роптать на мое теперешнее положеніе не намѣренъ. Все довольно ясно и хорошо; все какъ слѣдуетъ быть въ жизни человѣка, къ которому уже приближается старость. Я начинаю привыкать къ житію домомъ и дома. Между моей дочерью и мною нѣтъ никакихъ недоразумѣній, но, по прежнему, слишкомъ мало общаго. Съ этимъ надобно помириться, и все таки я виноватъ, если вглядѣться попристальнѣе.

Къ работѣ моей я, пока, приступаю довольно вяло. Въ головѣ всѣ матеріалы готовы, но еще не вспыхнула та искра, отъ которой понемножку все должно загорѣться. Задачу я себѣ задалъ трудную и болѣе обширную, чѣмъ бы слѣдовало по моимъ силамъ, которыя не созданы на большія дѣла. Буду стараться елико возможно.

Вы хотѣли прислать мнѣ повѣсть г-жи Вороновой, и напрасно этого не сдѣлали, потому что любопытство мое возбуждено сильно: понравиться Вамъ, тронуть Васъ не такъ легко (я говорю, разумѣется, о литературномъ произведеніи), и вкусъ Вашъ почти безошибоченъ. Я никогда не прочелъ ни одной строки произведеній г-жи Вороновой, и слышалъ о ней съ довольно невыгодной стороны, что, впрочемъ, и Вы успѣли замѣтить; но это все ничего не доказываетъ. Всякая жизнь, правдиво и горячо схваченная, можетъ издать изъ себя ту истину, которая положена ей въ основаніе. Въ этомъ то и состоитъ такъ называемая идеализація художества,—а въ художествѣ случайностей и безобразія нѣтъ. А потому, опять таки прошу о повѣсти г-жи Вороновой, да кстати,—напишите мнѣ Ваше мнѣніе о «Гайкѣ» г-жи Кохановской, повѣсти, появившейся въ одномъ изъ нумеровъ «Русскаго Слова».

Я Вамъ все пишу о литературныхъ дѣлахъ, а, можетъ быть, Вамъ теперь не до литературы. Пожалуйста, напишите мнѣ слова два, какія бы ни были думы у Васъ на душѣ. Мнѣ непремѣнно нужно хотя два раза въ мѣсяцъ увидать Вашъ симпатическій, правильный почеркъ. (Замѣтьте, я говорю: правильный, а не спокойный,—а у Васъ душа правильная, но не спокойная.) Пожалуйста, напишите мнѣ о своемъ здоровьѣ, объ сынѣ, обо всемъ, что касается до Васъ, такъ, чтобы я могъ перенестись въ любезный сердцу моему домикъ на Фурштатской улицѣ.

Мое здоровье не дурно, хотя зудъ въ горлѣ и кашель на открытомъ воздухѣ опять появились.

Прощайте, желаю Вамъ всего хорошаго на свѣтѣ, а это все хорошее заключается въ одномъ словѣ: спокойствіе.

Крѣпко, крѣпко жму Вашу руку и остаюсь навсегда

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

61.

Парижъ.
10-го Декаб.
28-го Нояб. 1860 г.

Прежде чѣмъ отвѣчать на Ваши два большія и прелестныя письма, милая Графиня, позвольте попенять Вамъ (хотя это слово отзывается неблагодарностью) за слѣдующую фразу въ Вашемъ письмѣ: «Vous voulez de mon ecriture 2 fois par semaine, ma *distraction* a été cause que voici 2 lettres trop près l'une de l'autre». Какъ будто Вы не знаете, что я былъ бы счастливъ, получая отъ Васъ по два письма въ день, и что мое предложеніе было единственно внушено желаніемъ быть скромнымъ и не утруждать Васъ слишкомъ! Вы иногда вычитываете между строками то, что въ нихъ не подразумѣвалось, точно также, какъ Вы напрасно заподозрили ироническую улыбку на лицѣ книгопродавца Давыдова. Говорятъ— Демидовъ и Демидовскій переулокъ, какъ угодно. А улыбка на лицѣ *образованнаго* купца показываетъ только его галантерейность.

Я радъ, что Анненковъ, наконецъ, посѣтилъ Васъ, хотя я боюсь, что изъ этого ничего не выдетъ. Онъ робокъ, мало жилъ въ женскомъ обществѣ, плохо говоритъ по французски, лишенъ самоувѣренности и блеска: онъ Васъ полюбитъ, будетъ уважать Васъ и не будетъ ходить къ Вамъ. Очень былъ бы я радъ, если бъ мое предсказаніе не сбылось: онъ отличный человѣкъ.

А вотъ Григоровичъ, съ которымъ Вы познакомились и который, кажется, произвелъ на Васъ впечатлѣніе,

далеко не отличный человѣкъ. Это безсердечный мелкій сплетникъ и лгунъ. Пока Вы не привыкните къ его штучкамъ, къ образности его языка, онъ будетъ Вамъ нравиться. Но я полагаю, Вы скоро его поймете, и увидите, что онъ даже не уменъ, и что живописность его выраженій ничто иное, какъ манера. Охъ, какъ подумаю, какое Вы еще молодое и неопытное существо! И за это я люблю Васъ, за наивность сердца, такъ много страдавшаго, и ума, такъ искушеннаго! А впрочемъ, отчего же и не потѣшиться Григоровичемъ,—ходятъ же въ театръ смотрѣть пустыя, но забавныя пьесы, и даже плотютъ за это.

Моя жизнь проходитъ однообразно и тихо. Я много работаю и написалъ уже около трети большой повѣсти, которую Анненковъ Вамъ прочтетъ въ рукописи, какъ только она будетъ готова. Съ дочкой мы живемъ теперь въ ладу, наше колесо больше не скрыпитъ и катится, хотя общаго между нами, по прежнему, очень мало. Да сверхъ того, на дняхъ, мое сердце умерло. Сообщаю Вамъ этотъ фактъ. Какъ его назвать, не знаю. Вы понимаете, что я хочу сказать. Прошедшее отдѣлилось отъ меня окончательно, но разставшись съ нимъ, я увидалъ, что у меня ничего не осталось, что вся моя жизнь отдѣлилась вмѣстѣ съ нимъ. Тяжело мнѣ было, но я скоро окаменѣлъ. И я чувствую теперь, что такъ жить еще можно. Вотъ если бы снова возродилась малѣйшая надежда возврата, она потрясла бы меня до основанія. Я уже прежде испыталъ этотъ ледъ безчувствія, подъ которымъ таится нѣмое горе... Дайте окрѣпнуть этой корѣ, и горе подъ ней исчезнетъ.

Я съ сожалѣніемъ узналъ о болѣзни Вашего сына и надѣюсь, что онъ теперь совершенно здоровъ и веселъ.

Вообразите, я совсѣмъ не зналъ, что Вашъ мужъ и Вашъ beau frère еще въ Парижѣ: я вчера пошелъ къ нимъ,

но никого не засталъ дома (мужъ Вашъ уже уѣхалъ въ П.). Надѣюсь хотя изрѣдка видѣться съ графомъ Карломъ. Мнѣ быть съ нимъ пріятно, хотя онъ мнѣ мало симпатиченъ: онъ уменъ и своеобразенъ.

Я здѣсь почти никого не вижу: французовъ я, Вы знаете, не люблю, а пріятныхъ Русскихъ мало. Здѣсь есть Кочубей, женатый на дочери Волконскаго, бывшей Молчановой: и онъ и она—милые люди и такъ любятъ другъ друга, что весело глядѣть на нихъ. Г-жу Марковичъ я видаю часто. Впрочемъ, я не помню, говорилъ ли я Вамъ о ней.

Я Вамъ скоро опять напишу, а теперь я, пока, желаю Вамъ отъ всей души много счастья и еще больше здоровья. Дружески жму Вамъ руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

62.

Парижъ.
17/29 Дек. 1860 г.

Э-э! милѣйшая Графиня, да я вижу, Вамъ Григоровичъ не на шутку понравился! Это доказываетъ только, какъ Вы впечатлительны и молоды. Но такъ какъ Вы въ тоже время очень умны и проницательны, то я надѣюсь, что Вы уже теперь его поняли и увидѣли его бѣлыя нитки. Отсутствіе сердца въ немъ Вы уже замѣтили: не на долго можетъ скрыться отъ Васъ бѣдность и мелкота его ума, на поверхности котораго, какъ на поверхности неглубокаго пруда разрослись пестрыя травы.

Я, наконецъ, увидался съ Вашимъ beau frère и долженъ на дняхъ съ нимъ обѣдать.

Жизнь моя проходитъ однообразно, по прежнему. Работа подвигается медленно, но подвигается. Новаго ничего нѣтъ, да и слава Богу, что его нѣтъ. Съ дочерью мы живемъ какъ слѣдуетъ, и дни таютъ незамѣтно, какъ ледъ на солнцѣ. Жду весны и надѣюсь о ту пору вернуться хотя на время въ Россію и увидать Васъ.

Анненковъ сообщилъ мнѣ о засѣданіи, которое происходило у Васъ, и гдѣ баронъ Мейендорфъ читалъ свое предложеніе. Онъ проситъ мнѣ сказать Вамъ то, что ему невозможно было вымолвить, а именно, что баронъ М. не найдетъ ни одного *дѣльнаго* писателя, пока одобреніе, или неодобреніе его труда будетъ зависѣть лично отъ него, барона М., а не отъ какого-нибудь комитета, какъ, напр., комитетъ Воскресныхъ школъ. Присужденіе преміи никогда не можетъ дѣлаться однимъ лицомъ. Если же баронъ

М. хочетъ заказать извѣстныя работы извѣстнымъ ему лицамъ, то это дѣло другое. Но Богъ знаетъ, на сколько результатъ выйдетъ удовлетворителенъ.

Желаю Вамъ отъ души спокойной тишины сердца и здоровья. Ваше семейство теперь опять все собралось подъ одну кровлю... Главное, не желайте никогда и ни въ чемъ ни высказать, ни выслушать *послѣдняго* слова, какъ бы оно справедливо и искренно ни было: эти послѣднія, окончательныя слова большей частью бываютъ началомъ новыхъ недоразумѣній. Будьте приблизительно довольны приблизительнымъ счастьемъ... Несомнѣнно и ясно на землѣ только несчастье.

Жду присылки повѣсти г-жи Вороновой; все таки мнѣ любопытно прочесть то, что могло Вамъ понравиться.

Я въ началѣ письма довольно рѣзко, и сколько я могу судить, довольно справедливо отозвался о Григоровичѣ.. Но онъ Вамъ доставилъ нѣсколько пріятныхъ минутъ,— и я ему благодаренъ.

Вы, должно быть, сильно разсчитываете на мою скромность, когда писали слѣдующія слова: «Мнѣ казалось, что труднѣе будетъ прожить безъ Васъ. Слава Богу, человѣкъ замѣнимъ». Еще бы! Не только человѣкъ, но даже солнце, я полагаю, замѣнимо; даже безъ любви можно обойтись. Но я очень польщенъ уже тѣмъ, что Вамъ подобное сомнѣніе могло войти въ голову.

У васъ должно быть очень холодно, потому что даже здѣсь снѣгъ и морозъ. Но за то, какъ должно быть тепло и уютно въ маленькой, зеленой комнатѣ Фурштатскаго дома!

Прощайте. Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ. Поклонитесь отъ меня Вашему мужу. Дружески жму и нѣжно цѣлую Вашу руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

63.

Парижъ.
8/20 Января 1861 г.

Давно, давно собирался я къ Вамъ писать, милая Графиня, а между тѣмъ все мѣшкалъ. Время такъ быстро летитъ, какъ и куда—никто сказать не можетъ; многимъ даже не совсѣмъ ясно, откуда оно летитъ. Мнѣ было бы весьма трудно сказать, что я дѣлалъ такое въ теченіи истекшаго мѣсяца; даже работалъ очень мало, едвали, кажется, я жилъ,—я продолжалъ существовать—и только. Но дня два тому назадъ я занемогъ и сижу теперь дома. Уединеніе меня поневолѣ сосредоточило, и, разумѣется, одной изъ первыхъ моихъ мыслей были Вы. Ну, давайте, побесѣдуемъ немного.

Какой тишиной, холодной, печальной и въ тоже время пріятной повѣяло на меня отъ Вашего письма, начатаго въ Тихвинскомъ монастырѣ! Какъ отрадна мнѣ показалась эта жизнь, занесенная снѣгомъ, вся проникнутая заранѣ неподвижностью смерти! Подъ вліяніемъ этого цѣлебнаго холода и отчужденія отъ житейской тревоги, все, даже самыя мелочи, принимаетъ особенное значеніе, какъ-то особенно дѣйствуетъ на душу. Я увѣренъ, что самый стукъ башмаковъ монахини, когда она идетъ по каменному полу корридора въ церковь молиться, ей говоритъ что-то... И это что-то, если не убиваетъ, не душитъ человѣческое, нетерпѣливое сердце, должно дать ему невыразимое спокойствіе и даже живучесть.

Напрасно Вы мнѣ жалуетесь на себя, что у Васъ *своихъ*

словъ нѣтъ: Ваше письмо такъ и стало передо мной, какъ картина.

Я Вамъ такъ подробно пишу о моихъ впечатлѣніяхъ, а можетъ быть письмо мое застанетъ Васъ совершенно въ иномъ настроеніи. За жизнью не угоняешься, хотя все въ ней безпрестанно повторяется, но отъ души сказанное слово рано или поздно найдетъ свое мѣсто.

Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ хочется вернуться въ Россію, не теперь, а съ первыми днями весны, когда запоютъ соловьи. Только бы отдать дочь за порядочнаго человѣка замужъ, и я бы получилъ свободу. Всѣ другія связи не то что порвались, а истаяли. Я чувствую себя какъ бы давно умершимъ, какъ бы принадлежащимъ къ давно минувшему существомъ, но существомъ сохранившимъ живую любовь къ Добру и Красотѣ. Только въ этой любви уже нѣтъ ничего личнаго, и я, глядя на какое-нибудь прекрасное молодое лицо, такъ же мало думаю при этомъ о себѣ, о возможныхъ отношеніяхъ между этимъ лицомъ и мною, какъ будто бы я былъ современникомъ Сезостриса, какимъ-то чудомъ еще двигающимся на землѣ, среди живыхъ. Возможность пережить въ самомъ себѣ смерть самого себя есть, можетъ быть, одно изъ самыхъ несомнѣнныхъ доказательствъ безсмертія души. Вотъ я умеръ, и все таки живъ и даже быть можетъ лучше сталъ и чище. Чего же еще?

Отъ этихъ философскихъ умозрѣній перейдемъ къ чему нибудь болѣе практическому.

Вы уже знаете переданное мною Вамъ мнѣніе Анненкова о запискѣ Мейендорфа. Я раздѣляю это мнѣніе, но думаю, что пожертвованіе М. все таки можетъ быть полезно, особенно при нерасположеніи правительства къ совокупнымъ дѣйствіямъ по этому вопросу. Проектъ нашего общества встрѣтилъ сильнѣйшую оппозицію:

остается каждому дѣйствовать на свою руку, и желательно бы было, чтобы М. не попалъ на какихъ нибудь плохихъ сочинителей, которые ему состряпаютъ книженки à la Григоровичъ.

Кстати, Вы еще находитесь подъ обаяніемъ этого господина?

Напишите мнѣ нѣсколько словъ о себѣ, о своемъ житьѣ-бытьѣ, о Вашемъ сынѣ и мужѣ. Можете Вы объяснить, хотя вкратцѣ, перемѣны лицъ, находившихся при Наслѣдникѣ? Такъ какъ мы не республиканцы и желаемъ жить современемъ подъ его скипетромъ, то все касающееся до него для насъ важно.

Будьте здоровы. Крѣпко жму Вамъ руку и остаюсь навсегда

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

64.

Парижъ.
16/28 Февраля 1861 г.

Милая Графиня, я у Васъ въ долгу за Ваши послѣднія письма. Мнѣ то нездоровилось, то грустилось, то лѣнь на меня находила, а время утекало. Берусь, наконецъ, за перо; хотя предвижу, что письмо мое выйдетъ вялое и короткое. (Кстати, я совсѣмъ не помню, какія это я Вамъ «прекрасныя» письма писалъ... Вѣроятно, Ваша дружба ко мнѣ открыла достоинства тамъ, гдѣ ихъ не было,— ou j'ai fait de la prose sans le savoir.) Перерывъ въ корреспонденціи тѣмъ еще особенно нехорошъ, что невозможно отвѣчать на содержаніе послѣдняго полученнаго письма; Вы, напр., жалуетесь на страшный холодъ, а ужъ онъ, вѣроятно, давно прошелъ.

Впрочемъ, есть вопросы не столь преходящіе, какъ вопросъ о погодѣ: мы всѣ, находящіеся здѣсь Русскіе, съ волненіемъ ожидаемъ вѣстей объ окончательномъ объявленіи эманципаціи. Говорятъ, что указъ выйдетъ 19-го Февраля ст. ст., то-есть, черезъ три дня... Какъ мнѣ жаль, что я теперь не въ Петербургѣ!

Продолжаю письмо 18-го Февраля (2-го Марта).

Сегодня, 6 лѣтъ (уже 6 лѣтъ!) тому назадъ, умеръ Николай Павловичъ... Стало быть завтра—великій день. Между тѣмъ въ Galignani стоитъ депеша, будто бы С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ объявилъ, что 19 Февр. никакой публикаціи не будетъ; въ Парижѣ распространился слухъ, будто въ Варшавѣ вспыхнулъ бунтъ.

Сохрани насъ Богъ отъ эдакой бѣды! Бунтъ въ Царствѣ можетъ только жестоко повредить и Польшѣ и Россіи, какъ всякій бунтъ и всякій заговоръ. Не такими путями должны мы идти впередъ. Надѣюсь, что этотъ слухъ окажется ложнымъ.

А въ странное и смутное время мы живемъ. Приглядитесь къ тому, что вездѣ дѣлается... Никогда разложеніе стараго не происходило такъ быстро. А будетъ ли лучше новое—Богъ вѣсть!

Довольно однако о политикѣ.

Возвращаю Вамъ письмо г-на Г. Должно быть онъ правъ (—мой пріятель Віардо точно такого же мнѣнія о Первой любви—), и мнѣ не служитъ извиненіемъ то, что я нисколько не воображалъ выбранный мною сюжетъ безнравственнымъ. Это скорѣе—une circonstance aggravante. Противъ одного я однако позволю себѣ протестовать, а именно: я писалъ вовсе не съ желаніемъ бить, какъ говорится, на эффектъ; я не придумывалъ этой повѣсти; она дана мнѣ была цѣликомъ самой жизнью. Спѣшу прибавить, что это меня не оправдываетъ; я, вѣроятно, не долженъ бы былъ касаться всего этого. Говорю: вѣроятно, потому что не хочу лгать. Если бы кто нибудь меня спросилъ, согласился ли бы я на уничтоженіе этой повѣсти, такъ, что и слѣда бы отъ нея не осталось... я бы покачалъ отрицательно головой. Но я съ охотой соглашаюсь никогда не говорить и не вспоминать больше о ней.

Здѣсь былъ проѣздомъ Левъ Толстой, писатель. Я его давно не видалъ и нашелъ въ немъ перемѣну къ лучшему. Онъ, кажется, начинаетъ устанавливаться и перестаетъ бродить. Мнѣ кажется, что онъ еще много можетъ сдѣлать, при его несомнѣнномъ талантѣ.

Моя дочь немножко исправляется въ томъ, что въ ней

есть дурнаго, а все таки мы далеко отстоимъ другъ отъ друга. Никакого брака до сихъ поръ не предвидится.

Я еще разъ обѣдалъ съ Вашимъ beau frère; но давно его не видалъ.

Прощайте, милая Графиня; поклонитесь отъ меня Вашему мужу и Вашему сыну. Напишите мнѣ о Вашемъ здоровьѣ; мое—en somme—порядочно.

Цѣлую Ваши руки и остаюсь любящій Васъ

Ив. Тургеневъ.

Парижъ.
1/19-го Апрѣля 1861 г.

Милая Графиня, Вы совсѣмъ замолкли, а я ожидалъ, что именно теперь-то Вы и будете писать мнѣ. Но, вѣроятно, событія, совершающіяся въ отечествѣ, слишкомъ сильно на Васъ подѣйствовали, или представились Вамъ съ одной своей темной стороны, и Вы не настолько можете освободиться отъ ихъ гнета, чтобы быть въ состояніи ясно передавать ихъ. Какъ бы то ни было, но мы, Богъ дастъ, скоро лично съ Вами обо всемъ этомъ потолкуемъ, потому что я выѣзжаю отсюда черезъ 10 дней, и къ 25-му Апрѣля стараго стиля (можетъ быть даже двумя, тремя днями раньше) надѣюсь быть въ Петербургѣ. Вслѣдствіе этого, если Вы вздумаете мнѣ отвѣчать, то напишите мнѣ нѣсколько строкъ въ Берлинъ, poste restante. Онѣ меня порадуютъ.

Я ѣду въ Россію окончательно устроить свои дѣла. Такъ какъ я дочь свою замужъ не выдалъ, то мнѣ придется къ осени опять сюда вернуться, но, надѣюсь, не на долго. Работы своей я тоже не кончилъ. Но обо всемъ этомъ при личномъ свиданіи.

Теперь я Вамъ крѣпко жму руки, желаю Вамъ всего хорошаго и кланяюсь всѣмъ Вашимъ.

Мы здѣсь недавно опять пообѣдали съ Вашимъ beau frère.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

66.

С.-Петербургъ.
1-го Мая, 61.
Понедѣльникъ.

Я вчера вечеромъ пріѣхалъ сюда совершенно измученный, и сегодня утромъ поѣхалъ бы къ Вамъ, милая Графиня, да боюсь не застать Васъ; а такъ какъ я непремѣнно хочу Васъ видѣть, то позволю себѣ предувѣдомить Васъ, что я явлюсь къ Вамъ вечеромъ, часовъ около 10.

До свиданія.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Гостинница Демута, № 83.

67.

С.-Петербургъ.
5-го Мая, пятница.

Милая Графиня, я сегодня уѣзжаю, и какъ мнѣ досадно, что я Васъ видѣлъ всего только разъ! Я вообразилъ себѣ, что Вы въ *Середу* поѣдете въ Царское, а въ *Четергъ* будете дома, и собирался къ Вамъ вчера вечеромъ. Нечего дѣлать, горю этому пособить уже нельзя, и мнѣ остается Вамъ заочно пожать и поцѣловать руку, а пріѣхавши къ себѣ въ деревню, я неотложно возобновлю съ Вами переписку, какъ въ первый годъ нашего знакомства, помните? Буду Вамъ сообщать подробности моихъ распоряженій съ крестьянами и т. д.

Мнѣ очень досадно такъ же, что я не успѣлъ потолковать съ Вами о моемъ новомъ трудѣ.

Гдѣ Вы будете въ концѣ Августа? Напишите мнѣ слова два въ деревню по старому адресу: Орловской губерніи, въ городъ Мценскъ.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ Вашимъ и будьте здоровы.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

68.

С. Спасское.
19-го Мая 1861.

Милая Графиня, я получилъ Ваше небольшое, печальное, но все таки дорогое письмецо и пишу Вамъ отвѣтъ въ той же самой комнатѣ и на томъ же столѣ, гдѣ, лѣтъ шесть или семь тому назадъ, я Вамъ написалъ первое мое письмо, въ слѣдствіи котораго и завязалась между нами корреспонденція. Многое съ тѣхъ поръ перемѣнилось, но чувство мое къ Вамъ осталось тоже, или нѣтъ, оно выросло и окрѣпло, потускнѣвъ немного, но это было неизбѣжно: кора на 6-лѣтнемъ деревѣ грубѣе, чѣмъ на молодомъ отпрыскѣ, но зато оно прочнѣе.

Вы не можете себѣ представить, какъ я сожалѣлъ о томъ, что видѣлъ Васъ только разъ въ Петербургѣ. Меня завертѣли мои литературные и другіе пріятели, и именно въ тотъ вечеръ, который я надѣялся провести съ Вами, Васъ не было въ Петербургѣ. Дружескій упрекъ въ Вашемъ письмѣ только растравилъ мою рану... Но вотъ мнѣ пришла въ голову свѣтлая мысль: Вы, говорятъ, ѣдете на лѣто въ Малороссію; вѣдь Вамъ придется проѣзжать въ 9 верстахъ отъ меня! Если бы Вы заѣхали въ Спасское, это было бы истиннымъ праздникомъ для меня. Но я на это не смѣю надѣяться. По крайней мѣрѣ извѣстите меня, когда Вы поѣдете: я бы выѣхалъ къ Вамъ на встрѣчу въ Мценскъ, въ Тулу,—куда угодно. (Кстати, я видѣлъ въ Тулѣ Вашего мужа и бесѣдовалъ съ нимъ около часу... Не очень веселая его должность, но дѣлать нечего). Но въ самомъ дѣлѣ,

отчего бы Вамъ не погостить въ Спасскомъ? У меня тутъ старикъ-дядя, женатый,—стало быть Вы не у меня—холостяка бы гостили. Подумайте объ этомъ.

Уже болѣе недѣли какъ я здѣсь. Имѣлъ очень дружелюбное объясненіе съ мужиками, которые довольны, такъ какъ мои условія для нихъ крайне выгодны; но объ выкупѣ, т. е. согласіи на участіе въ выкупѣ, и слышать не хотятъ.

У насъ вездѣ довольно смирно и тихо. Большая перемѣна, происшедшая послѣ манифеста, состоитъ въ томъ, что крестьяне поняли и узнали свои права и крѣпко на нихъ настаиваютъ. (Такъ, напр., теперь уже ни одинъ крестьянинъ не работаетъ болѣе трехъ дней въ недѣлѣ.) *Обязанности* свои они исполняютъ съ меньшей охотой. Это надо было ожидать послѣ 200-лѣтняго безправія; но перемелется, мука будетъ. Здѣсь у насъ еще не назначены мировые посредники. Какъ только это будетъ сдѣлано, я приступлю къ уставнымъ грамотамъ, а тамъ и къ выкупу, безъ участія мужиковъ. Бѣда въ томъ, что многіе не хотятъ идти на оброкъ.

Я принялся за свою работу, и она подвигается. Мнѣ придется очень много трудиться въ теченіи предстоящаго лѣта, и охоту свою я тоже не хочу совсѣмъ покинуть.

Пять дней тому назадъ еще почти не было признака весны, но вдругъ сдѣлалось тепло, полились дождики и все зазеленѣло и зацвѣло, такъ что теперь ужъ очень красиво стало все кругомъ. Я много гуляю по саду и вспоминаю... Я замѣтилъ, что теперь только тѣ воспоминанья мнѣ пріятны, о которыхъ я уже прежде вспоминалъ, знакомыя, старыя воспоминанья. Жизнь вся въ прошедшемъ, и настоящее только дорого, какъ отблескъ прошедшаго... Въ этомъ я съ Вами согласенъ. А между тѣмъ что же было такого особеннаго хорошаго въ прошедшемъ? Надежда,

возможность надѣяться, т. е. будущее... Это похоже на игру словъ, но оно дѣйствительно такъ. Жизнь человѣческая такъ и проходитъ, entre ces deux chaises.

Но однако довольно. Я знаю, что и въ прошедшемъ и въ настоящемъ и въ будущемъ—Ваша дружба, и это меня глубоко радуетъ. Пишите мнѣ, а я не буду въ долгу.

Крѣпко, крѣпко жму Вамъ руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Милая Графиня,

Я получилъ почти coup sur coup—Ваши два письма. Прежде всего поздравляю Васъ, Цебрикова и себя съ назначеніемъ его въ Ваши управляющіе. Я увѣренъ, что Вы останетесь имъ довольны и что крестьяне Ваши найдутъ въ немъ человѣка снисходительнаго и твердаго въ одно и тоже время. Дай Богъ, чтобы слова мои сбылись!

Вы рисуете довольно мрачную картинку современнаго быта Россіи и Русскаго характера вообще. Къ сожалѣнью, добросовѣстный человѣкъ обязанъ подписаться почти подъ каждой изъ Вашихъ фразъ. Исторія ли сдѣлала насъ такими, въ самой ли нашей натурѣ находятся залоги всего того, что мы видимъ вокругъ себя,—только мы дѣйствительно, продолжаемъ сидѣть, въ виду неба и со стремленіемъ къ нему, по уши въ грязи. Говорятъ иные астрономы, что кометы становятся планетами, переходя изъ газообразнаго состоянія въ твердое; всеобщая *газообразность* Россіи меня смущаетъ и заставляетъ меня думать, что мы еще далеки отъ *планетарнаго* состоянія. Нигдѣ ничего крѣпкаго, твердаго, нигдѣ никакого зерна; не говорю уже о сословіяхъ, въ самомъ народѣ этого нѣтъ.

До Васъ уже вѣроятно дошли слухи о *нежеланіи* народа переходить *съ барщины на оброкъ*. Этотъ знаменательный и, признаюсь, никѣмъ не предвидѣнный фактъ доказываетъ, что нашъ народъ готовъ отказываться отъ явной выгоды (барщинные дни оцѣняются по крайней мѣрѣ въ 80 р. сер., а самый высокій оброкъ не достигаетъ

30 р.), въ надеждѣ, что вотъ авось выйдетъ еще указъ, и намъ земли отдадутъ даромъ, или Царь ее намъ подаритъ черезъ 2 года, а оброчные уже *обвязались*, т. е. вступили въ извѣстныя опредѣленныя условія. Иные оброчные мужики, при мнѣ, жаловались, что вотъ-молъ барщиннымъ мужичкамъ вышла льгота—три дня вмѣсто шести,—а нашему брату ничего. Это доказываетъ, между прочимъ, какъ хорошо исполнялись законы, уже съ Петра Великаго подтверждавшіе, что больше трехъ дней не брать. Правительство наше дѣйствовало, отправляясь отъ того предположенья, что законы имѣютъ свою силу, исполняются, и мудрено было правительству иначе дѣйствовать. И вышло, что оно какъ будто сдѣлало несправедливость: однихъ наградило, другихъ оставило въ прежнемъ положеніи... Объ участіи въ выкупѣ со стороны крестьянъ и думать нечего. Не только черезъ 36 или 40 лѣтъ, если сказать нашему крестьянину, что онъ, платя лишній рубль въ теченіи 5 только лѣтъ, пріобрѣтетъ себѣ землю для своего же сына,—онъ не согласится: вопервыхъ, онъ заботится только о сегодняшнемъ днѣ, а вовторыхъ, онъ лишенъ довѣрія въ начальство: буду платить 5 лѣтъ, думаетъ онъ, а тамъ выдетъ повелѣніе: плати еще 5. И въ этомъ онъ не совсѣмъ не правъ. Мы пожинаемъ теперь горькіе плоды прошедшихъ 30 или 40 лѣтъ. Недавно одинъ мой пріятель, нанимая вольнаго работника, заключилъ съ нимъ весьма выгодный (для работника) контрактъ. Черезъ нѣсколько дней приходитъ къ нему отецъ работника и съ сокрушеннымъ видомъ говоритъ:

— Эхъ-ма, баринъ, баринъ! За что же Вы малаго подъ кундрàхъ подвели! Онъ еще глупъ, не смыслитъ, а вы...

— Да развѣ условія невыгодны?—перебилъ его мой пріятель...

— Нѣтъ, этого нельзя сказать, чтобы невыгодны,—

отвѣчалъ мужикъ, почесывая себѣ то затылокъ, то пониже... Да все же, зачѣмъ вы его подъ кундрахъ подвели...

Вотъ тутъ и толкуй о законности, отвѣтственности, раздѣленіи властей, и т. д. и т. д.

Къ счастью, я еще въ прошломъ году успѣлъ перевести хотя часть крестьянъ на оброкъ.

Вы мнѣ ничего не пишите о томъ, когда Вы намѣрены ѣхать изъ Петербурга въ Малороссію. Вы, вѣроятно, нѣсколько дней остановитесь въ Тулѣ, гдѣ находится Вашъ мужъ. Еслибъ я зналъ, когда это будетъ, я бы выѣхалъ къ Вамъ на встрѣчу. Посѣщеніе Ваше моего скромнаго Спасскаго было бы для меня праздникомъ. Но ужъ это, быть можетъ, слишкомъ много, и я не смѣю надѣяться. Хорошаго здѣсь только одинъ садъ, особенно теперь, когда все зелено, свѣжо и пышно.

Во всякомъ случаѣ, до свиданія. Спасибо Вамъ, что не забываете меня. Кланяюсь всѣмъ Вашимъ и крѣпко жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

70.

С. Спасское.
Среда. 19/7-го Іюня 1861.

Милая Графиня,

Послѣднее письмо Ваше было мнѣ лучшимъ доказательствомъ того, что я точно къ Вамъ близокъ. Только передъ близкимъ человѣкомъ хочется и можется такъ излиться. (Помнится, и мнѣ случалось такъ же поступать съ Вами.) Я очень сожалѣю о томъ, что Вы были приведены въ такое положеніе, но я въ то же время радъ, что могъ хотя косвенно, или, какъ говорится, пассивно, облегчить Ваше сердце.

Что дѣлать? Пословица гласитъ: перемелется—мука будетъ. А не будетъ муки? Ну, по крайней мѣрѣ, прежнее зерно перемололось.

Я самъ находился въ довольно странномъ положеніи всѣ эти дни, а именно, я чуть не подрался на дуэли (пусть это останется между нами) съ графомъ Л. Н. Толстымъ, писателемъ. Надобно Вамъ сказать, что между нами существовала давнишняя антипатія. Я его всячески избѣгалъ, но онъ, не переставая меня ненавидѣть, все меня отыскивалъ и старался сближаться со мною. Не хочу о немъ говорить ничего дурного: во всякомъ случаѣ это весьма сложная и самомучащаяся натура. Онъ сходился со мною какъ будто для того, что бы дразнить и бѣсить меня. По поводу совершенно посторонняго разговора (дѣло шло о филантропіи) я, уже внутренно

взбѣшенный, сказалъ ему грубую дерзость. Я ожидалъ немедленнаго вызова, но онъ сначала былъ весьма мягокъ и вѣжливъ, и только когда я уже извинился письменно, досада въ немъ вспыхнула. Словомъ, вышла непріятная исторія, которая тянулась нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ я былъ убѣжденъ, что поединокъ будетъ неизбѣженъ... Кое-какъ дѣло уладилось, но мы теперь раззнакомились навсегда. Я не жалѣю объ этомъ, потому что сближенія между нами никогда быть не могло. Но я досадую на себя: какъ могъ я до такой степени потерять власть надъ собою? Оказывается, что никто ни за что ручаться не можетъ, и это, дѣйствительно, какъ говорится передъ причастіемъ, «первый грѣшникъ есмь азъ». Эта глупость помѣшала мнѣ работать и вообще отравила мнѣ нынѣшнюю весну, которая здѣсь разцвѣла вдругъ и прелестно. (Не говорю о нынѣшнемъ днѣ: сегодня холодно, какъ въ Ноябрѣ, порывистый вѣтеръ срываетъ *зеленые* листья и т. д.).

Когда Вы ѣдете въ деревню? И остановитесь ли Вы въ Тулѣ? А въ Спасское завернете? Или Вы перемѣнили свои намѣренія и не покините Петербурга? Мнѣ бы очень хотѣлось знать не только Ваши намѣренія, но и *числа* ихъ, т.-е. leur date. (А плохъ и неловокъ еще Русскій языкъ). 25-го числа нынѣшняго мѣсяца я исчезаю на охоту и отыщусь въ Спасскомъ только двѣ недѣли спустя.

Прощайте, милая Графиня. Цѣлую съ нѣжностью Вашу руку. Вы какъ то мнѣ сказали, что я прежде всегда кончалъ такъ мои письма и что это однообразно. Съ тѣхъ поръ я не всякій разъ это пишу, но всякій разъ это думаю.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

71.

С. Спасское.
15-го Іюня 1861.

Любезнѣйшая Графиня, я всегда слышалъ, что въ Малороссіи хозяйство шло иначе чѣмъ у насъ, но могу Васъ увѣрить, что въ томъ, что я Вамъ сказалъ на счетъ бывшихъ помѣщичьихъ распоряженій въ Орловской губерніи, преувеличенія нѣтъ ни на волосъ. И съ какой стати сталъ бы я преувеличивать? Вопервыхъ, я уже не молодъ, а вовторыхъ, неужели Вы воображаете, что я не вижу насквозь Русскаго мужичка? Народъ безъ образованія (я употребляю это слово въ смыслѣ *гражданскомъ*, не въ ученомъ или литературномъ смыслѣ), всегда будетъ плохъ, не смотря на всю свою хитрость и тонкость. Надо, съ одной стороны, вооружиться терпѣніемъ, а съ другой—стараться *учить* ихъ... А наше дальновидное правительство налагаетъ 50 руб. сер. пошлины на студентовъ и на посѣтителей университетовъ!!. «Quos vult perdere Iupiter-dementat». Кто нибудь Вамъ переведетъ эту фразу, а можетъ быть Вы и сами ее поймете.

Отрывокъ изъ письма Вашего польскаго пріятеля такъ же мало убѣдилъ меня. Самыя огромныя волны моря расшибаются о берегъ мелкою и часто нечистой пѣной; плохо было бы тому, кто бы вздумалъ судить объ ихъ силѣ по этой пѣнѣ, пачкающей его ноги. Чѣмъ больше я живу, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что главное дѣло: *что*, а не *какъ*, хотя *какъ* гораздо легче узнать, чѣмъ *что*.

Поляки имѣютъ право, какъ всякій народъ, на отдѣльное существованіе; это ихъ: *что*, а *какъ* они этого добиваются—это уже второстепенный вопросъ. Этимъ я не хочу сказать, что бы мы были совершенно неправы во всемъ этомъ дѣлѣ: со временъ древней трагедіи мы уже знаемъ, что настоящія столкновенія тѣ, въ которыхъ обѣ стороны *до извѣстной степени* правы. Я такъ же готовъ согласиться, что наша роль въ Варшавѣ очень трудна, и что люди, которые отправляются туда, оказываютъ самоотверженіе. Рѣдкій игрокъ сядетъ за карты, когда знаетъ, что въ *лучшемъ* случаѣ онъ можетъ кончить въ ничью, а въ *худшемъ*—проиграть все свое состояніе.

Посылаю Вамъ обратно тотъ листокъ Вашего письма, на которомъ Вы говорите о Вашемъ beau frère-ѣ. Письма вообще никогда не сжигаютъ, и Вамъ, я думаю, будетъ пріятнѣе имѣть этотъ листокъ въ рукахъ, хотя я надѣюсь, что Вы вѣрите въ мою скромность. Графъ К. человѣкъ очень умный, со свѣтлой головой, проницательный и тонкій, вѣроятно обладаетъ большой энергіей и имѣетъ даръ обаянія... и все таки онъ натура не полная, можетъ быть потому, что полнота его была бы слишкомъ широка... Едва ли онъ оставитъ слѣдъ по себѣ. Когда-нибудь, если Вы сами заведете этотъ разговоръ, я Вамъ скажу, почему я такъ думаю. Слѣды оставляютъ только энтузіасты, или сухіе дѣльцы, а онъ ни то, ни другое.

Жаль, жаль, что Вы не заѣдете въ Спасское... но если Вамъ хорошо въ маленькомъ въ Вашемъ домѣ, оставайтесь тамъ. Безъ нужды нечего переворачиваться на жизненномъ ложѣ.

Я поѣду черезъ Петербургъ въ самомъ началѣ Сентября или даже въ концѣ Августа, увижу Васъ непремѣнно и вѣроятно прочту Вамъ или дамъ прочесть мое новое

произведеніе, которое приближается къ концу. Теперь я самъ никакого сужденія о немъ не могу имѣть: я знаю, что я хочу сказать, но я рѣшительно не знаю, сколько мнѣ удалось высказать... Авторъ никогда не знаетъ въ то время, какъ онъ показываетъ свои китайскія тѣни, горитъ ли, погасла ли свѣчка въ его фонарѣ. Самъ то онъ видитъ свои фигуры, а другимъ можетъ быть представляется одна черная стѣна.

Прощайте, будьте здоровы. Кланяйтесь Вашему мужу, если онъ уже къ Вамъ пріѣхалъ, и радуйтесь молодости Вашего сына.

Я, кажется, Вамъ писалъ, что старикъ Цебриковъ заѣзжалъ ко мнѣ и гостилъ у меня сутки. Еще разъ жму Вамъ руку.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

72.

С. Спасское.
22-го Іюня 1861

При свиданіи моемъ съ Вами, милая Графиня, я Вамъ разскажу подробно ссору нашу съ Т. Она имѣетъ нѣкоторый психологическій интересъ. На бумагѣ ее разсказать—ничего не выдетъ. Повторяю, виноватъ былъ я фактически, хотя въ основаніи лежали причины, меня оправдывающія. Но все это уже старая исторія и имѣетъ интересъ почти антикварный. Она займетъ полъ-часа нашего времени въ день свиданья на Фурштатской. Свиданіе это произойдетъ въ половинѣ Августа, если Богъ дастъ.

Остальная часть Вашего письма наполнена горечи,—что-нибудь у Васъ расклеилось... Русская пословица, которую я употребилъ, значитъ другими словами: терпи,—можетъ быть удастся; а не удастся,—ну, такъ по крайней мѣрѣ, научишься терпѣнью.

8-го Іюля.

Двѣ недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ я началъ это письмо. Въ теченіи этого времени я ѣздилъ на охоту весьма неудачно (за 150 верстъ), зашибъ себѣ ногу, потерялъ собаку, даже не нашелъ, чуть не умеръ въ Карачевѣ отъ какого-то желудочнаго припадка и т. д. Теперь я, слава Богу, совершенно здоровъ, получилъ

отъ Васъ три письма и посылку, за которую кланяюсь Вамъ земно, и намѣренъ просидѣть безвыѣздно двѣ недѣли въ Спасскомъ, въ продолженіи которыхъ я надѣюсь окончить свой романъ.

Жара все это время стояла несносная. Яровые совсѣмъ пропали. Недавно стали перепадать дожди, или лучше сказать, стали посѣщать насъ освѣжительныя грозы, и немного легче стало.

Черезъ мѣсяцъ я отсюда выѣзжаю и увижу Васъ.

Зачѣмъ это Вы дѣлаете себѣ упрекъ, что слишкомъ часто мнѣ пишете,—не ужели Вы не довольно меня знаете? Всякое Ваше письмо доставляетъ мнѣ истинное наслажденіе и перечитывается неоднократно. Берите примѣръ съ меня: мнѣ бы по настоящему не слѣдовало посылать Вамъ сегодняшнее письмо, потому что я совершенно пустъ и обезсиленъ отъ жара, купаній и т. д. Но я и не думаю церемониться, зная, что Вы извините мою немощь и примите благосклонно мое напоминаніе о себѣ. А потому, не доползши даже до конца третьей страницы, прошу у Васъ позволенія умолкнуть и только дружески жму Вамъ руку и прошу передать мой усердный поклонъ всѣмъ Вашимъ.

Ив. Тургеневъ.

73.

С. Спасское.
19-го Іюля 1861.

Любезнѣйшая Графиня, Ваше письмо напомнило мнѣ тѣ страницы Всеобщей Исторіи, гдѣ авторъ описываетъ бѣдственное положеніе какой-нибудь эпохи или страны: все погибаетъ, нигдѣ не свѣтитъ малѣйшій лучъ надежды, всѣ средства истощены,—остается одно мрачное отчаяніе... А смотришь: черезъ нѣсколько страницъ все исправилось, все благоденствуетъ, Изобиліе сыплетъ на землю всѣ дары своего рога, и надежда водворилась во всѣхъ сердцахъ.

Я полагаю, что и съ Вашими дѣлами тоже самое случится. Цебриковъ (за котораго я почему-то чувствую нѣчто въ родѣ отвѣтственности) до сихъ поръ дѣйствительно напоминалъ Фабія Кунктатора. Онъ здѣсь проѣхалъ на *долгихъ*, т.-е. на извозчикѣ, который взялся доставить его въ Кіевъ—(онъ же и малороссъ). Но теперь онъ на мѣстѣ, и такъ какъ онъ честный и неглупый человѣкъ, онъ возьмется за дѣло какъ слѣдуетъ. И все-таки Вы хорошо сдѣлали, что послали ему письмо, наполненное тѣми мастерскими шпильками, которыя выдѣлываются однѣми женскими руками: оно вонзится въ его флегматическое тѣло и заставитъ его поворачиваться попроворнѣе.

А я, размышляя о Васъ, удивляюсь: какъ могутъ въ человѣческой душѣ уживаться такія тревоги и заботы съ такимъ глубокимъ равнодушіемъ ко всему, изъ чего

стóить тревожиться и заботиться! Но я уже не съ нынѣшняго дня убѣдился въ томъ, что въ жизни только невозможное возможно, только невѣроятное правдоподобно. Сверхъ того, я очень хорошо понимаю, что терять деньги, получать дерзостныя письма и находиться въ толкотнѣ недоразумѣній, притязаній и т. д.—весьма непріятно. Въ такихъ случаяхъ отлично помогаетъ Индійская философія: «Погрузись въ себя и, произнося таинственное слово: омъ! не позволяй себѣ никакой другой мысли». Средство хорошее.

Въ сущности, такъ какъ жизнь—болѣзнь, все, что мы называемъ философіей, наукой, моралью, художествомъ, поэзіей et cet. et cet.,—ничто иное какъ успокаивающія лекарства, des calmants, ou des palliatifs.

Вы какъ-то изъявили желаніе знать, что дѣлается съ моимъ романомъ. Онъ приближается къ концу, главные всѣ узлы уже распутаны, и я надѣюсь, недѣли черезъ двѣ, вкусить единственную отраду литературной жизни, т.-е. написать послѣднюю строчку.

Не могу Вамъ, при всемъ желаніи, сказать, какое мое собственное мнѣніе о немъ. Знаю только, что онъ мнѣ стоилъ больше труда, чѣмъ все, что я написалъ доселѣ. Но вѣдь это не ручательство въ томъ, удался ли онъ мнѣ. Это только доказательство, что я взялся за трудную задачу. Въ Петербургѣ я Вамъ дамъ рукопись прочесть и буду ждать Вашего суда, который, до сихъ поръ, рѣдко ошибался... Я выѣду отсюда черезъ мѣсяцъ.

Погода съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлалась дождливая, а охота моя по прежнему неудачна. Я, кажется, похоронилъ ее вмѣстѣ съ моей послѣдней любимой собакой.

Дѣло крестьянское у насъ подвигается тихо и вяло, но и то слава Богу: толчки хуже всего.

Урожай въ сущности хорошій, но если дожди будутъ продолжаться, уборка будетъ плохая.

Прощайте, милая Графиня; кланяюсь всѣмъ Вашимъ и цѣлую Вашу руку.

Моя дочь въ послѣднемъ своемъ письмѣ спрашиваетъ о Васъ и посылаетъ Вамъ свой поклонъ.

Гдѣ теперь Вашъ сынъ?

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

С. Спасскóе.
6-го Августа 1861.

Прежде всего прошу у Васъ прощенія, милая Графиня. Я никакъ не ожидалъ, что я Васъ оскорблю. Но это мнѣ не оправданіе: согрѣшилъ по глупости, и все таки виноватъ. Фраза изъ моего письма, которую Вы приводите, дѣйствительно нелѣпа, но клянусь Вамъ честью, что я намѣренъ былъ сказать: «ко всему, изъ чего вообще тревожатся и заботятся». Я хотѣлъ сказать Вамъ нѣчто лестное, а вышло, что я Васъ оскорбилъ. Еще разъ прошу у Васъ прощенья и надѣюсь, что Вы мнѣ въ немъ не откажете.

Но какъ Вы, зная меня за *реалиста*, могли подумать, что я остался недоволенъ *реальнымъ* (т.-е. хозяйственнымъ) направленіемъ Вашего письма? Я вздумалъ было шутками успокоить Вашу, совершенно законную, тревогу, но видно надо мною во время, какъ я писалъ Вамъ послѣднее мое письмо, стояла особенно несчастная звѣзда. Что дѣлать? Надо покориться и «encoger les hombros», какъ говорятъ Испанцы, т.-е. *втянуть плеча*, какъ это дѣлаютъ наказанныя дѣти.

Буду ждать присылки повѣсти отъ г-жи Паткуль и *постараюсь* сказать нѣчто похожее на правду, хотя и предвижу, что это будетъ очень трудно. И что за охота этой прекрасной женщинѣ пускаться въ такое ей несвойственное дѣло!

A propos de повѣсть, доложу Вамъ, что я на дняхъ

кончилъ мою и теперь занятъ окончаніемъ переписки. Она, вмѣстѣ со мною, предстанетъ на Вашъ судъ недѣли черезъ *три*, никакъ не позже.

Не гнѣвайтесь на меня за краткость этого письма и знайте, что я искренно и навсегда Вамъ привязанъ, а потому не взыскивайте за какое-нибудь неловкое слово и не приписывайте ему дурнаго значенія, потому что въ отношеніи къ Вамъ *ни одно мое слово* дурнаго значенія имѣть *не можетъ*.

Дайте мнѣ Вашу руку, и я ее поцѣлую съ благодарностью и нѣжностью.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

75.

С. Спасское.
12-го Авг. 1861.

Милая Графиня,

Я съ Вами поступаю какъ съ Господомъ Богомъ: я же Васъ обижаю (правда, ненамѣренно), я же къ Вамъ прибѣгаю.

Будьте такъ добры и прикажите Вашему дворецкому припечатать прилагаемое объявленіе о моемъ отъѣздѣ за границу въ СПетербургскихъ Вѣдомостяхъ: Вы знаете, что надобно, чтобы оно повторилось три раза для того, чтобы получить паспортъ.

Я прибуду въ Петербургъ, если Богъ продлитъ жизни, 30-го Августа, или 1-го Сентября, и въ то же утро явлюсь къ Вамъ съ моей рукописью, съ повинной головой и т. д. А пока позвольте поцѣловать у Васъ обѣ руки и пожелать Вамъ всего хорошаго.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

P. S. Вы, я надѣюсь, получили письмо, посланное недѣлю тому назадъ?

Voici, chère comtesse, l'ami dont je vous ai parlé. je n'ajoute pas un mot, car je connais votre bonté et toutes les preuves que vous m'en avez données depuis le commencement de notre amitié, si précieuse pour moi.
Je vous serre bien cordialement la main.

Votre
J. Tourguéneff.

Le 7 Sept. 1861.
St.-Pétersbourg.

77.

Парижъ
17/29 Сент. 1861.

Милая Графиня,

Сегодня пишу только два слова, а то я опять уѣзжаю въ деревню (къ г-жѣ Віардо) и не успѣю.

Я пріѣхалъ сюда благополучно, засталъ всѣхъ здоровыми, и поселился на старой своей квартирѣ—rue de Rivoli, 210, куда и прошу Васъ адресовать свои письма.

Здоровье мое порядочно, и душа ничего, только смущена немного. Напишите о себѣ, я Васъ оставилъ, помните, не совсѣмъ въ хорошемъ положеніи.

Поклонитесь всѣмъ Вашимъ и знайте, что никто Васъ не любитъ болѣе, чѣмъ

преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

P.S. А что французскій учитель?

Парижъ.
18/30-го Окт: 1861.

Милая Графиня, я давно собирался Вамъ писать въ отвѣтъ на Ваше письмо, но просто духа не хватало: извѣстія изъ Петербурга меня терзаютъ, и никогда я не пенялъ на себя такъ сильно, отчего я не тамъ. Мое присутствіе едва ли было кому-нибудь или на что-нибудь полезно, но все же жутко быть въ отдаленіи, когда совершаются такія странныя и знаменательныя событія. Какъ нарочно, никто изъ пріятелей мнѣ ничего не пишетъ, и намъ остается почерпать свои свѣдѣнія изъ газетъ, въ которыхъ многое не говорится, а многое говорится ложно.

Я видѣлъ здѣсь Вашего бѣднаго брата: онъ очень плохъ, кажется, безнадеженъ. Мнѣ сказывали, что Вы и Вашъ мужъ намѣрены пріѣхать сюда... Я этому буду очень радъ, хотя очень горестно думать, по какой причинѣ Вы предпримите это путешествіе.

Газеты увѣряли, что Герштенцвейгъ умеръ, что Вашъ beau-frère покинулъ Варшаву... Оказывается, что это все неправда. Но, сообразивъ все совершающееся теперь, я понимаю, что Вамъ должно быть тяжело.

Не пеняйте на меня за краткость этого письма: мнѣ хотѣлось только мысленно пожать Вамъ руку и поблагодарить за память.

Будьте здоровы... Можетъ быть, до свиданья.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

79.

Парижъ.
2-го Нояб. н. ст. 1861.

Милая Графиня,

Ваше письмо огорчило меня до крайности, и одинъ только отвѣтъ у меня: покидайте скорѣе Петербургъ и поѣзжайте за границу въ болѣе теплый климатъ, поѣзжайте сюда для Вашего сына, для Васъ самихъ, для Вашего бѣднаго брата. Сдѣлайте это непремѣнно, безотлагательно,—я Васъ умоляю объ этомъ. Здѣсь Вы посовѣтуетесь съ хорошими врачами. Я надѣюсь, что Здекауеръ не оставитъ Васъ въ Петербургѣ. Вашъ сынъ находится въ такомъ возрастѣ, гдѣ нужны самыя тщательныя предосторожности. Говорятъ, и Вашъ beau-frère сюда ѣдетъ, чтобы нѣсколько поправить свое потрясенное здоровье. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что перемѣна климата будетъ благодѣтельна для Вашего сына: этого довольно, чтобы рѣшить Васъ на отъѣздъ.

Не думайте, что я говорю Вамъ все это изъ чувства эгоизма: Васъ можетъ быть не оставятъ здѣсь. Но Ваше письмо меня напугало. Пожалуйста, напишите мнѣ тотъчасъ Ваше рѣшеніе, а я *не забываю Васъ*, а крѣпко и дружески жму Вамъ руку.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Милая Графиня, Ваша belle-soeur Вамъ вѣроятно уже сказала, до какой степени поразило меня извѣстіе о кончинѣ Вашего сына, и я бы долго не рѣшился писать къ Вамъ, не зная, что Вамъ сказать, не зная, будете ли Вы въ состояніи слушать даже самый дружескій голосъ, еслибъ я не получилъ, наконецъ, Вашей записки, которая въ одно и то же время и усилила мою печаль, и нѣсколько меня успокоила. Я не могъ себѣ представить состояніе Вашей души. Меня утѣшаетъ мысль, что Вы перенесли поразившій Васъ ударъ съ христіанскимъ смиреніемъ и твердою вѣрою въ Бога, который все ведетъ къ лучшему. Да поддержитъ и впередъ Васъ эта вѣра!

Что я могу сказать Вамъ—матери, потерявшей единственнаго сына! Если бы я былъ въ Петербургѣ, я бы плакалъ съ Вами; а теперь я только протягиваю Вамъ обѣ руки и крѣпко и молча жму Ваши.

Жестокій этотъ годъ, въ теченіи котораго Вы испытали столько горя, послужилъ и для меня доказательствомъ тщеты всего житейскаго: да, земное все прахъ и тлѣнъ, и блаженъ тотъ, кто бросилъ якорь не въ эти бездонныя волны! Имѣющій вѣру имѣетъ все и ничего потерять не можетъ; а кто ея не имѣетъ, тотъ ничего не имѣетъ,—и это я чувствую тѣмъ глубже, что самъ я принадлежу къ неимущимъ! Но я еще не теряю надежды.

Да, я буду часто писать къ Вамъ. Я радуюсь тому, что въ Васъ еще есть потребность дружбы и участія и обмѣна чувствъ. Когда падаютъ такіе удары, остающіеся на землѣ должны крѣпче и тѣснѣе прижиматься другъ къ другу.

Я видѣлъ здѣсь вдову Вашего покойнаго брата и полюбилъ ее за искренность и простоту ея горя: признаюсь, я этого отъ нея не ожидалъ, и это только доказываетъ, какъ трудно знать людей. Ея здоровье очень потрясено, и я боюсь за нее. Она возобновитъ Ваше горе своимъ появленіемъ, но въ то же время, я увѣренъ, она принесетъ Вамъ утѣшеніе хотя бы тѣмъ, что Вы послужите ея опорой: помогать другимъ—лучшее средство утѣшиться въ собственномъ несчастьи.

Пожмите за меня руку Вашему мужу и скажите ему то, что я сказалъ Вамъ. Онъ, я знаю, не сомнѣвается въ глубокомъ моемъ сочувствіи. Я безпрестанно думаю о Васъ обоихъ: дай Богъ вамъ всю нужную силу!

Я Вамъ на дняхъ опять напишу, а теперь я лобызаю Вашу руку и поручаю Васъ попеченію Того, въ Котораго Вы вѣрите.

Вашъ другъ

Ив. Тургеневъ.

27/15-го Нояб. 1861.

Парижъ
10/22-го Декабря 61.

Милая Графиня, я нѣсколько разъ прочелъ Ваше трогательное письмо и почувствовалъ несомнѣнное убѣжденье, что Богъ поможетъ Вамъ перенести великое горе, которое на Васъ обрушилось. Отнимая всякую прелесть отъ жизни, горе лишаетъ ее такъ же всей ея лжи и тревоги, а въ этомъ то и состоитъ ея настоящее несчастье. «Rhis sorrow's sacred, it strikes where it does love»,—сказалъ гдѣ-то Шекспиръ, а въ Евангеліи таже мысль выражена еще проще. Горе очищаетъ, а потому и успокаиваетъ; но не всякій можетъ вынести такого рода спокойствіе. Повторяю, я надѣюсь, что Богъ Вамъ поможетъ.

Я видѣлъ Вашего бѣднаго брата незадолго до его кончины: его исхудалое, желтое, какъ воскъ, лицо являло всѣ признаки близкаго разрушенія, а онъ метался головой по подушкѣ и два раза сказалъ мнѣ: «Не хочется умирать». Въ эту минуту уже жизнь была для него невозможностью, а смерть—необходимостью, естественной и неизбѣжной.

Естественность смерти гораздо страшнѣе ея внезапности или необычайности. Одна религія можетъ побѣдить этотъ страхъ. Но сама религія должна стать естественной потребностью въ человѣкѣ, а у кого ея нѣтъ, тому остается только съ легкомысліемъ или съ стоицизмомъ (въ сущности это все равно) отворачивать глаза.

На дняхъ здѣсь умерла Мансурова (жена нашего по-

сланника въ Голландіи и сестра князя Н. И. Трубецкаго). Одна моя знакомая, у которой она умерла на рукахъ, была поражена легкостью, съ которой человѣкъ умираетъ: открытая дверь заперлась, и только... Но неужели тутъ и конецъ? Неужели смерть есть ничто иное, какъ послѣднее отправленіе жизни? Я рѣшительно не знаю, что думать, и только повторяю: «счастливы тѣ, которые вѣрятъ».

Поговорю немного съ Вами о здѣшней моей жизни. Семейныя мои отношенья не мѣняются. Нравъ моей дочери дѣлается степеннѣе и тише, но коренныя основанья остаются тѣже; жениха никакого не предвидится. Я работаю очень мало и вообще веду жизнь довольно праздную; познакомился съ двумя-тремя новыми лицами, но довольно поверхностно. Прежнія мои отношенія немного огрубѣли, но за то и закрѣпли, какъ кора на старѣющемся деревѣ: кажется, теперь ничего ихъ не измѣнитъ. Играю въ шахматы, слушаю хорошую музыку и плыву по теченію рѣки, все болѣе и болѣе тихой и мелкой.

Извѣстія изъ Россіи меня огорчаютъ. Не могу я въ многомъ не винить своихъ друзей, но и правительство я оправдать не могу. Отсутствіе людей и глубокое незнаніе Россіи оказываются на каждомъ шагу.

Изъ деревни приходятъ извѣстія неблагопріятныя, но это зло необходимое и переходное; я все таки убѣжденъ, что дѣло пойдетъ хорошо. Вообще я чувствую, что самъ обростаю корой: внутри все еще довольно мягко, но фибры, которыми я соприкасаюсь съ окружающей меня жизнью, одервенѣли. Я подготавливаюсь понемногу къ неотвратимому концу. Но довольно объ этомъ.

Если у Васъ есть время и охота заниматься чтеніемъ, пробѣгите въ Современникѣ (октябрскомъ) повѣсть г. Помяловскаго: «*Молотовъ*». Я бы желалъ знать Ваше мнѣніе

Мнѣ кажется, тутъ есть признаки самобытной мысли и таланта.

Прощайте, милая графиня. Цѣлую Ваши руки и дружески кланяюсь Вашему мужу. Напишите мнѣ о Вашемъ beau frère и поклонитесь ему отъ меня.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

82.

Парижъ.
14/26-го Фев. 62.

Милая Графиня,

Я такъ давно не получалъ отъ Васъ писемъ и самъ такъ давно не писалъ Вамъ, что мнѣ наконецъ жутко стало, и безпокойство овладѣло мною. Что съ Вами? Какъ Вы переносите жизнь послѣ всѣхъ бѣдъ, поразившихъ Ваше сердце? Живы ли, здоровы? Или можетъ быть Вы чувствуете потребность уединиться, отвернуться отъ всего, что Васъ прежде занимало, и Вамъ не хочется, да и нечего больше писать? Скажите мнѣ одно слово, и я пойму, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать. Если Вамъ теперь дѣйствительно нужно уединеніе, я не стану Васъ тревожить. Я бы желалъ только увѣрить Васъ въ своей неизмѣнной дружбѣ и преданности. Я бы хотѣлъ, чтобы Вы настолько удостоили наши сношенія съ Вами, что бы унести съ собою эту увѣренность. Знайте, что я никогда не думаю о Васъ безъ особеннаго, глубокаго движенія сочувствія и преданности.

А впрочемъ скажу Вамъ о себѣ въ двухъ словахъ: въ моей жизни ничего, рѣшительно ничего не произошло новаго, а старое выдыхается. Здоровье мое порядочно. Дочь моя не вышла и едвали выйдетъ замужъ.

Я буду ждать отвѣта отъ Васъ, что бы писать подробнѣе, а теперь я только жму Вамъ крѣпко, крѣпко руку и желаю Вамъ спокойствія.

Поклонитесь отъ меня Вашему мужу.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

83.

Парижъ.
$^{2}/_{14}$-го Марта 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Милая Графиня, увидать Вашъ почеркъ было для меня особенно отрадно—могу Васъ увѣрить, а прочтя Ваше письмо, я и порадовался и опечалился, и—грѣшный человѣкъ!—подумалъ: увы! для чего я не такой, какимъ меня воображаетъ графиня, для чего я не человѣкъ, «преисполненный земной жизнью» и преданный ей! Это сожалѣніе и грѣшно и странно, но я не могу отъ него избавиться, и если я еще не успѣлъ приникнуть мыслью къ неземному, то земное все давно ушло отъ меня, и я нахожусь въ какой-то пустотѣ, туманной и тяжелой, и уже нисколько не расположенъ отворачиваться отъ картинъ разрушенія, черныхъ покрововъ, горя и т. п. Въ этомъ отношеніи я могу вполнѣ Вамъ сочувствовать, и Вы напрасно воображаете, что Ваша печаль стала *стѣной* между нами. Говоря правду, и я въ молодости не избѣгалъ тѣхъ чувствъ, о которыхъ Вы упоминаете, и меня M-me Viardot не даромъ прозываетъ «le plus triste des hommes». А потому, пишите безъ утайки все, что Вамъ придетъ на душу и знайте, что каждое Ваше слово вызоветъ во мнѣ глубокій отголосокъ... Не говоря уже о дружбѣ, которую я къ Вамъ питаю и которая никогда не измѣнится.

Я радъ за Васъ, что въ Васъ опять достало духу встрѣтить жизнь «лицомъ къ лицу»... А отъ меня она бѣжитъ какъ змѣя, никакъ ея поймать не могу. Куда поймать!

Не могу увидать ея физіономію, узнать, какое наконецъ ея значеніе? Дни бѣгутъ, бѣгутъ—легко и вяло. Эти два эпитета рѣдко стоятъ рядомъ, а между тѣмъ оно такъ. Жду времени возвращенія въ Россію, которое наступитъ въ Апрѣлѣ, и только. Мнѣ очень пріятно думать, что я увижу Васъ, хотя, быть можетъ, свиданіе наше не будетъ весело.

Полинька все еще остается Полинькой. Видно, не судьба... Она очень благодаритъ Васъ за память. Она искренно къ Вамъ привязалась, что съ ней случается довольно рѣдко.

Вы мнѣ ничего не пишите о Вашемъ beau frère, и я этому радъ: значитъ, всѣ слухи, которые ходили о немъ и объ его здоровьи, не имѣютъ основанья. Что онъ, все еще на Мадерѣ? Не пріѣдетъ ли онъ сюда?

Я не думаю, чтобы Вы теперь читали Русскія книги и журналы; но если Вамъ попадется февральскій номеръ «Русскаго Вѣстника», пробѣгите мою повѣсть, которая, помнится, такъ мало Вамъ понравилась въ рукописи. Я сдѣлалъ въ ней много сокращеній и измѣненій, хотя, разумѣется, основная мысль и вся физіономія исполненія остались тѣже. Я рѣшился было бросить эту повѣсть въ огонь, но, вопервыхъ, Катковъ поднялъ крикъ и въ письмахъ своихъ наговорилъ мнѣ всякихъ непріятностей. А главное—мнѣ деньги были нужны, потому что изъ деревни присылки плохія. Je suis résigné à un fiasco, mais heureusement j'ai l'épiderme peu sensible. А Вы все таки напишите мнѣ свое мнѣніе, хотя бы въ подтвержденіе прежняго осужденія: осужденіе отъ Васъ мнѣ дороже, чѣмъ похвала отъ другаго, потому что оно поучительно, и потому что я Васъ люблю.

Поблагодарите Вашего мужа за память и поклонитесь отъ меня нашимъ немногочисленнымъ общимъ знакомымъ.

Что дѣлаетъ княгиня Багратіонъ? Напомните ей обо мнѣ.

Крѣпко жму Вашу руку и остаюсь навсегда

преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Берлинъ.
4-го Іюня н. с.
23-го Мая с. с. 1862.

Милая Графиня,

Я выѣзжаю сегодня вечеромъ отсюда, такъ что вѣроятно это письмо вмѣстѣ со мною прибудетъ въ Петербургъ.

Я пишу Вамъ только для того, что бы Васъ предувѣдомить и сказать Вамъ, что я получилъ Ваши два послѣднія письма (со вложеннымъ письмомъ Мейендорфа) и не отвѣчалъ только потому, что каждый день собирался выѣхать. Объ этомъ и обо многомъ другомъ мы поговоримъ съ Вами, а я, если Богъ дастъ, буду у Васъ въ Субботу вечеромъ.

Крѣпко жму Вамъ руку и остаюсь

любящій Васъ
Ив. Тургеневъ.

85.

С. Спасское.
9-го Іюня 1862.

Милая Графиня, не удалось мнѣ проститься съ Вами, какъ бы хотѣлось, въ послѣдній день. Какъ нарочно, накопилось множество непредвидѣнныхъ дѣлъ, потомъ я долженъ былъ уѣхать, и вотъ уже пятый день, какъ я опять въ моемъ старомъ домикѣ, передъ моимъ старымъ столомъ, на старомъ моемъ креслѣ (и самъ я на немъ сижу старый,—могъ бы я прибавить). Но я засталъ здѣсь гостей, и только сегодня они оставили Спасское, а я остался одинъ. Первыя впечатлѣнія были отъ того смѣшанны, и теперь я не чувствую даже той тихой грусти, которая обыкновенно овладѣвала мною при возвращеніи въ мое знакомое и все таки пустое гнѣздо, а просто во мнѣ водворилась какая-то равнодушная унылость. Но и это пройдетъ, и дни побѣгутъ, спокойно пощелкивая, какъ костяжки на счетахъ. E sempre bene.

Мнѣ бы очень хотѣлось, что бы мое письмо застало Васъ еще въ Петербургѣ. Хотя я легко могу вообразить, какъ тяжела должна быть теперь тамъ жизнь, но я бы не желалъ отпустить Васъ за границу безъ напутственнаго привѣта, и притомъ я надѣюсь, что Вы напишете мнѣ два слова сюда.

Признаюсь, мысли мои постоянно заняты Петербургомъ. Изъ газетъ узнаешь очень немного, да онѣ же приходятъ поздно... Что дѣлается тамъ теперь? Нашлись ли поджигатели и съ кѣмъ и съ чѣмъ они находятся въ

связи? Я бы оченъ Вамъ былъ благодаренъ за самыя краткія свѣдѣнія; но Вамъ вѣроятно не до того.

Здѣсь я еще не успѣлъ оглянуться, но сколько я могу судить, дѣла вообще не въ дурномъ положеніи, а, напротивъ, все какъ будто собирается придти въ порядокъ. Тихо и смирно вездѣ.

Погода стоитъ хорошая, но со внезапными грозами и бурями. Такихъ бурь, какъ въ южной Россіи, я нигдѣ не видывалъ: точно вдругъ лихорадка сдѣлается въ воздухѣ.

За работу я пока не принимался, и если напишу что-нибудь, то это будетъ въ родѣ сказки: приниматься за вещь въ родѣ «Отцовъ и Дѣтей» нѣтъ во мнѣ никакой охоты. Господи! Что я вынесъ толковъ и споровъ! Это лестно, но подъ конецъ утомительно и, главное, безполезно. Теперь я въ такомъ расположеніи, о которомъ говорится: день мой—вѣкъ мой.

Пожалуйста, милая Графиня, лечитесь за границей терпѣливо и не спѣша, хотя для Вашихъ друзей, если не для самихъ себя. Я Васъ въ Петербургѣ нашелъ въ лучшемъ состояніи, чѣмъ ожидалъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть Васъ зимой почти здоровою! Пожалуйста, смиритесь до тщательнаго и мелочнаго леченія.

Вы знаете, что ко мнѣ пишутъ: Орловской губерніи, въ городъ Мценскъ.

Поклонитесь отъ меня Вашему мужу и примите отъ меня самое дружеское и искреннее рукожатіе. Я чувствую, что я болѣе и болѣе привязываюсь ко всему, что я полюбилъ въ жизни, а вѣдь Вы у меня на первомъ планѣ.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

86.

Баденъ-Баденъ.
19/7-го Октября 1862.

Милая Графиня,

Я получилъ Ваше послѣднее письмо въ Спасскомъ. Вы меня извѣщали въ немъ о Вашемъ отъѣздѣ изъ Петербурга, но не говорили мнѣ, куда именно Вы ѣхали, такъ что я не зналъ, куда писать Вамъ. Въ Петербургѣ, гдѣ я пробылъ всего одинъ день (въ началѣ Августа), мнѣ сказали, что Вы въ Парижѣ, но по собраннымъ справкамъ Васъ тамъ не оказалось. Я все это говорю Вамъ для того, что бы объяснить и извинить мое молчаніе (я все еще ласкаю себя надеждою, что Вы его замѣчаете). Но теперь я предполагаю, что Вы уже навѣрное возвратились въ Петербургъ, и посылаю мое письмо въ знакомый домикъ на Фурштатской. Мнѣ было бы очень горестно, еслибъ между нами прекратились тѣ живыя сообщенія, къ которымъ я привыкъ и которыми такъ дорожу. А потому Вы бы меня очень обрадовали, еслибъ отвѣтили мнѣ, хотя въ двухъ словахъ, въ Парижъ, rue de Rivoli, 210. Я здѣсь зажился, но я черезъ два дня отсюда выѣзжаю и проведу бо̀льшую часть зимы въ Парижѣ, гдѣ дочь моя уже меня ожидаетъ вмѣстѣ съ своей гувернанткой.

Я пріѣхалъ сюда прямо изъ деревни, гдѣ я провелъ около трехъ мѣсяцевъ. Тамъ все шло хорошо, и я увѣренъ, съ каждымъ годомъ будетъ идти лучше. Вы, можетъ быть, помните, что въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ

я всегда былъ оптимистомъ и не вѣрилъ никакимъ чернымъ предсказаніямъ.

Впрочемъ, и въ Петербургѣ дѣла, кажется, принимаютъ болѣе удовлетворительный оборотъ: телеграфъ сообщилъ извѣстіе о преобразованіи суда у насъ, и это тѣмъ особенно утѣшительно, что показываетъ твердую рѣшительность Государя: его не запугали происшествія нынѣшняго года. Дай Богъ ему и впередъ идти тѣмъ же шагомъ!

Здѣсь я жилъ очень хорошо: видался постоянно съ моими старинными пріятелями, разъѣзжалъ, охотился, читалъ и ничего не писалъ самъ. Край здѣсь прекрасный. Погода не совсѣмъ была благопріятная, но выдавались дни чудесные. Подъ старость я начинаю уподобляться мухѣ: солнце свѣтитъ, ничего не болитъ, такъ и ничего больше не нужно. Видно всякому приходится пѣть пѣсенку Фонтенеля: «Jeune, j'etais trop sage» и т. д.

Въ Парижѣ я предвижу необходимость зажить другою жизнью. Надо будетъ работать... или, говоря правильнѣе, писать сказочки; пока я ничего другого для себя не предвижу.

Поклонитесь отъ меня Вашему мужу и сообщите мнѣ какія-нибудь свѣдѣнія о гр. К. Ламбертѣ. Что́ его здоровье?

Что же касается до Васъ самихъ, то примите отъ меня самое дружеское и искреннее рукожатіе и будьте увѣрены въ совершенной преданности

Вашего

Ив. Тургенева.

87.

Парижъ. 28-го Октября / 9-го Ноября 1862.
Rue de Rivoli, 210.

Милая Графиня, спѣшу благодарить Васъ за Ваше письмо и безъ дальнѣйшихъ объясненій и оправданій возобновить нашу переписку. Да и къ чему онѣ, эти оправданія, между людьми, которые, какъ мы съ Вами, давно узнали и, смѣю прибавить, полюбили другъ друга? Будемъ пользоваться тѣмъ невеселымъ фактомъ, что мы вообще попали на нашу планету, но попали въ одно время, и не выпустимъ другъ друга изъ вида: помощь всякому нужна и отъ всякаго, и съ перваго до послѣдняго дня жизни.

Кстати, я заговорилъ о первомъ днѣ жизни. Нынѣшній день 28-го Окт. былъ именно этимъ первымъ днемъ для меня, сорокъ четыре года тому назадъ. Почти вся жизнь уже назади, и я не могу сказать, съ какимъ собственно ощущеніемъ я гляжу въ прошедшее. Мнѣ не то что жаль его, не то что досадно, не думаю я, что я бы могъ лучше прожить, еслибъ!.. Не страшно мнѣ смотрѣть впередъ. Только сознаю я совершеніе какихъ-то вѣчныхъ неизмѣнныхъ, но глухихъ и нѣмыхъ законовъ надъ собою,—и маленькій пискъ моего сознанія такъ же мало тутъ значитъ, какъ еслибъ я вздумалъ лепетать: «я, я, я»... на берегу невозвратно текущаго океана. Муха еще жужжитъ, а черезъ мгновенье—тридцать, сорокъ лѣтъ тоже мгновенье—она уже жужжать не будетъ, а зажужжитъ таже муха, только съ другимъ носомъ,—и такъ во вѣки вѣковъ. Брызги и пѣна рѣки временъ!

Однако довольно эдакъ философствовать, тѣмъ болѣе, что Вамъ всѣ эти сравненья и т. д. едвали понравятся.

То, что Вы мнѣ говорите о Васъ самихъ, меня и трогаетъ и радуетъ: я вижу, что Вы дошли до того спокойствія самоотрицанья, которое столь же благодатно и благотворно, сколь спокойствіе эгоизма—безплодно и сухо. Ничего не хотѣть и не ждать для себя и глубоко сочувствовать другому—это и есть настоящая святость. Не хочу сказать, что Вы ея достигли, но Вы на дорогѣ. Это уже великое дѣло.

Вы, надѣюсь, поймете меня, что говоря: ничего не хотѣть для себя,—я не думаю отрицать заботъ Вашихъ о своей душѣ: любить свою душу и любить себя—двѣ вещи разныя.

Вы упоминаете о «благодѣяніи», которое я Вамъ нѣкогда оказалъ: ужъ коли я былъ такой великій человѣкъ, то позвольте мнѣ потребовать себѣ награду, а именно: Вы никогда не должны допускать даже мысль о забывчивости, когда говорите о моихъ чувствахъ къ Вамъ.

Вы мнѣ ничего не пишете о своемъ здоровьѣ,—надѣюсь, что оно не хуже прошлогодняго. Извѣстіе о Вашемъ мужѣ мнѣ было очень пріятно. Что касается до графа Карла, то нельзя не жалѣть о немъ, и это, я полагаю, самое тяжкое наказаніе для его непреклонной души.

Почему Вы полагаете, что Полинька (которая Вамъ усердно кланяется) не ходитъ въ церковь? Я не только «не отнялъ Бога у нея», но я самъ съ ней хожу въ церковь. Я бы себѣ не позволилъ такого посягательства на ея свободу, и если я не христіанинъ,—это мое личное дѣло,

пожалуй, мое личное несчастье. Полинька, напротивъ, очень религіозна.

Прощайте, милая Графиня. Крѣпко и любовно жму Вашу руку и остаюсь

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

88.

Парижъ.
Rue de Rivoli, 210.
17/29-го Янв. 1863.

Милая Графиня, моя дочь показала мнѣ письмо, которое она вчера получила отъ Васъ, и я узналъ въ немъ Вашу добрую душу и нѣжный и тонкій умъ. Вашъ образъ живо возникъ во мнѣ, и я пишу къ Вамъ нѣсколько строкъ не для того, чтобы потревожить Васъ въ Вашемъ уединеніи, но для того, чтобы благодарить Васъ за память обо мнѣ, сохраняемую Вами среди отчужденія ото всего прошедшаго, и въ то же время увѣрить Васъ, что Вы по прежнему остались неизмѣнно дороги для меня.

Все это время я собирался къ Вамъ писать. Я полагалъ, что Вы не получили моего послѣдняго письма; но изъ нѣкоторыхъ Вашихъ выраженій я долженъ заключить, что Вы сами почли за лучшее умолкнуть. Я не смѣю даже пытаться нарушить Ваше рѣшеніе: никто не имѣетъ права трогать завѣтныя струны чужой души, даже самой близкой. Но Вы мнѣ позволите подавать иногда о себѣ вѣсть, и я надѣюсь, что если Вамъ вздумается снова бесѣдовать со мною, Вы не остановитесь передъ чувствомъ ложной стыдливости, которая овладѣваетъ человѣкомъ, когда ему приходится измѣнить рѣшенію, самимъ имъ на себя наложенному. Вы все таки ничего дурного не сдѣлаете, и наконецъ, что же можетъ быть непреложнаго и неизмѣннаго въ нашей бренной и быстрой жизни?

Какъ бы то ни было, благодарю Васъ еще разъ за Ваши добрыя слова и жму Вамъ руку съ чувствомъ близкимъ къ умиленію.

Мы, можетъ быть, увидимся въ Петербургѣ, весной. Во всякомъ случаѣ я знаю, наши сношенія не прекратятся.

До свиданія.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

89.

Парижъ.
Rue de Rivoli, 210.
$^{6}/_{18}$ Апрѣля 1863.

Милая Графиня, давно бы мнѣ слѣдовало отвѣчать на Ваше милое письмо, которое обрадовало меня двоякимъ образомъ—и на Вашъ счетъ и на счетъ нашихъ отношеній. Но у меня было все это время пропасть мелкихъ непріятныхъ дѣлъ, и расположеніе духа не было такое, въ которомъ я желалъ бы писать къ Вамъ. Да и теперь я не въ своей тарелкѣ. Но я хочу непремѣнно поблагодарить Васъ и крѣпко пожать Вамъ руку, а изъ Бадена, куда я на дняхъ отправляюсь на жительство, напишу Вамъ письмо въ четырнадцать страницъ, на которое, я надѣюсь, Вы отвѣтите.

Моя дочь, которая Вамъ кланяется, ѣдетъ со мною. Я ея замужъ не выдалъ. Можетъ быть это къ лучшему.

Не стану говорить Вамъ о моемъ *дѣлѣ*, которое Вамъ вѣроятно извѣстно: я на дняхъ послалъ отвѣты на сдѣланные мнѣ запросы. Судятъ меня (!) въ Сенатѣ, и если Вамъ можно это сдѣлать, узнайте черезъ кого нибудь изъ Вашихъ приближенныхъ, какой оборотъ принимаетъ эта довольно странная вещь.

Я ничего не дѣлалъ всю эту зиму, но теперь намѣренъ работать. Обо всемъ этомъ я переговорю съ Вами подробнѣе, а теперь пока прощайте. Цѣлую Ваши руки. Кланяюсь Вашему мужу и остаюсь

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. Не пріѣдете ли Вы въ Германію, въ теченіе этого лѣта? Ждите письма изъ Бадена.

90.

Баденъ. 9-го Мая / 27-го Апрѣля 1863.
Schillerstrasse. 277.

Милая Графиня, я съ недѣлю тому назадъ пріѣхалъ сюда и только теперь окончательно поселился, пріискалъ квартиру и т. д. Я уже собирался къ Вамъ писать, хоть и не 14 страницъ, а нормальныхъ 4, какъ вдругъ явилось Ваше большое письмо, и разумѣется, не смотря на свою безжалостную строгость, ускорило мое намѣреніе. Скажу нѣсколько словъ не въ оправданіе, а въ объясненіе.

Вы меня осуждаете какъ человѣка (въ смыслѣ политическаго дѣятеля, гражданина) и какъ писателя. Въ первомъ отношеніи Вы правы, во второмъ—нѣтъ, какъ мнѣ кажется.

Вы правы, говоря, что я не политическій дѣятель, и утверждая, что правительству нечего меня опасаться. Мои убѣжденія съ молодыхъ лѣтъ не мѣнялись. Но я никогда не занимался и не буду заниматься политикой: это дѣло мнѣ чуждое и неинтересное, и я обращаю на него вниманіе, насколько это нужно писателю, призванному рисовать картины современнаго быта. Но Вы неправы, требуя отъ меня на *литературномъ* поприщѣ того, что я дать не могу, плодовъ, которые не растутъ на моемъ деревѣ. Я никогда *не писалъ для народа*. Я писалъ для того класса публики, которому я принадлежу, начиная съ «Записокъ Охотника» и кончая «Отцами и Дѣтьми». Не знаю, насколько я принесъ пользы, но

знаю, что я неуклонно шелъ къ одной и той же цѣли, и въ этомъ отношеніи не заслуживаю упрека.

Вамъ кажется, что я изъ одной лѣни не пишу, какъ Вы говорите, простой и нравственной повѣсти для народа. Но почему Вы знаете, что я двадцать разъ не пытался что нибудь сдѣлать въ этомъ родѣ, и не бросилъ этого наконецъ, потому что убѣдился, что это не по моей части, что я этого *не умѣю?*

Вотъ гдѣ именно и высказывается слабая сторона самыхъ умныхъ людей *не*художниковъ: привыкнувъ всю жизнь свою устроивать сообразно съ собственной волей, они никакъ не могутъ понять, что художникъ часто неволенъ въ собственномъ дѣтищѣ, — и готовы обвинять его въ лѣни, въ эпикурействѣ и т. п. Повѣрьте: нашъ братъ, да и всякій дѣлаетъ только то, что ему дано дѣлать, а насиловать себя и безполезно, и безплодно.

Вотъ отчего я никогда не напишу повѣсти для народа. Тутъ нуженъ совсѣмъ другой складъ ума и характера.

Положа руку на сердце, я такъ же не думаю, что живу за границей единственно изъ желанія наслаждаться отелями и т. п. Обстоятельства до сихъ поръ такъ сложились, что я въ Россіи могу проводить только 5 мѣсяцевъ въ году; а теперь и того хуже стало. Вы, я надѣюсь, мнѣ повѣрите, если я скажу Вамъ, что именно теперь я желалъ бы быть въ Россіи и видѣть вблизи то, что въ ней происходитъ, и чему я глубоко сочувствую.

Дочь свою я все еще замужъ не выдалъ, впрочемъ, она къ Вамъ сама пишетъ. Я, виноватъ, забылъ поблагодарить Васъ за прекрасный альбомъ, который дошелъ къ моей дочери въ цѣлости и красуется у ней на столѣ.

Я бы очень былъ радъ, еслибъ Вамъ присовѣтывали поѣхать за границу: здѣсь я бы имѣлъ une chance Васъ видѣть.

Будьте здоровы. Пишите мнѣ хотя негодующія письма и знайте, что я Васъ люблю отъ души и дорожу Вашей дружбой. Крѣпко жму руку Вашему мужу.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

91.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse. 277.
$^{13}/_{6}$-го Іюля 1863.

И сказать нельзя, милая Графиня, какъ давно я собираюсь къ Вамъ писать, такъ давно, что, пожалуй, мое письмо Васъ уже не найдетъ болѣе въ Петербургѣ. Такъ и быть, все же лучше поздно, чѣмъ никогда. Хотя Вы мнѣ не сообщаете Вашего новаго адреса, но я пишу на имя Вашего мужа въ Царское Село. Я даже не могу себѣ представить, гдѣ Вы теперь? Совершили ли желанную Вами поѣздку къ Троицѣ?

Продажа Вашего дома, которую я вполнѣ понимаю, смутила меня въ томъ отношеніи, что я не могу связать теперь съ мыслью объ Васъ никакого «гнѣзда». Да и сверхъ того, мнѣ жалко Вашего прежняго гнѣзда, въ которомъ я провелъ столько пріятныхъ часовъ. Дайте мнѣ знать о томъ, гдѣ Вы думаете основаться. Извѣстите меня такъ же о Вашемъ здоровьѣ, которое, я надѣюсь, по крайней мѣрѣ не ухудшается.

О себѣ я, къ сожалѣнію, не могу этого сказать. Моя старинная болѣзнь приняла, недавно тому назадъ, острый характеръ, и мнѣ теперь болѣе чѣмъ когда нибудь стало ясно, какъ мало для меня веселаго и свѣтлаго впереди. Вылечиться невозможно. Остается стараться уменьшать страданія и продолжать ковылять, съ грѣхомъ пополамъ, по жизненной дорогѣ, пока не настанетъ конецъ всей этой хлопотливой и ничтожной тревогѣ. Впрочемъ, я уже и теперь не простираю своего духовнаго взора далѣе того дня, въ которомъ живу. Однако, довольно: у Васъ и безъ меня слишкомъ много причинъ къ унынью.

О политикѣ я Вамъ говорить не стану. Ограничусь увѣреніемъ, что я никогда не чувствовалъ себя такимъ Русскимъ, какъ именно теперь, и много бы далъ, чтобы побывать на родинѣ.

Благодарю Васъ за свѣдѣнія о моемъ *дѣлѣ*. По всему видно, что оно не скоро кончится, хотя меня до сихъ поръ оставляютъ въ покоѣ.

О литературной моей дѣятельности такъ же не имѣю, что сказать. Я кончилъ недавно небольшую вещь, и представьте: фантастическую!—скорѣе описательную. Она была назначена для журнала «Время», но этотъ журналъ запретили за статью (правда, очень легкомысленную) о Польшѣ,—и я остался съ своимъ дѣтищемъ на рукахъ. За большой, задуманный мною, романъ пока не принимался.

Я остаюсь здѣсь до зимы. Моя болѣзнь, быть можетъ, помѣшаетъ мнѣ охотиться, что было бы очень печально. Подстрѣливать куропатокъ и зайцевъ—единственное занятіе, которое, говоря по французски, *улыбается* мнѣ.

Дочь моя кланяется Вамъ усердно. Она въ началѣ Сентября возвращается въ Парижъ: авось хотя въ нынѣшнюю зиму найдется для нея порядочный мужъ.

Поклонитесь отъ меня Вашему мужу и примите отъ меня увѣреніе въ искренней и нелицемѣрной пріязни.

Я сперва очень удивился, когда узналъ изъ Вашего письма, что Вы боялись, какъ бы я не оскорбился прежнимъ Вашимъ письмомъ. Да, я сперва удивился, а потомъ опечалился при мысли, что, увы! ничего въ мірѣ не можетъ болѣе оскорбить меня. Меня могутъ ударить, и если только не больно будетъ,—я и не замѣчу. Perinde ac cadaver.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

92.

Парижъ.
Rue de Rivoli, 210.

Четвергъ. 7-го Апрѣля / 26-го Марта 1864.

Милая Графиня, хотите Вы возобновить со мною переписку? Я бы очень этому былъ радъ, и вообще не вижу причины, почему бы ей прекратиться.

Я не очень часто видѣлъ Васъ во время моего пребыванія въ Петербургѣ, но, я надѣюсь, Вы могли убѣдиться, что чувства мои остались къ Вамъ тѣже, и если они Вамъ показались какъ бы охладѣвшими, такъ это просто происходило отъ того, что вся жизнь моя, все мое существо потускнѣли. Я вообще до сихъ поръ не измѣнялъ старинным своимъ связямъ, давней дружбѣ. Было бы грѣшно, да и не возможно—начать съ Васъ. А потому, безъ дальнѣйшихъ околичностей, приступаю.

Я пріѣхалъ сюда черезъ Баденъ, гдѣ я провелъ дней десять самымъ пріятнымъ образомъ. Оттого ли что мои требованія стали меньше, оттого ли что тамъ мое настоящее гнѣздо,—только я замѣчаю, что съ нѣкотораго времени счастье дается мнѣ гораздо легче, не смотря на общее потускнѣніе колорита, о которомъ я сейчасъ говорилъ. Хорошо мнѣ тамъ живется!

Въ Парижѣ я засталъ предполагаемый бракъ моей дочери разстроеннымъ: она вдругъ не захотѣла выходить за мужъ за того господина, и я, разумѣется, не настаивалъ: я вообще не созданъ повелѣвать, а въ дѣлѣ женитьбы это было бы совершенно безсмысленно. Я нанялъ ей и ея

гувернанткѣ хорошенькую квартерку въ Пасси, такъ какъ ни онѣ не желаютъ ѣхать въ Баденъ, ни мнѣ этого не хочется послѣ испытанія прошлогодняго сезона. А выбралъ я Пасси потому, что она тамъ будетъ въ сосѣдствѣ очень доброй и почтенной дамы, знающей полъ-Парижа, принимающей живое участіе въ Полинѣ и обѣщавшей мнѣ пріискать ей жениха. Дай-то Богъ! А я начинаю терять надежду. Впрочемъ, въ Пасси очень хорошій воздухъ и гулянія прекрасныя: ей скучно не будетъ.

А я, какъ только устрою здѣсь свои дѣлишки, опять въ Баденъ, т. е. черезъ двѣ недѣли. Г-жа Віардо теперь въ большой заботѣ: у ней дочь должна на дняхъ родить, и по всему видно, что роды эти будутъ очень трудны. Она не отходитъ отъ нея, и я безпрестанно объ этомъ думаю.

Здоровье мое весьма изрядно. А каково Ваше? Не полѣнитесь написать мнѣ нѣсколько словъ. Хоть опять, пожалуй, побраните несчастные мои «призраки». Повторяю: возобновимте нашу переписку.

Кланяюсь дружески Вашему мужу и крѣпко жму Вашу руку.

Любящій Васъ

Ив. Тургеневъ.

93.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
18-го Іюля 1864.

Любезнѣйшая Графиня, мнѣ Ваша belle-soeur сказала, что Вы находитесь въ Швальбахѣ, и мнѣ хочется узнать это отъ Васъ самихъ.

Не пеняйте на меня за то, что я не отвѣчалъ Вамъ на Ваше письмо изъ Петербурга, и черкните мнѣ два слова о Вашемъ здоровьи, о Вашихъ намѣреньяхъ. Долго ли Вы пробудете въ Швальбахѣ, и куда думаете поѣхать оттуда, и гдѣ намѣрены провести осень: на зиму Вы вѣроятно вернетесь въ Петербургъ. Соображаясь съ этими данными, я непремѣнно устрою такъ, чтобы повидаться съ Вами до Вашего отъѣзда въ Россію.

Я здѣсь живу помаленьку (—самая лучшая и надежная манера жить—), не жалуюсь на здоровье, да и вообще ни на что не жалуюсь, потому что ничего особеннаго не домогаюсь. Купилъ себѣ землю и скоро собираюсь строиться.

Въ ожиданіи Вашего отвѣта, съ искренней дружбой жму Вашу руку и остаюсь навсегда

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
3-го Сентября 64.

Милая Графиня, прежде всего долженъ Вамъ сказать, что по непонятной для меня причинѣ письмо Ваше. писанное 18-го Авг., попало ко мнѣ въ руки только вчера! Это мнѣ вдвойнѣ непріятно: съ одной стороны Вы можете подумать, что я полѣнился отвѣчать Вамъ, а съ другой стороны мой отвѣтъ, пожалуй, не застанетъ Васъ въ Висбаденѣ. Но такъ и быть, не хочу по крайней мѣрѣ терять лишней минуты.

Я Вамъ очень благодаренъ за Ваше письмо, хотя Вы и браните меня и прощаетесь со мною... Я вижу изъ него, что Вы еще помните меня и даже чувствуете ко мнѣ нѣкоторую дружбу... Въ Васъ, къ счастью для меня, никогда не было той, хотя добродѣтельной, но высокомѣрной неспособности понять, а иногда и простить чужіе недостатки, которую я замѣчалъ во многихъ христіанахъ, и христіанахъ изъ высшаго общества. Вы меня упрекаете, правда; но, во первыхъ, въ упрекахъ Вашихъ слышится благосклонность, а во вторыхъ, они мнѣ даютъ возможность попытаться оправдать себя.

Съ Вашей точки зрѣнія за мною двѣ большія вины: первая—отсутствіе... ортодоксіи; вторая—удаленіе изъ родины, происходящее отъ желанія эпикурейской жизни, отъ эгоизма однимъ словомъ.

О первомъ пунктѣ я не буду распространяться: я не христіанинъ въ Вашемъ смыслѣ, да пожалуй и ни въ какомъ, и потому оставимъ это въ сторонѣ: это можетъ повести только къ тяжелымъ недоразумѣньямъ.

Что касается до втораго пункта, то позвольте прежде всего протестовать противъ слова: презрѣніе, которое Вы мнѣ приписываете: презираютъ только молодые, горячіе люди, а за мной и въ молодости этого грѣха не водилось. Вы говорите: должно служить отечеству,—прекрасно. Но Вы согласитесь, что я не могу служить ему ни какъ военный, ни какъ чиновникъ, какъ агрономъ или фабрикантъ; посильную пользу приносить могу я только какъ писатель, какъ артистъ. Я бы могъ замѣтить тутъ кстати, что для всякаго артиста наступаетъ время и даже право покоя.

Я хочу только обратить Ваше вниманіе на тотъ фактъ, что нѣтъ никакой необходимости писателю непремѣнно жить въ своей родинѣ и стараться улавливать видоизмѣненія ея жизни, во всякомъ случаѣ нѣтъ необходимости дѣлать это постоянно.

Я довольно потрудился на этомъ поприщѣ, и теперь—почему Вы знаете?—можетъ, я намѣренъ приступить къ сочиненію, которое не будетъ имѣть значенія спеціально-Русскаго, а поставитъ себѣ цѣль болѣе обширную?

Вы мнѣ отвѣтите, что я хочу только придумать благовидный предлогъ для моей лѣни... Но Вы не будете совершенно правы.

Словомъ, я не вижу причины, почему мнѣ не поселиться въ Баденѣ: я это дѣлаю не изъ желанія наслажденій (это тоже удѣлъ молодости), а просто для того, чтобы свить себѣ гнѣздышко, въ которомъ буду дожидаться, пока наступитъ неизбѣжный конецъ.

Вотъ сколько я наговорилъ Вамъ и, разумѣется, не разубѣдилъ Васъ. А Вы съ своей стороны ничего мнѣ

не сказали ни о своемъ здоровьи, ни о своихъ намѣреньяхъ.

Не смотря на 24-*часовой* срокъ, которому Вы напрасно придали такое значеніе, я бы непремѣнно посѣтилъ Васъ, если бы зналъ навѣрное, гдѣ Вы и на долго ли? Пожалуйста, напишите мнѣ объ этомъ два слова, и вообще будемте поддерживать нашу переписку. Не смотря на всякія разнорѣчія, мы близко стоимъ другъ къ другу.

Въ ожиданіи письма, жму Вамъ крѣпко руку и остаюсь душевно Вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

95.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
Середа, 28-го Сентября 1864.

Меня два дня не было дома, милая Графиня, и въ это время пришло Ваше письмецо, отъ котораго я почувствовалъ сильное угрызеніе совѣсти. Пишу поскорѣе въ Висбаденъ, хотя не знаю, застанутъ ли Васъ еще тамъ эти строки.

Не отвѣчалъ я Вамъ тотъчасъ—стыдно сказать отъ чего: я три дня въ недѣлю ѣздилъ на охоту, уставалъ страшно, и на слѣдующій день послѣ охоты едва могъ отдохнуть и ничего не былъ въ состояніи сдѣлать.

Я чувствую, что это весьма плохое извиненіе, но другаго у меня нѣтъ.

Меня порадовало въ Вашей запискѣ извѣстіе, что Вы не ѣдете въ деревню, а возвращаетесь въ Петербургъ. Это даетъ мнѣ, во первыхъ, большую надежду на поддержаніе нашей переписки, которою я очень дорожу, не смотря на Ваши сомнѣнія; а во вторыхъ, мнѣ пріятно думать, что я Васъ увижу въ началѣ будущаго года, такъ какъ я непремѣнно пріѣду въ Петербургъ мѣсяца на два.

Вы мнѣ ничего не говорите о Вашемъ здоровьѣ, но я утѣшаю себя мыслію, что Ваше лѣченіе и пребываніе за границей не пропали даромъ, и что я Васъ увижу въ Россіи въ хорошемъ видѣ.

Я видѣлъ здѣсь Ѳ. И. Тютчева, который очень горевалъ о томъ, что не свидѣлся съ Вами. Состояніе его весьма тягостно и печально. Вы вѣроятно знаете, почему.

Если это письмо дойдетъ до Вашихъ рукъ, напишите мнѣ въ отвѣтъ двѣ строчки и передайте мой поклонъ Вашему мужу.

Мой домъ началъ строиться, т.е. фундаментъ уже почти вырытъ; черезъ годъ вѣроятно все будетъ готово, и кто знаетъ, можетъ быть мнѣ придется увидѣть Васъ въ его стѣнахъ.

Будьте здоровы. Жму Вамъ крѣпко руку и прошу Васъ вѣрить въ неизмѣнную искренность моей привязанности.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
13/25-го Дек. 1864.

Я очень обрадовался Вашему письму, милая Графиня: я уже начиналъ терять надежду на возобновленіе нашихъ сношеній. Я долженъ предполагать, что Вы не получили моего письма, отправленнаго къ Вамъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Вѣну. Потеря этого письма мнѣ только потому непріятна, что она могла внушить Вамъ несправедливое мнѣніе о моей забывчивости. Какъ бы то ни было, но сношенія наши возстановлены: будемъ стараться, чтобы онѣ не прерывались. Эти перерывы уже тѣмъ досадны, что необходимо нужно всякій разъ излагать нѣчто въ родѣ краткаго отчета собственнаго душевнаго состоянія, pour remettre l'autre au courant, а это не всегда удобно сдѣлать, особенно въ нѣсколькихъ строкахъ: всякая исповѣдь должна быть болтлива, а тутъ приходится сжаться и найти краткія, но сильныя выраженія. Впрочемъ, я на этотъ разъ не намѣренъ исповѣдываться, т.е. говорить о себѣ.

Сообщу Вамъ прежде всего важную для меня новость: моя дочь въ концѣ Февраля выходитъ за мужъ. Жениха зовутъ M-r Gaston Bruère. Онъ молодой человѣкъ (29 лѣтъ), хорошей фамиліи и живетъ почти постоянно въ деревнѣ, гдѣ имѣетъ значительную стеклянную фабрику. Его познакомила съ моей дочерью M-me Delessert, большая моя пріятельница, которая его знаетъ съ дѣтства. Онъ понравился моей дочери, и дѣло слажено. Я на дняхъ ѣду

въ Парижъ для того, чтобы все устроить и распорядиться. Если вздумаете мнѣ писать, вотъ мой адресъ: Passy, rue Basse, 10.

Я очень этому буду радъ. Онъ выводитъ мою дочь изъ ложнаго положенія, въ которомъ она находилась, и избавляетъ меня отъ великой отвѣтственности.

Дай Вамъ Богъ найти въ деревнѣ необходимый покой и тишину душевную! Но я надѣюсь увидаться съ Вами до Вашего отъѣзда изъ Петербурга.

Я тотъчасъ послѣ свадьбы моей дочери ѣду въ Россію и останусь въ Петербургѣ до 15-го Апрѣля. Мнѣ непремѣнно нужно побывать въ Россіи, чтобы взять въ руки мои дѣла, которыя мой добрый дядя совсѣмъ распустилъ.

Свадьба графа Ламберта (о которой я, впрочемъ, узналъ только черезъ Васъ) меня нисколько не удивила, и мнѣ кажется, онъ поступаетъ хорошо и умно. Каррьера его, кажется, кончена, и доживать въ одиночествѣ послѣдніе годы жизни—трудно даже такому энергическому характеру, каковъ онъ. Вы мнѣ не пишете, гдѣ онъ. Если въ Парижѣ, я его отыщу.

Кланяюсь Вашему мужу и дружески жму Вашу руку.

Изъ Парижа я Вамъ напишу подробнѣе.

Будьте здоровы, и спасибо за память.

Любящій Васъ

Ив. Тургеневъ.

97.

Парижъ,
10, rue Basse, Passy.
Четвергъ, 10-го Февр. / 29-го Янв. 1865.

Милая Графиня, не получая такъ долго отвѣта на мое послѣднее письмо къ Вамъ, я начинаю думать, что оно не дошло до своего назначенія, и пишу къ Вамъ снова. (Надѣюсь, что Ваше молчаніе не произошло отъ нездоровья или другой какой-нибудь жизненной «скверны»).

Сегодня четвертый день, какъ я пріѣхалъ сюда изъ моего любезнаго Бадена, и я остаюсь здѣсь до 26-го, т.-е. до свадьбы моей дочери, которая, какъ я Вамъ, помнится, писалъ, выходитъ за молодого француза, M-r Gaston Bruére, administrateur en chef d'une verrerie... Онъ мнѣ очень нравится и, что гораздо важнѣе, очень нравится моей дочери. Онъ очень спокоенъ, простъ, неболтливъ, немного холоденъ и напоминаетъ лицомъ покойнаго принца Альберта, мужа королевы Викторіи. Дай Богъ ему быть такимъ же хорошимъ мужемъ!

Хлопотъ было у меня много, однако все уладилось, и сегодня подписывается контрактъ.

Тотчасъ по окончаніи свадьбы я уѣзжаю въ Баденъ, а оттуда въ Петербургъ (въ первыхъ числахъ Апрѣля), гдѣ надѣюсь застать еще Васъ.

Я Вамъ написалъ это коротенькое письмецо, вопервыхъ, для того, чтобы вызвать Васъ на отвѣтъ, а во вторыхъ для того, что, зная Ваше всегдашнее расположеніе къ моей

дочери, я желалъ немедленно извѣстить Васъ о такомъ важномъ для нея событіи. Съ своей стороны она Вамъ кланяется и проситъ меня напомнить Вамъ о ней.

Кстати, такъ какъ мы говоримъ о свадьбахъ, женился ли Вашъ beau-frère? И гдѣ онъ теперь, не въ Парижѣ ли?

Дайте мнѣ знать.

Въ ожиданіи двухъ-трехъ строкъ отъ Васъ, дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Передайте мой привѣтъ Вашему мужу. Какъ его и какъ Ваше здоровье?

98.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.

10-го Марта н. с.
26-го Февр. с. с. 1865.

Милая Графиня, Ваше послѣднее письмо начинается такими извиненьями, что мнѣ даже немножко совѣстно стало... Мнѣ случалось лѣниться хуже Вашего! Но въ сторону всякаго рода упреки и себѣ и другимъ!

Мнѣ хочется, во первыхъ, благодарить Васъ за Ваше хорошее и доброе письмо, а во вторыхъ, подѣлиться съ Вами тѣмъ удовольствіемъ, которое я ощущаю при мысли о счастливомъ бракѣ моей дочери. Заслуги моей тутъ нѣтъ никакой: все это сдѣлалось само собою.

Я знаю, что ничего напередъ съ достовѣрностью сказать нельзя, но зять мой дѣйствительно прекрасный, честный и правдивый человѣкъ. (Посылаю Вамъ его фотографію. Я нахожу, что онъ походитъ на принца Альберта, только онъ бѣлокурый). А главное—его характеръ словно созданъ для того, чтобы и удовлетворить мою дочь и помочь ея недостаткамъ. Впрочемъ, онъ единственный изо всѣхъ жениховъ, который ей дѣйствительно понравился.

У меня было очень много хлопотъ, но все устроилось отлично: день свадьбы, 25-го Февр., былъ свѣтлый, солнечный. Дочь моя просто сіяла счастьемъ и даже собой была очень недурна. Какое-то ласковое веселье было разлито на всемъ. Свадьба отпраздновалась въ небольшой церкви въ Пасси...

Я долженъ Вамъ сообщить (это между нами), что дочь моя за мѣсяцъ до свадьбы перешла въ католицизмъ, и стало быть, уже совершилось то, чего Вы какъ бы опасаетесь въ Вашемъ письмѣ. Я не противился ея желанію, которое избавляетъ ее отъ многихъ недоразумѣній и непріятностей, такъ какъ ей предстоитъ жить постоянно не только во Франціи, но въ провинціи... Съ религіозной точки зрѣнія я такъ же не имѣлъ ничего возразить.

Кстати, я, пріѣхавши въ Баденъ, отправилъ къ Вамъ письмо отъ нея. Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, я уже получилъ три письма отъ моихъ «дѣтей», и мнѣ въ нихъ слышится нѣчто болѣе обыкновеннаго блаженства первыхъ дней медоваго мѣсяца. Кажется, я не ошибаюсь.

Я остаюсь здѣсь около мѣсяца, а тамъ отправляюсь въ Петербургъ, а оттуда въ деревню. Нечего говорить, что я увижу Васъ въ самый день пріѣзда. Поболтаемъ о многомъ, какъ старые друзья, но новаго (да и тѣмъ лучше!) ничего не будетъ.

Я повѣсилъ свое перо на гвоздикъ... Россія мнѣ стала чужда, и я не знаю, что сказать о ней. Въ такихъ случаяхъ, какъ говорится, le silence est d'or.

Поклонитесь Вашему мужу и примите отъ меня увѣреніе въ самой искренней и теплой привязанности.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

99.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
10/22-го Марта 1866.

Любезная Графиня,

Давно я къ Вамъ не писалъ и давно собираюсь писать къ Вамъ..., но меня все останавливала мысль, желаете ли Вы возобновленія, хотя медленнаго и отдаленнаго, нашей переписки? Не хотите ли Вы, особенно послѣ послѣднихъ поразившихъ Васъ утратъ, вообще покончить съ прошедшимъ, изъ глубины котораго къ Вамъ приходятъ однѣ горестныя воспоминанія? Въ такомъ случаѣ Вы мнѣ не отвѣтите, и я пойму Васъ. Во всякомъ случаѣ знайте, что то, что я Вамъ предлагаю, очень скромно и не тревожитъ и не поднимаетъ ничего *со дна:* это простой обмѣнъ дружескаго привѣта, сообщеніе немногочисленныхъ жизненныхъ фактовъ. Такого рода скромность приличествуетъ годамъ, которыхъ мы достигли.

Я желалъ бы имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о Вашемъ здоровьѣ. Самъ я прозябаю помаленьку, отмахиваясь по возможности отъ небольшихъ недуговъ. Дочь моя очень счастлива съ своимъ мужемъ. Баденское мое гнѣздо ростетъ, и въ Октябрѣ я надѣюсь засѣсть въ немъ окончательно.

Поклонитесь отъ меня Вашему мужу и вѣрьте въ искренность и неизмѣнность чувствъ, которыя я къ Вамъ питаю.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

100.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse, 277.
Суббота, 16-го/4-го Іюня 1866.

Долго не отвѣчалъ я на Вашу милую записку, добрѣйшая Графиня, хотя часто думалъ о Васъ, о всѣхъ Вашихъ, о всемъ что Вы испытали и испытываете въ послѣднее время.

Я узналъ на дняхъ, что мужъ Вашъ, по разстроенному здоровью, отправляется за границу. Полагаю, что и Вы поѣдете съ нимъ, и весьма желалъ бы знать, гдѣ именно Вамъ придется провести лѣто. Напишите мнѣ, если только это правда, и я непремѣнно постараюсь свидѣться съ Вами.

Полагаю, что война, которая сегодня или завтра должна вспыхнуть въ Германіи,

$\frac{25\text{-го}}{13}$ Февраля 1867.

Послѣ восьмимѣсячнаго перерыва посылаю Вамъ этотъ листокъ, любезнѣйшая Графиня. Пусть онъ служитъ въ одно и тоже время и свидѣтелемъ моей постыдной лѣни, и доказательствомъ, что я не забывалъ Васъ и имѣлъ намѣреніе поддерживать нашу переписку.

А сколько воды утекло въ эти восемь мѣсяцевъ! Какія событія совершились, событія, на которыя, между прочимъ, намекала самая прерванная моя фраза! Впрочемъ,

обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ я вѣроятно скоро буду имѣть удовольствіе лично бесѣдовать съ Вами, такъ какъ я на дняхъ собираюсь въ Россію.

Я бы выѣхалъ отсюда мѣсяцъ тому назадъ, еслибъ... еслибъ не припадокъ *подагры*... Увы, да! Настоящей, несомнѣнной подагры, да еще какой-то злокачественной, т. е. продолжительной. Два мѣсяца я пролежалъ на диванѣ, и теперь шагу ступить не могу безъ палки. Что дѣлать! Старость не радость. Къ инымъ она приходитъ раньше чѣмъ бы слѣдовало. Надо покориться безъ ропота, тѣмъ болѣе что онъ ни къ чему не служитъ.

Эта подагра по крайней мѣрѣ ту имѣла пользу, что я, послѣ четырехъ-лѣтняго бездѣйствія, окончилъ и переписалъ романъ, который я везу съ собою для напечатанія въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Удался ли онъ мнѣ, или нѣтъ— это неизвѣстно, но мнѣ за него даютъ хорошія деньги, и я въ этомъ смыслѣ говорилъ о пользѣ, принесенной мнѣ моей болѣзнью.

Надѣюсь застать Васъ въ хорошемъ здоровьѣ, а до того времени прошу принять увѣреніе въ неизмѣнной дружбѣ и преданности

Вашего

Ив. Тургенева.

P. S. Передайте мой дружескій поклонъ Вашему супругу.

101.

Баденъ-Баденъ.
Schillerstrasse 1867
Суббота, 11-го Мая / 29-го Апр. 1867.

Милая Графиня,

Я остался такъ мало времени въ Петербургѣ при обратномъ проѣздѣ изъ Москвы, что не успѣлъ повидаться съ Вами, къ крайнему моему сожалѣнію. Мнѣ очень хотѣлось побесѣдовать съ Вами, чтобы упрочить въ себѣ то хорошее впечатлѣніе, которое Вы произвели на меня въ наше единственное свиданіе—впечатлѣніе тишины, спокойствія и здоровья. При томъ же и возобновленіе нашихъ сношеній было мнѣ пріятно.

Не знаю, застанетъ ли Васъ это письмо еще въ Россіи или въ Петербургѣ. Планы Ваши мнѣ вообще неизвѣстны. Но пишу на всякій случай, такъ какъ къ моему желанію напомнить Вамъ о себѣ примѣшивается еще возможность навести Васъ на доброе дѣло.

Что прикажете дѣлать? Изо всѣхъ дверей, въ которыя я, плохой христіанинъ, но слѣдуя Евангельскому правилу, толкался, Ваши двери отворялись легче и чаще всѣхъ другихъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Быть можетъ, скоро по полученіи Вами этого письма, явится къ Вамъ одинъ мой знакомый, Карлъ Карловичъ Ахенбахъ. Онъ былъ въ теченіи 16 лѣтъ преподавателемъ въ Тамбовскомъ кадетскомъ корпусѣ. По закрытіи этого корпуса онъ лишился мѣста, не получилъ даже годич-

наго жалованья, на которое имѣлъ право, почти ослѣпъ, и къ довершенію всего, на дорогѣ изъ Тамбова въ Москву, у него украли саквояжъ со всѣмъ его имуществомъ. Впрочемъ, прилагаю его письмо ко мнѣ, изъ котораго Вы все въ подробности узнаете. Этотъ вполнѣ достойный и честный человѣкъ находится на краю гибели. Онъ, какъ Вы увидите изъ письма, проситъ меня доставить ему возможность заняться переводами. Но, не говоря уже о томъ, что работа эта весьма неприбыльная, гдѣ ему сидѣть надъ бумагой, съ его больными глазами? Какъ ему помочь—я не знаю и потому обращаюсь къ Вамъ, милая Графиня! Не придумаете ли Вы, не найдете ли что-нибудь? Женскій умъ изобрѣтателенъ въ дѣлѣ милосердія, а Вашъ—подавно. Подайте ему какой-нибудь совѣтъ. Ахенбахъ принадлежитъ къ числу людей, которые борются съ несчастьемъ до конца: но оно и такихъ людей отлично умѣетъ побѣждать. Помогите ему, если можете: онъ стоитъ Вашего участія.

Напишите мнѣ два слова: я живу здѣсь, какъ Вамъ извѣстно, безвыѣздно.

Не спрашиваю у Васъ мнѣнія о моемъ романѣ: Вы его вѣроятно не прочли, а если и прочли, то онъ Вамъ не понравился,—это я знаю.

Напишите мнѣ о себѣ, о Вашемъ мужѣ, о Вашихъ намѣреніяхъ на лѣто. Меня все это интересуетъ, потому что я искренно къ Вамъ привязанъ, въ чемъ, я надѣюсь, Вы не сомнѣваетесь.

Дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Записки безъ даты.

102.

Mille remerciments, et je serai chez vous à 1 heure et demie au plus tard, car si les 100 pieces d'or ne venaient pas, par hasard, il faudrait aller chez Stiglits. Excusez ce griffonnage et ce papier. Je vous baise les mains

Votre

I. Tourguéneff.

103.

Любезная Графиня,

Сдѣлайте одолженіе, пришлите мнѣ съ симъ посланнымъ томъ «Библіотеки», гдѣ находится «Поѣздка въ Полѣсье». Я Вамъ его возвращу завтра вечеромъ.

До свиданія. Цѣлую Ваши ручки.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Среда.

104.

Любезнѣйшая Графиня,

Отъ души благодаренъ Вамъ за память, и непремѣнно явлюсь къ Вамъ въ Понедѣльникъ.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

105.

Позвольте, любезнѣйшая Графиня, прибѣгнуть, какъ говорится въ оффиціальныхъ бумагахъ, къ Вашему высокому покровительству: достаньте мнѣ билетъ на завтрашній балъ въ Дворянскомъ Собраніи. Я Вамъ буду крайне обязанъ.

Сегодня вечеромъ, около полуночи, я буду имѣть удовольствіе явиться къ Вамъ.

Будьте здоровы, и спасибо заранѣе.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Воскресеніе утромъ.

106.

Любезнѣйшая Графиня,

Я хотѣлъ быть у Васъ сегодня, но не могу; а потому посылаю Вамъ при семъ аттестатъ человѣка, который желалъ бы получить мѣсто управляющаго большимъ имѣніемъ. Этотъ человѣкъ—Цебриковъ, Николай Романовичъ, бывшій декабристъ, но уже давно прощенный и бывшій на службѣ. За его абсолютную, рыцарскую честность я *ручаюсь головою*, а за его способности говоритъ прилагаемый аттестатъ. Покажите его кому-нибудь изъ Вашихъ сегодняшнихъ гостей,—можетъ быть кому-нибудь и нуженъ такой человѣкъ. Онъ бы желалъ отъ 1500 до 2000 въ годъ. (Ему подъ 60 лѣтъ, но онъ еще втрое моложе меня).

Цѣлую Ваши руки и буду у Васъ послѣзавтра.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Раевскаго я знаю лично.

107.

Извините меня, любезнѣйшая Графиня, если я не могу сдержать сегодняшняго слова. Но я такъ усталъ, что Вы бы имѣли во мнѣ самаго неинтереснаго собесѣдника.

Дочь моя душевно благодаритъ Васъ и будетъ Васъ ожидать, а я къ Вамъ явлюсь завтра часу во второмъ и принесу проектъ.

До свиданья.

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Четвергъ вечеромъ.

108.

Любезнѣйшая Графиня,

Будьте такъ добры, доставьте прилагаемое письмо г-жѣ Ваксель. Вашъ человѣкъ ушелъ, не дождавшись отвѣта.

Я совсѣмъ замучился съ моей повѣстью, которую только нынѣшней ночью кончилъ. Вы ее прочтете въ корректурѣ.

Я увижу Васъ завтра вечеромъ, если Вы будете дома

Вашъ

Ив. Тургеневъ.

Четвергъ.

109.

Любезная Графиня, не могу я присутствовать на Вашемъ дѣтскомъ театрѣ: я получилъ приглашеніе отъ Великой Княгини обѣдать у ней въ 6½ ч. Очень мнѣ жаль, что не могу я рукоплескать Вашимъ юнымъ актерамъ.

До свиданія, будьте здоровы.

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Среда.

110.

Соденъ.
Понедѣльникъ, утромъ.

Милая Графиня,

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ (на этотъ разъ это не фраза, да я съ Вами никогда къ фразамъ не прибѣгаю), поѣздка моя въ Эмсъ совершится не во *Вторникъ*, а въ *Среду*.

И такъ до свиданія, послѣ завтра, въ 11 ч. утра.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

111.

Любезнѣйшая Графиня, постараюсь заѣхать къ Вамъ сегодня же вечеромъ или завтра, au plus tard, чтобы узнать, какой я вредный писатель.

Благодарю Васъ за обѣщаніе на счетъ моего бывшаго камердинера.

Дружески жму Вамъ руку и остаюсь

Преданный Вамъ
Ив. Тургеневъ.

Четвергъ.

112.

Милая Графиня,

Я завтра рано уѣзжаю отсюда и, если Богъ дастъ, дня черезъ 4 буду въ Петербургѣ и Васъ увижу. А теперь я только хочу спросить Васъ, получили ли Вы письмецо отъ меня съ просьбой публиковать меня три раза въ газетахъ въ числѣ отъѣзжающихъ за границу, подъ именемъ «Коллежскаго Секретаря И. С. Т., проживающаго въ Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда, въ с. Спасскомъ». Если Вы получили мое письмо, то стало быть дѣло сдѣлано; если же Вы ничего не получили, то будьте такъ добры, распорядитесь этимъ теперь же, не дожидаясь моего прибытія, чтобы не было задержки для меня.

Больше мнѣ писать пока нечего, все передамъ изустно.

До свиданія и будьте здоровы.

Письмо Ваше къ Полинькѣ отправилъ.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

Москва.
Пятница 1-го Сент.

113.

Милая Графиня,

Я ѣду завтра, т. е. въ Субботу изъ Москвы и буду у Васъ въ Воскресеніе вечеромъ, если ничего со мной не случится. А съ симъ посланнымъ, Вамъ уже знакомымъ Захаромъ, посылаю Вамъ мою рукопись и рукопись г-жи Паткуль,—мою рукопись для того, чтобы Вы приступили къ ея чтенію и успѣли бы мнѣ сказать Ваше мнѣніе ко времени моего отъѣзда изъ Петербурга; а рукопись г-жи Паткуль для возвращенія по принадлежности. Я напишу ей мое мнѣніе въ отвѣтъ на ея письмо, и давно бы это сдѣлалъ, но я не зналъ ея имени и отчества, а по французски я писать не хотѣлъ. Это я все сдѣлаю въ первый же день моего пріѣзда.

И такъ до свиданія, заочно жму Вамъ руки.

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ.

114.

Милая Графиня,

Горлу моему лучше, но я не знаю, буду ли я въ состояніи быть у Васъ сегодня вечеромъ, и пишу Вамъ для того, чтобы предувѣдомить Васъ, что (если Вы позволите) я завтра около 12 часовъ привезу Вамъ моего пріятеля *Пинто*, здѣшняго лектора Италіянскаго языка при Университетѣ. Это человѣкъ *отличнѣйшій* въ полномъ смыслѣ слова, loyal et sûr au suprême degré, а между тѣмъ онъ здѣсь почти бѣдствуетъ. Я удивляюсь, какъ я его не привезъ Вамъ въ прошломъ году. Онъ желалъ бы имѣть хотя немного уроковъ, или какое-нибудь мѣстечко въ добавку къ его университетскому мѣсту, чтобы существовать. Повторяю, это превосходный, рѣдкій человѣкъ.

До свиданія, можетъ быть, сегодня. Если Вамъ назначенный часъ не приходится, назначьте другой.

Вашъ
Ив. Тургеневъ.

115.

Chère comtesse, vous êtes la bonté même, et je vous remercie beaucoup. Quant à la lettre au C-te Ch., attendez à ce soir,—je vous verrai, et nous en parlerons.

Mille bonnes choses pour le soir du 5 Septembre

Votre bien devoué
I. Tourguéneff.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1-е письмо.

Первое письмо Тургеневъ написалъ графинѣ Ламбертъ 9-го мая 1856 года изъ села Спасскаго. Въ письмѣ онъ сообщаетъ, что пріѣхалъ въ Спасское «третьяго дня», т.-е. 7-го мая. Этимъ сообщеніемъ самого Тургенева исправляется хронологія Н. М. Гутьяръ, который полагаетъ, что Тургеневъ пріѣхалъ въ Спасское 9-го мая. См. «Хронологическая канва для біографіи И. С. Тургенева», стр. 30 въ «Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ», томъ 87, СПБ., 1910.

«Вашей книги я еще не начиналъ». Въ четвертомъ письмѣ Тургеневъ назвалъ автора той книги, которую предложила ему для прочтенія графиня Ламбертъ. Онъ писалъ ей: «Я такъ-таки до сихъ поръ Де-Жерандо не прочелъ». Какая же была эта книга? Въ русскомъ переводѣ издана была единственная изъ книгъ этого автора, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Нормальный курсъ для первоначальныхъ наставниковъ, или руководство къ физическому, нравственному и умственному воспитанію въ первоначальныхъ школахъ. Сочиненіе Барона Дежерандо. СПБ. 1838». Сочиненіе это переведено было А. Худяковымъ и переводъ посвященъ С. С. Уварову, котораго, по словамъ посвященія, «неусыпныя попеченія о современномъ ходѣ просвѣщенія въ любезномъ Отечествѣ нашемъ увѣнчаны уже желаемымъ успѣхомъ и подаютъ несомнѣнную надежду на обильнѣйшіе плоды въ великомъ дѣлѣ распространенія истинной, всеобщей образованности». Вопросы народнаго просвѣщенія, которыхъ касается эта книга, были весьма близки нашему образованному обществу эпохи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Эти вопросы занимали и графиню Ламбертъ и Тургенева и были предметомъ переписки между ними, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ писемъ Тургенева.

«...исключая одной графини Толстой, сестры литератора...» Въ этихъ словахъ Тургеневъ говоритъ о сестрѣ графа Льва Николае-

вича Толстого, графинѣ Маріи Николаевнѣ. О ней онъ писалъ 29 октября 1854 года Е. Я. Колбасину изъ Спасскаго: «Я здѣсь познакомился съ его (графа Л. Н. Толстого) сестрой (она тоже за графомъ Толстымъ). Премилая, симпатичная женщина». (См. «Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. 1840—1883 гг. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. СПБ. 1885». 9 стр.)

По свидѣтельству П. В. Анненкова, «сестру гр. Толстого, по мужу тоже Толстую, Тургеневъ называлъ умной, понимающей все кругомъ себя и обнаруживающей свое пониманіе только при случаѣ». (См. «Литературныя воспоминанія. П. В. Анненковъ. СПБ. 1909». 496 стр.)

Въ письмѣ къ П. Віардо отъ 25 іюня 1858 года Тургеневъ говоритъ о графинѣ М. Н. Толстой и ея братьяхъ: «Я провелъ очень пріятно три дня у своихъ друзей: двухъ братьевъ и сестры, прекрасной, но очень несчастной женщины. Она принуждена была разойтись съ мужемъ, своего рода деревенскимъ Генрихомъ VIII, очень отвратительнымъ; у нея трое дѣтей, которыя ростутъ хорошо, особенно съ тѣхъ поръ, какъ съ ними нѣтъ отца. Онъ обращался съ ними слишкомъ сурово: ему доставляло удовольствіе воспитывать ихъ по-спартански, а самому вести какъ разъ противоположный образъ жизни... Она довольно хорошая музыкантша; мы играли Бетховена, Моцарта и т. д.» («И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма къ г-жѣ Віардо и его французскимъ друзьямъ». М. 1900. 121—122 стр.)

«Здѣсь живетъ мой дядя»... Дядя И. С. Тургенева, Петръ Николаевичъ Тургеневъ, проживалъ въ Москвѣ и былъ тоже помѣщикомъ Орловской губерніи. Получивъ разрѣшеніе выѣхать изъ Спасскаго и въѣзжать въ столицы, И. С. Тургеневъ 23 ноября 1853 года писалъ изъ Спасскаго своему дядѣ: «Вслѣдствіе этого, прошу тебя, если тебѣ возможно, пріѣхать сюда какъ можно скорѣе, чтобы переговорить со мной и взять на руки дѣла». Приблизительно около этого времени, надо полагать, П. Н. Тургеневъ переселился со всею своею семьею въ Спасское и вступилъ въ управленіе имѣніемъ своего племянника. (Письма И. С. Тургенева къ дядѣ П. Н. Тургеневу, а равно и другія его письма, цитуются по вышеуказанному «Первому собранію писемъ И. С. Тургенева». См. такъ-же Н. М. Гутьяръ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Юрьевъ. 1907. 135 стр.)

Первое письмо адресовано въ Ревель, потому что графиня Ламбертъ, постоянная жительница Петербурга, иногда отъѣзжала на Балтійское побережье отдохнуть и полечиться, какъ это видно изъ второго и послѣдующихъ писемъ Тургенева.

Веригина была пріятельницей графини Ламбертъ, какъ называетъ ее Тургеневъ въ шестомъ письмѣ.

2-е письмо.

«...изъ вашей книги болѣе 30 страницъ до сихъ поръ не прочелъ». Здѣсь разумѣется вышеуказанная книга Дежерандо.

Искусство, Наука и Религія написаны самимъ Тургеневымъ съ большой (прописной) буквы.

Тургеневъ пишетъ графинѣ, что паспортъ для поѣздки заграницу выданъ ему. А между тѣмъ черезъ нѣсколько дней, 16-го іюня, онъ писалъ Д. А. Колбасину: «паспортъ прошу взять къ 10-му іюля, чтобы 21-го мнѣ уѣхать безпрепятственно». Очевидно, въ письмѣ къ графинѣ Тургеневъ разумѣлъ разрѣшеніе на полученіе паспорта. Объ этомъ разрѣшеніи онъ хлопоталъ зимою въ Петербургѣ, и въ этихъ хлопотахъ помогала ему и графиня. Однако, объ этомъ Тургеневъ не обмолвился ни однимъ словомъ во второмъ письмѣ. Очевидно, и благодарность въ первомъ письмѣ была прежде всего удобнымъ поводомъ для начала переписки съ графиней.

«Видно такова моя судьба». По поводу этого заявленія Тургенева и жалобы его на судьбу, необходимо припомнить свидѣтельство П. В. Анненкова, который говоритъ: «Мы уже привыкли къ жалобамъ Тургенева на ожидающую его судьбу, которая никогда не приходила». (См. «Литературныя воспоминанія», 497 стр.)

3-е письмо.

20-го іюля 1856 года Тургеневъ писалъ графинѣ Ламбертъ: «Я ѣду *завтра* за границу».

Въ этотъ же день, 20-го іюля, онъ писалъ А. В. Дружинину: «*Наканунѣ* моего отъѣзда за границу хочется написать вамъ два слова».

И «завтра» и «наканунѣ» точно указываютъ на 21-е іюля, какъ на день отъѣзда Тургенева за границу. Это же число намѣчено было имъ для отъѣзда еще 16-го іюня, когда онъ писалъ вышеуказанное письмо Колбасину.

А между тѣмъ П. В. Анненковъ очень опредѣленно говоритъ: «Тургеневъ въ августѣ 1856 года выѣхалъ въ Парижъ». (См. «Литературныя воспоминанія», 493 стр.)

Чтобы разобраться въ этомъ кажущемся противорѣчіи, необходимо обратиться къ письму Тургенева, которое онъ написалъ Д. Я. Колбасину и которое напечатано въ «Первомъ собраніи писемъ» подъ нумеромъ 13-мъ, на 22—23 стр.

Въ этомъ письмѣ, написанномъ изъ Спасскаго, Тургеневъ сообщаетъ: «Я самъ *отсюда* выѣзжаю на другой день Успенья, т.-е. 16-го числа». Такъ какъ Успенье празднуется 15-го августа, то слѣдовательно и день предположеннаго Тургеневымъ отъѣзда 16-го числа приходился въ августѣ же мѣсяцѣ, и такимъ образомъ, показаніе этого письма подтверждаетъ извѣстіе Анненкова объ отъѣздѣ Тургенева въ августѣ.

Необходимо теперь обратить вниманіе на показаніе Тургенева о томъ мѣстѣ, изъ котораго онъ выѣхалъ въ августѣ за границу. Въ письмѣ къ Колбасину онъ говоритъ: «Я самъ *отсюда* выѣзжаю на другой день Успенья». Письмо писано изъ Спасскаго, слѣдовательно и отъѣздъ въ августѣ послѣдовалъ изъ Спасскаго, и такимъ образомъ устраняется противорѣчіе съ письмами Тургенева къ графинѣ Ламбертъ и къ А. В. Дружинину, такъ какъ въ этихъ письмахъ Тургеневъ говорилъ о днѣ своего отъѣзда изъ Петербурга передъ поѣздкой за границу.

Очевидно, выѣхавши изъ Петербурга 21 іюля 1856 года, Тургеневъ отправился не прямо за границу, а заѣхалъ предварительно въ свое имѣніе Спасское, откуда и написалъ письмо Колбасину передъ окончательнымъ выѣздомъ за границу.

Необходимо исправить хронологію этого письма. Самимъ Тургеневымъ оно не датировано, а издатели «Перваго собранія писемъ» датировали его предположительно: «вѣроятно въ половинѣ іюля». Къ сожалѣнію, они не обратили вниманія на одно, очень точное показаніе самого Тургенева въ этомъ письмѣ, и это показаніе заставляетъ перенести дату написанія этого письма изъ іюля въ августъ мѣсяцъ и пріурочить написаніе письма къ той недѣлѣ, которая приходится между Преображеніемъ и Успеніемъ.

Тургеневъ сообщаетъ Колбасину: «Вся Спасская дворня предавалась *по случаю праздника* пьянству, мрачному и остервенѣлому».

Въ селѣ *Спасскомъ* праздникъ приходился, конечно, на *Спасовъ* день, т.-е. на день Преображенія, которое празднуется 6-го августа.

Обычно праздники въ деревнѣ продолжаются три дня. А такъ какъ о праздникѣ Тургеневъ говоритъ въ прошедшемъ времени, то слѣдовательно можно полагать, что свое письмо онъ писалъ Колбасину между 8 и 15 числами августа и скорѣе въ число, ближайшее къ 8-му, а не къ 15-му августа, такъ какъ послѣ отсылки письма къ Колбасину, Тургеневъ намѣревался еще «дня три поѣздить по окрестностямъ», «съ охотой», вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ Николаевичемъ Толстымъ, о чемъ и писалъ Колбасину въ этомъ же письмѣ: «А сегодня вечеромъ жду къ себѣ графа Ник. Ник. съ охотой. Мы дня три намѣрены поѣздить по окрестностямъ».

4-е письмо.

«Послѣднее письмо было послано мною къ Вамъ въ Ревель, въ началѣ августа, за два дня до моего отъѣзда за границу». Послѣднее 3-е письмо къ графинѣ помѣчено самимъ Тургеневымъ 20-мъ числомъ іюля. Посылалъ ли Тургеневъ еще письмо въ августѣ, или онъ въ четвертомъ письмѣ ведетъ счетъ по новому стилю, да и то по памяти, или іюльское письмо онъ черезъ годъ ошибочно называетъ августовскимъ,—разобраться трудно въ этихъ неясностяхъ.

«...У меня есть дочь...» Здѣсь Тургеневъ говоритъ о своей дочери Пелагеѣ. Она родилась 26 апрѣля 1842 года. Матерью ея была вольно-

наемная бѣлошвейка въ домѣ матери Тургенева, Евдокія Ермолаевна Иванова, или Авдотья Ермолавна, какъ называли ее. Маленькая Пелагея, вскорѣ послѣ рожденія, была взята у матери, оставшейся въ Москвѣ, и привезена въ Спасское. Въ Спасскомъ ее сдали на руки одной изъ крѣпостныхъ прачекъ. Когда въ 1850 году Тургеневъ вернулся изъ-за границы и узналъ о жалкомъ положеніи дочери, онъ сообщилъ всѣ подробности П. Віардо. Віардо предложила взять дѣвочку къ себѣ въ домъ для воспитанія вмѣстѣ съ ея собственными дѣтьми. Въ томъ же 1850 году, восьмилѣтняя Пелагея переѣхала въ Парижъ и поселилась въ комфортабельной обстановкѣ французской семьи. Около шести лѣтъ послѣ этого Тургеневъ не видѣлъ дочери, и только въ 1856 году, когда онъ снова пріѣхалъ за границу, онъ встрѣтилъ ее уже четырнадцатилѣтней барышней, которую называли: «M-lle Pauline». Изъ Парижа, 16 ноября 1856 года, Тургеневъ писалъ графу Л. Н. Толстому: «Меня удерживаетъ здѣсь старинная, неразрывная связь съ однимъ семействомъ и моя дочка, которая мнѣ очень нравится: милая и умная дѣвушка». (См. «Н. М. Гутьяръ. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Юрьевъ, 1907. 117—129 стр.)

Почти то же самое пишетъ Тургеневъ и графинѣ Ламбертъ въ настоящемъ четвертомъ письмѣ. Въ дальнѣйшихъ письмахъ Тургеневъ не перестаетъ сообщать графинѣ Ламбертъ о своей дочери и ея судьбѣ.

Какъ видно изъ писемъ Тургенева къ Анненкову, посредничество Анненкова при передачѣ писемъ графинѣ Ламбертъ было лишь благовиднымъ предлогомъ для знакомства Анненкова съ графиней, котораго такъ желалъ Тургеневъ. Объ этомъ сказано въ предисловіи.

«Я не велѣлъ доставить Вамъ экземпляръ недавно собранныхъ моихъ повѣстей». Здѣсь разумѣется изданіе сочиненій И. С. Тургенева, вышедшее въ С.-Петербургѣ, при участіи П. В. Анненкова, въ трехъ томахъ, въ 1856 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, и озаглавленное: «Повѣсти и разсказы И. С. Тургенева». Въ это изданіе не вошли «Записки Охотника», изданныя въ 1852 году, такъ какъ къ 1856 году это изданіе еще не разошлось. (См. «Литературныя воспоминанія», П. В. Анненкова, 497 стр.; «Полное собраніе сочиненій, И. С. Тургенева. Томъ I. Посмертное изданіе. СПБ. 1883». III стр. Предисловія; «Н. М. Гутьяръ. Хронологическая канва для біографіи И. С. Тургенева», 32 стр.; «Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева», 36—37 стр.)

«...Напишите мнѣ... о Вашемъ сынѣ». У графа и графини Ламбертъ былъ сынъ, графъ Яковъ Іосифовичъ, товарищъ дѣтства и участникъ въ играхъ Великихъ Князей—сыновей Цесаревича Александра Николаевича. Одинъ несчастный случай, когда графу Якову причинено было гуттаперчевымъ мячомъ поврежденіе на лицѣ, заставилъ его удалиться изъ рядовъ сверстниковъ, а потомъ онъ и скончался. Его кончина была безысходнымъ горемъ для родителей.

5-е письмо.

Даты пятаго письма подтверждаютъ «Хронологическую канву для біографіи И. С. Тургенева» въ предѣлахъ іюля и августа мѣсяцевъ 1857 года.

25-го іюля новаго стиля Тургеневъ извѣщаетъ графиню Ламбертъ, что онъ пріѣхалъ въ Зинцигъ «три недѣли тому назадъ», или въ «началѣ іюля», какъ указано въ «Хронологической канвѣ».

17-го іюля Тургеневъ писалъ парижскому книгопродавцу Dentu, что черезъ 6 или 7 дней онъ проѣдетъ изъ Зинцига черезъ Парижъ на морскія купанья. Повидимому, это случилось гораздо позже. По крайней мѣрѣ Тургеневъ самъ 7-го августа писалъ графинѣ Ламбертъ изъ Булони, что онъ пріѣхалъ въ Булонь «два дня тому назадъ для того, чтобы брать морскія ванны». Если принять во вниманіе, что 21-го августа онъ былъ уже въ Парижѣ, то придется отвести на долю пребыванія въ Булони «для морскихъ купаній» только двѣ недѣли. (См. «Хронологическая канва», 33—34 стр.)

6-е письмо.

«Одинъ мой хорошій пріятель отправлялся въ Римъ». Это былъ В. П. Боткинъ. Еще 16-го сентября 1857 года изъ Куртавнеля Тургеневъ писалъ Е. Я. Колбасину: «вмѣсто того, чтобы возвратиться

въ Россію—я съ Боткинымъ ѣду въ Римъ, гдѣ проживу зиму и только на весну вернусь на родину». 23 сентября (5-го октября) Тургеневъ писалъ П. В. Анненкову: «Я сперва изумился предложенію (В. П. Боткина), потомъ ухватился за него съ жадностью, а теперь и я во снѣ каждую ночь вижу себя въ Римѣ». («Литературныя воспоминанія», 494 стр.)

«Мнѣ скоро сорокъ лѣтъ». Родился И. С. Тургеневъ 28 октября 1818 года. («Хронологическая канва», 1 стр.)

Тургеневъ пишетъ о художникѣ А. А. Ивановѣ и его картинѣ: «Явленіе Христа народу». Картина эта хранится въ Императорскомъ Московскомъ и Румянцовскомъ музеѣ. За три дня передъ этимъ письмомъ, Тургеневъ изъ Рима же писалъ П. В. Анненкову: «Познакомился я здѣсь съ живописцемъ Ивановымъ и видѣлъ его картину. По глубинѣ мысли, по силѣ выраженія, по правдѣ и честной строгости исполненія, вещь первоклассная. Не даромъ онъ положилъ въ нее 25 лѣтъ своей жизни. Но есть и недостатки. Колоритъ вообще сухъ и рѣзокъ, нѣтъ единства, нѣтъ воздуха на первомъ планѣ (пейзажъ въ отдаленіи удивительный), все какъ-то пестро и жолто». («Литературныя воспоминанія», 495 стр.)

Послѣ кончины Иванова въ слѣдующемъ году отъ холеры въ Петербургѣ, Тургеневъ 21 іюля 1858 года писалъ П. Віардо о немъ: «Бѣдный человѣкъ! Послѣ двадцатипятилѣтней работы, послѣ лишеній, нищеты, добровольнаго затворничества,—въ ту минуту, когда его картина была, наконецъ, выставлена, и прежде чѣмъ онъ успѣлъ получить какую-нибудь награду и убѣдиться въ успѣхѣ своего произведенія, которому посвятилъ всю свою жизнь,—смерть, смерть внезапная, какъ апоплексическій ударъ, но болѣе ужасная, такъ какъ она начинается не съ головы, похищаетъ его! Дрянная газетная статья, полная оскорбленій, разныя оттяжки, разсчитанное пренебреженіе,—вотъ все, что дала ему родина за короткое время между его возвращеніемъ и смертью. Что касается его картины, то она безъ сомнѣнія принадлежитъ къ той эпохѣ искусства, въ которую мы вступили уже болѣе вѣка тому назадъ, и которая есть—нужно же въ этомъ сознаться—эпоха упадка. Это уже не простая и чистая живопись, это философія, поэзія, исторія, религія. Въ картинѣ есть плачевные недостатки, но тѣмъ не менѣе, это великая вещь, серьезное

и возвышенное произведеніе, и надо желать, чтобы оно имѣло вліяніе въ Россіи, хотя бы только для того, чтобы создать реакцію противъ школы Брюлова» (представителя академическаго искусства). (См. «Письма И. С. Тургенева къ П. Віардо», 123 стр.)

«А что дѣлается у насъ въ Россіи?»—Въ разъясненіе этого вопроса Тургенева можно указать на его собственную характеристику положенія въ Россіи именно въ это самое время, осенью и зимой 1857—1858 гг. Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ этого письма къ графинѣ Ламбертъ, Тургеневъ 26 декабря 1857 года писалъ А. И. Герцену: «въ Россіи готовятся весьма серьезныя вещи. 2 рескрипта и 3-й о томъ же Игнатьеву произвели въ нашемъ дворянствѣ тревогу неслыханную. Подъ наружной готовностью скрывается самое тупое упорство, и страхъ, и скаредная скупость. Но уже теперь назадъ пойти нельзя—le vin est tiré—il faut le boire». Упоминаемые въ этомъ письмѣ рескрипты были рескриптами 20 и 24 ноября и 8 декабря 1857 года, данными Виленскому генералъ-губернатору Назимову и Петербургскому Игнатьеву. Этими рескриптами и открывались работы по крестьянской реформѣ.

«...пока не устрою моихъ отношеній къ крестьянамъ...» Въ дальнѣйшихъ письмахъ къ графинѣ Ламбертъ Тургеневъ подробно излагаетъ свои заботы о крестьянахъ и разсказываетъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ нему. А предварительно можно привести небольшой отрывокъ изъ письма Тургенева къ П. Віардо, который объяснитъ, въ чемъ Тургеневъ видѣлъ «устройство» своихъ отношеній къ крестьянамъ. 30 іюля 1858 года, изъ Спасскаго, Тургеневъ писалъ Віардо: «я занимаюсь» вмѣстѣ съ дядей, упорядоченіемъ своихъ отношеній къ крестьянамъ: начиная съ осени они всѣ будутъ переведены на *оброкъ*, т.-е. я уступлю имъ половину своей земли за извѣстную годовую плату, а для воздѣлыванія своей земли стану рабочихъ нанимать. Это будетъ переходное состояніе, въ ожиданіи рѣшенія комитетовъ; а пока еще нельзя сдѣлать ничего окончательнаго». Тургеневъ полагалъ, что такое устройство крестьянъ сдѣлаетъ его землевладѣльцемъ, и онъ послѣ этого перестанетъ быть помѣщикомъ и барином.

Необходимо отмѣтить, что прилагательное Русскій Тургеневъ всегда писалъ съ прописной, большой буквы; глаголъ «цѣловать» онъ неизмѣнно писалъ «цаловать».

7-е письмо.

«Я пользовался расположеніемъ двухъ, трехъ прекрасныхъ женскихъ душъ». Тургеневъ самъ не очень точно припоминаетъ число «прекрасныхъ женскихъ душъ», расположеніемъ которыхъ онъ пользовался. Кого именно онъ разумѣетъ въ этомъ числѣ «двухъ, трехъ», не очень точно указываетъ и профессоръ И. И. Ивановъ: «И. С. Тургеневъ. Жизнь, личность, творчество» (СПБ. 1896. 51—91 стр.).

«...передъ этой поѣздкой, которая такъ была для меня несчастлива». Въ этихъ словахъ Тургенева слышится отзвукъ болѣзни и того меланхолическаго настроенія, о которомъ подробно разсказываетъ П. В. Анненковъ. Анненковъ получилъ отъ Тургенева изъ Рима два письма и, по его словамъ, «оба письма изъ Италіи, несмотря на живое описаніе красотъ Рима и сочувственное отношеніе къ вѣковѣчному городу, носили еще на себѣ меланхолическій оттѣнокъ, въ предчувствіи приближающейся къ автору болѣзни; но никто изъ знавшихъ о письмѣ не обратилъ на это никакого вниманія. Мы уже привыкли къ жалобамъ Тургенева на ожидающую его судьбу, которая никогда не приходила. Впослѣдствіи это разъяснилось больше. Уже съ 1857 года Тургеневъ сталъ думать о смерти и развивалъ эту думу въ теченіе 26 лѣтъ, до 1883 года, когда смерть дѣйствительно пришла, оставаясь самъ все время, съ малыми перерывами, совершенно бодрымъ и здоровымъ. Болѣзнь, на которую онъ преимущественно жаловался—стѣсненіе въ нижней части живота, онъ принималъ за каменную, которая свела въ гробъ и отца его. Съ теченіемъ времени она миновала окончательно, не оставивъ послѣ себя и слѣда. Затѣмъ—кромѣ бронхитовъ и простудныхъ воспаленій горла—наступила эпоха ужасовъ передъ холерой, когда онъ не пропускалъ почти ни одной значительной аптеки въ Москвѣ, Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ, чтобы не потребовать у нихъ желудочныхъ капель и укрѣпляющихъ лепешекъ. Случалось, что при разстройствѣ пищеваренія онъ ложился въ постель и объявлялъ себя потеряннымъ человѣкомъ: достаточно было нѣсколько ободрительныхъ словъ врача, чтобъ поднять его опять на ноги. По дѣйствію неустанно работавшаго воображенія, ему мерещились исключительныя бѣдствія—онъ считалъ себя то укушеннымъ бѣшенной собакой, то отравленнымъ, и самъ смѣялся надъ собой, когда припадокъ его проходилъ, оставляя ему въ наслѣдство нѣкото-

рую жизненную робость. Много разъ мы видѣли его изнемогающимъ подъ мучительными припадками подагры, которой онъ былъ подверженъ, и долго думали, что это единственная серьезная болѣзнь его». (См. «Литературныя воспоминанія», 497 стр.)

Впрочемъ, въ Римѣ болѣзнь посѣтила Тургенева и даже повторилась, хотя онъ и надѣялся избѣжать ея. «Я надѣюсь,—писалъ онъ Анненкову 5 октября (23 сентября) 1857 года,—что болѣзнь моя не схватитъ опять меня за шиворотъ; въ такомъ случаѣ я, разумѣется, буду молчать, но я надѣюсь, что она не придетъ снова». (Ibid., 494 стр.)

Однако 1 (13) декабря 1857 года Тургеневъ уже писалъ Анненкову: «Какъ же мнѣ не пенять на судьбу, наградившую меня такимъ мерзкимъ недугомъ, что по милости его я превращаюсь въ Вѣчнаго Жида. Вы изъ одного слова поймете мое горе: послѣ двухмѣсячной борьбы я съ сокрушеннымъ сердцемъ принужденъ оставить милый Римъ и ѣхать чортъ знаетъ куда—въ поганую Вѣну совѣтоваться съ Зигмундомъ. Здѣшній климатъ развилъ мою невралгію до невѣроятности, и докторъ меня самъ отсюда прогоняетъ.—Ну, скажите, не горько это? Не гадко? Я всячески оттягиваю и откладываю день отъѣзда, но больше мѣсяца отъ нынѣшняго числа я не проживу здѣсь. Вѣдь надобно же, чтобы ко мнѣ привязалась такая небывалая болѣзнь». (Ibid., 499 стр.)

«Ася» была напечатана въ I книгѣ «Современника» за 1858 годъ.

«Я теперь занятъ другою, большою повѣстью». Тургеневъ собирался,—меньше, чѣмъ черезъ годъ,—прочесть ее графинѣ съ тѣмъ, чтобы выслушать отъ нея «очень много дѣльнаго и полезнаго». Черезъ годъ, вернувшись въ Петербургъ и захворавъ въ немъ, Тургеневъ уже потерялъ надежду прочесть новую повѣсть свою графинѣ и еще до печати выслушать ея судъ и ея мнѣніе. По крайней мѣрѣ, онъ еще надѣялся въ корректурѣ прочесть повѣсть графинѣ, и все-таки произвести, по указанію графини, перемѣны въ ней, въ случаѣ надобности. Эта новая «повѣсть» Тургенева было «Дворянское гнѣздо», романъ, напечатанный въ I книгѣ «Современника» за 1859 годъ и въ этомъ же году вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ.

8-е письмо.

Восьмое письмо не датировано Тургеневымъ, и его можно приблизительно ввести въ хронологію.

Въ письмѣ Тургеневъ говоритъ о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ и о томъ, что онъ заболѣлъ по пріѣздѣ. Когда же онъ пріѣхалъ въ Петербургъ?

Въ 1858 году Тургеневъ два раза былъ въ Петербургѣ.

Въ первый разъ онъ пріѣхалъ въ началѣ іюня, но пробылъ здѣсь очень недолго и въ серединѣ этого мѣсяца былъ уже въ Спасскомъ.

Во второй разъ Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1858 году осенью. П. В. Анненковъ говоритъ, что онъ самъ вернулся въ Петербургъ изъ-за границы въ августѣ мѣсяцѣ: «Тургеневъ явился туда же почти вслѣдъ за мной». По показанію «Хронологической канвы», Тургеневъ 9-го ноября прибылъ въ Петербургъ, гдѣ и прожилъ цѣлую зиму.

Изъ этихъ двухъ, не совсѣмъ согласныхъ показаній, съ несомнѣнностью можно допустить только то, что осенью 1858 года Тургеневъ вторично въ этомъ году пріѣхалъ въ Петербургъ.

Къ осени 1858 года, ко времени вторичнаго пріѣзда Тургенева въ Петербургъ, и относятся оба его не датированныя письма, восьмое и девятое. А что эти письма, несомнѣнно слѣдовавшія одно за другимъ и излагавшія подробности болѣзни Тургенева, относятся ко времени вторичнаго, а не перваго пріѣзда Тургенева въ Петербургъ,— это ясно изъ содержанія письма 9-го. Тургеневъ въ этомъ письмѣ высказываетъ сожалѣніе, что не могъ прочесть свою новую повѣсть до печати, до набора ея въ типографіи, и надѣется привезти ее графинѣ въ корректурныхъ листахъ. Это обстоятельство—наборъ повѣсти Тургенева возможенъ и въ дѣйствительности былъ только въ концѣ 1858 года, такъ какъ во время перваго пріѣзда Тургенева въ Петербургъ новая повѣсть его еще не была закончена, и выѣхавши изъ Петербурга и поселившись въ Спасскомъ, Тургеневъ еще продолжалъ работать надъ нею. 30 іюля 1858 года онъ писалъ Віардо изъ Спасскаго: «Вотъ что дѣлалъ въ продолженіе прошедшихъ девяти дней: я много работалъ надъ романомъ, который началъ, и надѣюсь кончить его къ началу зимы».

Хотя въ примѣчаніи къ письму Тургенева къ Віардо отъ 30 іюля 1858 года этотъ романъ и названъ «Наканунѣ», но это ошибка редак-

тора этого изданія писемъ. Въ дѣйствительности, это былъ романъ «Дворянское гнѣздо», а «Наканунѣ» въ это время Тургеневъ еще и въ мысляхъ не имѣлъ, такъ какъ сталъ обдумывать сюжетъ этого романа не раньше марта 1859 года, какъ онъ писалъ объ этомъ Віардо въ письмѣ отъ 31 марта 1859 года.

(См. «Хронологическая канва», 36—37 стр.; «Литературныя воспоминанія», П. В. Анненковъ, 506 стр.; «Письма И. С. Тургенева къ Віардо», 123—124 стр.)

Адресъ Тургенева въ Петербургѣ (Б. Конюшенная, д. Вебера) Анненковъ обозначаетъ точно такъ же (см. «Литературныя воспоминанія», 506 стр.).

9-е письмо.

Время написанія девятаго письма выясняется изъ сопоставленія содержанія этого письма съ содержаніемъ восьмого, и, на основаніи соображеній, приведенныхъ въ примѣчаніи къ восьмому письму, должно быть отнесено ко времени вторичнаго пріѣзда Тургенева въ Петербургъ въ 1858 году.

«Анненковъ... прочелъ мою повѣсть».

Тургеневъ говоритъ о чтеніи его новаго романа «Дворянское гнѣздо», которое онъ устроилъ у себя для своихъ «литературныхъ собратьевъ». Объ этомъ вечерѣ и чтеніи у Тургенева П. В. Анненковъ разсказываетъ: «Въ одинъ зимній вечеръ 1858 года Тургеневъ пригласилъ Некрасова, Дружинина и нѣсколькихъ литераторовъ въ свою квартиру съ намѣреніемъ познакомить ихъ съ новымъ своимъ произведеніемъ. Самъ онъ читать не могъ, наживъ себѣ сильнѣйшій бронхитъ и получивъ предписаніе отъ врача своего, доктора Шипулинскаго, не только не читать ничего для публики, но даже и не разговаривать съ пріятелями... Чтеніе романа поручено было мнѣ: оно заняло два вечера. Удовлетворенный всѣми отзывами о произведеніи и еще болѣе кой-какими критическими замѣчаніями, которыя тоже всѣ носили сочувственный и хвалебный оттѣнокъ, Тургеневъ

не могъ не видѣть, что репутація его, какъ общественнаго писателя, психолога и живописца нравовъ, устанавливается окончательно этимъ романомъ».

На этомъ чтеніи присутствовалъ и А. В. Никитенко, записавшій въ своемъ «Дневникѣ» слѣдующее: «28 (декабря). Суббота. Былъ у И. С. Тургенева. Онъ написалъ новый романъ совершенно въ художественномъ направленіи. Вотъ это хорошо! Пора перестать дѣлать изъ литературы только дѣловыя записки о казусныхъ происшествіяхъ и считать ее исключительно исправительнымъ бичемъ».

Такимъ образомъ, благодаря записи А. В. Никитенко, точно устанавливается время чтенія, именно: 28-го и 29-го числа декабря мѣсяца 1858 года, въ субботу и воскресенье.

Благодаря этой же записи Никитенко точно опредѣляется и число написанія письма къ графинѣ.

Тургеневъ самъ опредѣлилъ день написанія: «Понедѣльникъ вечеромъ», и въ послѣднихъ словахъ письма обѣщаетъ увидѣть графиню еще до Новаго Года. А такъ какъ между днемъ чтенія романа и днемъ Новаго Года въ декабрѣ 1858 года приходился только одинъ понедѣльникъ, который былъ 30-го декабря, то именно на это число и надо отнести день написанія девятаго письма.

(См. «Литературныя воспоминанія», 506—507 стр.; «Записки и Дневникъ» А. В. Никитенко, томъ второй, СПБ., 1893, 121 стр.; «Хронологическая канва», 37 стр.: необходимо исправить грубѣйшую опечатку на этой страницѣ подъ 28-мъ декабря, такъ какъ «Записки и Дневникъ» процитованы такъ: «I, 541». Эта ссылка безусловно ошибочна.)

«Я даже шептать не могу». Это показаніе Тургенева надо понимать въ буквальномъ смыслѣ. Анненковъ разсказываетъ объ этомъ именно періодѣ болѣзни Тургенева: «Присужденный къ безусловному молчанію, Тургеневъ завелъ аспидную доску и вступалъ, посредствомъ нея, въ бесѣду съ нами, иногда даже очень продолжительную, что съ нѣкоторымъ навыкомъ происходило довольно ловко и быстро». («Литературныя воспоминанія», 507 стр.)

10-е письмо.

Тургеневъ 27 марта 1859 года самъ пишетъ, что пріѣхалъ въ Спасское «вчера», т.-е. 26-го марта. И это показаніе Тургенева исправляетъ хронологію «Канвы» Н. М. Гутьяра, гдѣ подъ 26-мъ марта Тургеневъ значится еще гостящимъ въ Москвѣ, а пріѣздъ его въ Спасское обозначенъ подъ 28-мъ числомъ марта. (См. «Хронологическая канва», 38—39 стр.)

«Я теперь занятъ составленіемъ плана и т. д. для новой повѣсти». Здѣсь Тургеневъ разумѣетъ подготовительныя работы свои для новаго романа «Наканунѣ», о чемъ онъ сообщалъ и П. Віардо въ письмѣ отъ 31-го марта: «Je me trouve, à l'heure qu'it est, dans les douleurs de l'enfantement. J'ai un sujet de roman dans ma tête que je tourne et retourne sans cesse; mais jusqu' à présent l'enfant s'obstine à se présenter par les...» (См. «Ivan Tourgueneff. Lettres à Madame Viardot. Paris. 1907. 187 стр.)

«Я очень радъ, что я не поддался желанію пользоваться успѣхомъ моего романа». Тургеневъ разумѣетъ успѣхъ романа «Дворянское гнѣздо». Объ этомъ успѣхѣ вспоминаетъ П. В. Анненковъ: «Но что произошло, когда въ «Современникѣ» 1859 года явился романъ «Дворянское гнѣздо»? Многіе предсказывали автору его овацію со стороны публики, но никто не предвидѣлъ, до чего она разовьется». (См. «Литературныя воспоминанія», 507 стр.)

11-е письмо.

Въ «Хронологической канвѣ» неопредѣленно указывается на пріѣздъ Тургенева въ Петербургъ: «Апрѣля конецъ. Пріѣздъ Тургенева изъ деревни въ Петербургъ». На основаніи одиннадцатаго письма надо такъ расположить хронологію событій въ концѣ апрѣля:

21-го апрѣля. Тургеневъ въ Москвѣ.

24-го апрѣля. Пріѣздъ Тургенева въ Петербургъ.

(См. «Хронологическая канва», 39 стр.)

12-е письмо.

Переводъ: Дорогая Графиня, моя душа сирены, какъ Вамъ угодно назвать ее, явится въ сопровожденіи своего стараго тѣла къ княжнѣ Багратіонъ, и мы почитаемъ Пушкина, который дѣйствительно безсмертенъ.

Сердечно Вашъ

И. Т.

13-е письмо.

Переводъ: Тысячу благодарностей, дорогая Графиня, за всѣ свѣдѣнія, которыя Вы мнѣ даете, и которыми я воспользуюсь непремѣнно. Но какъ Вы можете думать, что я, не повидавши Васъ, уѣду отсюда? Я ничего не сдѣлалъ такого, чтобы заслужить подобную несправедливость. Я приду къ Вамъ завтра вечеромъ, если Вы будете дома.

Пока съ нѣжностью цѣлую Ваши руки и до свиданія.

Ив. Тургеневъ.

14-е письмо.

Точная дата четырнадцатаго письма, поставленная самимъ Тургеневымъ, и первыя строки самого письма очень опредѣленно устанавливаютъ послѣдовательность событій 30 апрѣля 1859 года въ біографіи Тургенева. Въ 6-мъ часу вечера этого дня Тургеневъ уже сидѣлъ на станціи Кресты, возлѣ Пскова, и писалъ письмо къ графинѣ Ламбертъ. Принявъ во вниманіе разстояніе отъ Петербурга до станціи Кресты (до Пскова 270 верстъ), необходимо признать, что Тургеневъ выѣхалъ изъ Петербурга утромъ въ этотъ день,

30-го апрѣля, и можетъ быть даже раннимъ утромъ, какъ было въ обычаѣ того времени начинать далекія путешествія.

Все это приходится установить, въ виду совершенно невѣрнаго изложенія событій этого дня въ «Хронологической канвѣ». Н. М. Гутьяръ, подъ 30-мъ числомъ апрѣля, записалъ: «Прощальный обѣдъ у Дюссо Тургеневу, отправляющемуся за границу», и дальше поставилъ тоже совершенно невѣрную ссылку: «Зап. и дневн. Никитенко. I. 564».

Во *второмъ* томѣ книги А. В. Никитенко: «Записки и Дневникъ», СПБ., 1893, на стр. 152, буквально, подъ 30-мъ апрѣля, записано: «Четвергъ. Обѣдалъ у Дюссо вмѣстѣ съ Гончаровымъ, Некрасовымъ, Панаевымъ, Ребиндеромъ и нѣкоторыми другими. Провожали Тургенева за границу». Буквальный смыслъ записаннаго Никитенкомъ не давалъ основанія Гутьяру полагать, что обѣдъ давался Тургеневу, «отправляющемуся» за границу. Среди участниковъ обѣда Никитенко не назвалъ Тургенева. О Тургеневѣ онъ точно сказалъ, что его въ этотъ день «провожали», но въ которомъ часу и до какого мѣста: до ресторана ли Дюссо, или до заставы, и утромъ ли, или въ обѣденный часъ,—объ этомъ Никитенко точно не записалъ въ своемъ «Дневникѣ», предоставивъ читателю «Дневника» считать утренніе проводы Тургенева только поводомъ для обѣда, въ тотъ же день, оставшихся въ Петербургѣ друзей Тургенева. Никитенко не далъ повода полагать, что самыя проводы состояли въ обѣдѣ и исчерпывались ресторанным обѣдомъ. Въ дѣйствительности, проводы происходили совсѣмъ отдѣльно и независимо отъ обѣда, за которымъ самого провожаемаго даже и не было совсѣмъ.

(См. «Хронологическая канва», 39 стр.; «Мѣсяцесловъ на 1858 г.», СПБ., 113 стр.)

Г-жа Марковичъ, о которой пишетъ Тургеневъ, была—Марія Александровна Марковичъ, Марко-Вовчокъ. Въ письмѣ къ Анненкову отъ 3 іюня 1860 года, Тургеневъ писалъ о ней изъ Парижа: «Здѣсь также и Марко-Вовчокъ. Это прекрасное, умное, честное и поэтическое существо, но зараженное страстью къ самоистребленію: просто такъ себя обрабатываетъ, что клочья летятъ!..» П. В. Анненковъ, по поводу этой части письма Тургенева, говоритъ: «Въ этомъ письмѣ останавливаютъ вниманіе оживленныя похвалы г-жѣ Марковичъ (Марко-Вовчку). Онъ былъ съ нею въ то время въ самыхъ

пріятельскихъ отношеніяхъ, и сдѣлалъ путешествіе съ нею и молодымъ ея сыномъ въ Берлинъ, въ почтовой бричкѣ, гдѣ они сидѣли втроемъ. Желѣзной дороги до Берлина тогда еще не существовало. Тургеневъ съ уморительнымъ юморомъ разсказывалъ потомъ, какъ рѣзвый мальчикъ сидѣлъ у него всю дорогу на рукахъ, на ногахъ и спалъ на шеѣ. Въ Парижѣ онъ помѣстилъ мальчика въ пансіонъ и неустанно покровительствовалъ его матери. Марко-Вовчокъ принадлежала къ кругу малороссовъ, съ поэтомъ Шевченкой во главѣ. Она была тогда въ апогеѣ своей славы за свои граціозныя и трогательныя повѣсти изъ крѣпостного быта—«Украинскіе народные разсказы», вышедшіе къ тому же времени (1860 г.) въ переводѣ Тургенева на русскій языкъ. Съ тѣхъ поръ завязались у нихъ тѣ задушевныя отношенія, свидѣтельствомъ которыхъ служитъ его переписка, и которыя длились до той минуты, когда Тургеневъ открылъ въ Маркѣ-Вовчкѣ наивную способность поглощать благодѣянія, какъ нѣчто ей должное, и требовать новыхъ, не обращая вниманія на свои права на нихъ... Тургеневъ мало-по-малу отвыкъ отъ нея, а подъ конецъ жизни и вовсе не вспоминалъ о ней». («Литературныя воспоминанія», 522—524 стр.)

15-е письмо.

Тургеневъ пишетъ 12 іюня 1859 года, что онъ «пятый день» уже въ Виши. Такимъ образомъ, пріѣздъ его въ Виши падаетъ на 7-е число іюня. Это подтверждается и данными «Хронологической канвы», гдѣ пріѣздъ въ Виши обозначенъ именно подъ 7-мъ числомъ іюня. («Хронологическая канва», 39 стр.)

Морскими купаньями графиня пользовалась на этотъ разъ въ Гапсалѣ, какъ видно изъ дальнѣйшаго содержанія письма, т.-е. на томъ же Балтійскомъ побережьѣ, гдѣ она бывала и раньше (см. Примѣчаніе къ 1-му письму).

Тургеневъ пишетъ, что онъ переживаетъ то настроеніе, которое находитъ на него передъ работой.

Какъ извѣстно изъ письма Тургенева къ Віардо отъ 31-го марта этого года, Тургеневъ еще въ мартѣ обдумывалъ сюжетъ новаго романа.

Изъ помѣты на черновой рукописи повѣсти «Наканунѣ» видно, что Тургеневъ началъ ее именно въ іюнѣ мѣсяцѣ, очень близко ко дню письма къ графинѣ Ламбертъ, именно 16-го іюня.

(См. «Хронологическая канва», 39 стр.; «Литературныя воспоминанія», 507 стр.).

Дочь Тургенева воспитывалась въ семьѣ Віардо, которую Тургеневъ называетъ «почтеннымъ семействомъ», «хорошимъ домомъ».

Графъ Карлъ Ламбертъ былъ родной братъ мужа графини, деверь ея; впослѣдствіи онъ былъ намѣстникомъ въ Варшавѣ.

16-е письмо.

«Я недавно возвратился изъ Виши», пишетъ Тургеневъ изъ Куртавнеля.

8-го іюля 1859 года Тургеневъ писалъ Е. Я. Колбасину:

«Благополучно въ деревню третьяго дня я пріѣхалъ

(Имя ей: Куртавнель)».

Такимъ образомъ, Тургеневъ пріѣхалъ въ Куртавнель 6-го іюля, и вскорѣ послѣ этого числа онъ написалъ письмо графинѣ Ламбертъ.

«Я теперь занятъ большою повѣстью».

16-го іюня Тургеневъ началъ повѣсть «Наканунѣ». 1-го августа онъ писалъ П. В. Анненкову: «...Работа подвигается. Надѣюсь къ половинѣ ноября привезти въ Москву изъ деревни романъ, который объемомъ будетъ больше «Дворян. гнѣзда». Каковъ онъ будетъ въ исполненіи—это вѣдаютъ одни боги. Я долженъ Вамъ сказать, что я такъ постоянно занятъ своимъ произведеніемъ—даже тогда, когда ничего не дѣлаю—что мнѣ почти нечего сообщать пріятелю,—я ничего не знаю и не вѣдаю». («Хронологическая канва», 39 стр.; «Литературныя воспоминанія», 511 стр.)

17-е письмо.

Княгиня Орлова—супруга нашего посланника въ Парижѣ.

Новый романъ—«Наканунѣ».

18-е письмо.

Тургеневъ собирался пріѣхать въ Спасское къ серединѣ сентября и писалъ Анненкову: «Я къ 14 (26) числу сентября, т.-е. къ Никитину дню, т.-е. къ храмовому празднику въ моей деревнѣ, т.-е. къ прилету вальдшнеповъ, буду, если останусь въ живыхъ, въ Спасскомъ». («Литературныя воспоминанія», 511 стр.)

«Засяду за работу»—за повѣсть «Наканунѣ».

19-е письмо.

Герштенцвейгъ Александръ Даниловичъ, въ это время дежурный генералъ Главнаго Штаба, а впослѣдствіи Варшавскій военный генералъ-губернаторъ.

20-е письмо.

«Я только со вчерашняго дня присѣлъ за работу, за окончаніе моего романа».

Въ началѣ октября 1859 года уже недалеко было окончаніе новой повѣсти Тургенева «Наканунѣ». Окончаніе ея онъ самъ помѣтилъ на черновой тетради подъ 25-мъ числомъ октября. (См. «Хронологическая канва», 40 стр.; «Литературныя воспоминанія», 507 стр.)

21-е письмо.

Какъ видно изъ содержанія письма, въ это время Тургеневъ «весьма прилежно» работалъ надъ созданіемъ, а можетъ-быть— окончательной отдѣлкой новой своей повѣсти «Наканунѣ».

22-е письмо.

Тургеневъ опять пишетъ о томъ, что онъ «усердно» работаетъ въ Спасскомъ. Надо замѣтить, что, кромѣ повѣсти «Наканунѣ», онъ въ это время занятъ былъ и другими литературными работами. Такъ, 5 октября 1859 года онъ писалъ изъ Спасскаго Н. А. Основскому: «Времени теперь у меня мало: я занятъ окончаніемъ моей повѣсти въ «Русскій Вѣстникъ». Надѣюсь привезти ее въ концѣ ноября, не позже. Объ ту же пору я привезу Вамъ давно обѣщанную мною статью, а можетъ, быть даже раньше ее вышлю».

(«Первое собраніе писемъ», 68 стр.)

23-е письмо.

«Моя повѣсть кончена». Въ примѣчаніи къ 20-му письму уже отмѣчено, что Тургеневъ окончилъ свою новую повѣсть «Наканунѣ» 25 октября 1859 года. Есть, впрочемъ, извѣстіе, которое заставляетъ различать два срока въ окончаніи повѣсти—предварительный и окончательный, послѣ совершенной обработки. 23-го октября 1859 года Тургеневъ писалъ П. В. Анненкову изъ Спасскаго: «Конченная повѣсть (названіе ей по секрету: «Наканунѣ») будетъ помѣщена въ «Русскомъ Вѣстникѣ». (См. «Литературныя воспоминанія», 515 стр.)

24-е письмо.

Изъ слѣдующаго, 25-го, письма будетъ видно, что намѣреніе Тургенева выѣхать изъ Спасскаго 14-го ноября не исполнилось.

25-е письмо.

Повторная болѣзнь Тургенева отсрочила его отъѣздъ изъ Спасскаго, но не надолго. Надобно сказать, что Тургеневъ еще при первомъ приступѣ ея предвидѣлъ необходимость задержаться въ Спасскомъ до двадцатыхъ чиселъ ноября. 23-го октября онъ писалъ П. В. Анненкову: «у меня та же самая болѣзнь, какъ въ прошломъ году: я нѣмъ, какъ рыба, и кашляю, какъ овца. Въ прошломъ году эта штука продолжалась 6 недѣль, а здѣсь и докторовъ нѣтъ... Я не теряю надежды хоть къ 20-му ноября быть въ Петербургѣ».

26-е письмо.

День написанія двадцать шестого письма точно не отмѣченъ Тургеневымъ. Изъ первыхъ словъ письма видно, что оно написано на второй день по пріѣздѣ Тургенева въ Петербургъ. Но когда, въ какой день или какого числа и мѣсяца Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ? Объ этомъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ и въ «Хронологической канвѣ». На основаніи ея свѣдѣній можно установить лишь предѣльныя числа, въ одно изъ которыхъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. 23-го ноября Тургеневъ былъ еще въ Москвѣ, а 28-го ноября онъ уже изъ Петербурга писалъ письмо Фету. Такимъ образомъ, день пріѣзда его въ Петербургъ приходился на одно изъ чиселъ между 23-мъ и 28-мъ числами ноября. На одно изъ этихъ же чиселъ приходилось и написаніе двадцать шестого письма.

Но вотъ вопросъ: къ какому году относится это письмо? Несомнѣнно, къ 1859-му. Въ доказательство можно указать на содержа-

ніе слѣдующаго письма, которое въ описаніи болѣзни Тургенева является продолженіемъ предыдущаго, и вслѣдствіе этого хронологическая послѣдовательность этихъ двухъ писемъ одного за другимъ не можетъ вызывать сомнѣнія. А въ письмѣ двадцать седьмомъ Тургеневъ обѣщаетъ привезти графинѣ свою повѣсть «Наканунѣ». Конечно, такое обѣщаніе Тургеневъ могъ дать только осенью 1859 года.

Сомнѣніе въ томъ, о какой именно повѣсти пишетъ Тургеневъ, исчезаетъ послѣ сопоставленія этого письма съ послѣдующими.

«Орфей»—это старинная опера Глюка, которая была возобновлена въ 1859 году и въ которой П. Віардо имѣла громадный успѣхъ. (Въ «Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона возобновленіе «Орфея» отнесено къ 1860-му году. См. десятый томъ, 883 стр.)

27-е письмо.

Тургеневъ, видимо, еще въ первые дни по пріѣздѣ въ Петербургъ, собирается лично привезти графинѣ Ламбертъ свою повѣсть «Наканунѣ».

28-е письмо.

Двадцать восьмое письмо написано черезъ два дня послѣ предыдущаго, въ понедѣльникъ, такъ какъ Тургеневъ собирается пріѣхать къ графинѣ Ламбертъ «завтра вечеромъ, во вторникъ».

Тургеневъ, какъ это видно изъ содержанія двадцать перваго письма, намѣревался посвятить графинѣ Ламбертъ именно повѣсть «Наканунѣ», если повѣсть понравится графинѣ. Но повѣсть, какъ извѣстно, графинѣ совсѣмъ не понравилась.

Тургеневъ, за все время своего пребыванія въ Петербургѣ, только одинъ разъ точно датировалъ свое письмо, именно—35-е письмо отъ 17-го декабря. Всѣ остальныя письма и записки, съ 26-го по

37-е письмо, онъ отмѣчалъ иногда днями недѣли, а иногда оставлялъ совершенно безъ всякой даты.

30-е письмо.

Тургеневъ ожидаетъ на завтра посѣщенія графини Ламбертъ. Весьма вѣроятно, что это было то посѣщеніе, о которомъ разсказываетъ П. В. Анненковъ. Разсказъ Анненкова приведенъ въ Предисловіи на III—IV стр.

33-е письмо.

«На меня возложена работа». Несомнѣнно, Тургеневъ говоритъ о подготовкѣ своей къ рѣчи, которую онъ 10 января 1860 года читалъ въ залѣ Пассажа въ пользу Литературнаго фонда, подъ заглавіемъ: «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ». А можетъ быть, онъ имѣетъ въ виду свои лекціи о Пушкинѣ, которыя онъ читалъ въ 1859 году передъ избраннымъ обществомъ. (См. «Хронологическая канва», 41 стр.)

38-е письмо.

Точность даты тридцать восьмого письма весьма цѣнна для біографіи Тургенева. Дѣло въ томъ, что въ «Первомъ собраніи писемъ И. С. Тургенева» пятьдесятъ второе письмо, И. И. Маслову, датировано 12-мъ числомъ января 1860 года. Тутъ или невѣрно прочитанъ автографъ Тургенева, или корректурная ошибка, а можетъ быть и ошибка самого Тургенева. (См. Примѣчаніе къ 41-му письму.) Однако, эта ошибочная дата повторена и въ «Хронологической канвѣ» (42 стр.).

Между тѣмъ въ самомъ письмѣ къ Маслову есть данныя, которыя позволяютъ исправить эту ошибку. Въ письмѣ Тургеневъ сообщаетъ

Маслову, что онъ отложилъ свой выѣздъ изъ Петербурга въ Москву «до завтра, т.-е. до четверга». Простая справка въ календарѣ за 1860 годъ говоритъ, что въ январѣ 1860 года середа приходилась на 13-е число, а четвергъ—на 14-е.

Такимъ образомъ, оба письма, и къ Маслову, и къ графинѣ Ламбертъ, написаны Тургеневымъ въ одинъ день, въ середу 13 января 1860 года.

39-е письмо.

«Повѣсть моя напечаталась»: «Наканунѣ» напечатано въ первой книгѣ «Русскаго Вѣстника» за 1860 годъ, вышедшей въ февралѣ. Къ корректурнымъ правкамъ именно этой повѣсти и относится замѣчаніе Тургенева: «корректура неготова», на которомъ прервалось это письмо.

«Я опять прочелъ свою статью». Тургеневъ въ Москвѣ повторилъ свою публичную рѣчь, читанную въ первый разъ 10-го января въ Петербургѣ. П. В. Анненковъ разсказываетъ: «Знаменитая, болѣе остроумная и блестящая, чѣмъ неотразимо-убѣдительная рѣчь Тургенева «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ», сказанная имъ въ январѣ 1860 года на вечерѣ Литературнаго Фонда, явилась, по обыкновенію, на страницахъ «Современника». Почти вслѣдъ за нею Тургеневъ еще побывалъ въ Москвѣ, повторивъ свою рѣчь тоже на вечерѣ Литературнаго Фонда». («Литературныя воспоминанія», 516 стр.)

40-е письмо.

Фетъ, А. А., поэтъ, и Борисовъ, И. П.—сосѣди по имѣніямъ и преданные друзья И. С. Тургенева.

Н. Н. Толстой—братъ графа Л. Н. Толстого.

И. И. Масловъ—управляющій удѣльной конторой въ Москвѣ, о которомъ Тургеневъ писалъ въ 39-мъ письмѣ.

41-е письмо.

«Вторникъ. 10-го февраля 1860 года». Здѣсь очевидная ошибка самого Тургенева. Вторникъ приходился въ 1860-мъ году не на 10-е, а на 9-е число февраля. Такимъ образомъ, возвращеніе Тургенева въ Петербургъ совершилось во вторникъ (что подтверждается и показаніями предыдущаго письма), 9-го февраля. «Хронологическая канва» (42 стр.), не указывая основаній, ошибочно относитъ возвращеніе Тургенева въ Петербургъ къ 8-му февраля.

Здекауеръ и Шипулинскій—петербургскіе доктора. Здекауеръ впослѣдствіи лейбъ-медикъ.

43-е письмо.

«Когда я писалъ къ Вамъ, вся моя комната была набита народомъ, и я спѣшилъ». Тургеневъ говоритъ здѣсь объ удивительной своей способности работать среди шума собесѣдниковъ. Анненковъ разсказываетъ: «Тургеневъ обладалъ способностью въ частыхъ и продолжительныхъ своихъ переѣздахъ обдумывать нити будущихъ разсказовъ такъ же точно, какъ создавать сцены и намѣчать подробности описаній, не прерывая горячихъ бесѣдъ кругомъ себя и часто участвуя въ нихъ весьма дѣятельно». («Литературныя воспоминанія», 506 стр.)

«Я одинъ въ этотъ послѣдній вечеръ карнавала». Если Тургеневъ говоритъ здѣсь о заговѣнахъ, о послѣднемъ днѣ Масляницы 1860 года, то по этому указанію можетъ быть точно установленъ день написанія письма.

Воскресенье на Масляницѣ 1860 года приходилось 14-го февраля, а съ 15-го февраля начинался уже Великій постъ.

Такимъ образомъ 43-е письмо написано Тургеневымъ въ воскресенье 14 февраля 1860 года.

44-е письмо.

«...Не въ ту повѣсть, которую пишу теперь».

23 октября 1859 года Тургеневъ писалъ Анненкову: «Библіотека для чтенія» знаетъ, что у меня повѣсти готовой нѣтъ, но что я постараюсь и надѣюсь написать хоть небольшую вещь для нея».

Въ 3 книгѣ «Библіотеки для чтенія» 1860 года уже была напечатана повѣсть Тургенева «Первая любовь». Такимъ образомъ время написанія повѣсти «Первая любовь» должно падать на конецъ 1859 года и на начало 1860 года, и Тургеневъ въ 44-мъ письмѣ къ графинѣ Ламбертъ, написанномъ во время болѣзни въ февралѣ 1860 года, говоритъ именно о своей повѣсти «Первая любовь».

На черновой рукописи этой повѣсти помѣчено, что она начата Тургеневымъ въ первыхъ числахъ января и окончена въ три часа утра 10 марта 1860 года. (См. «Литературныя воспоминанія», 515 стр.; «Хронологическая канва», 42 стр.)

«Наканунѣ» почти никому не нравится». П. В. Анненковъ разсказываетъ: «Съ появленіемъ «Наканунѣ» начались для Тургенева серьезныя непріятности и прежде всего формальный разрывъ съ издателями «Современника». («Литературныя воспоминанія», 514 стр.)

«...впечатлѣнія бала, Москвы...» 11 февраля 1860 года Тургеневъ былъ на костюмированномъ балу у Великой Княгини Елены Павловны. Вторую половину января и начало февраля онъ былъ въ Москвѣ. («Хронологическая канва», 42 стр.)

Случевскій К. К., какъ извѣстно, произвелъ на Тургенева большое впечатлѣніе. 15 февраля 1860 года Тургеневъ въ письмѣ къ Фету отзывался съ большимъ сочувствіемъ о стихотвореніяхъ Случевскаго. («Хронологическая канва», 42 стр.)

48-е письмо.

Сорокъ восьмое письмо вноситъ драгоцѣнное дополненіе въ «Хронологическую канву» для біографіи Тургенева. Въ «Канвѣ» оставался незаполненнымъ промежутокъ между 23-мъ числомъ

апрѣля, когда Тургеневъ еще былъ въ Петербургѣ, и 30-мъ числомъ того же апрѣля, когда онъ писалъ письмо къ Фету уже изъ Берлина. Изъ даты и содержанія сорокъ восьмого письма явствуетъ, что Тургеневъ пріѣхалъ въ Кенигсбергъ вечеромъ 28-го апрѣля. По маршруту можно опредѣлить и день отъѣзда Тургенева изъ Петербурга. Объ этомъ днѣ Тургеневъ еще 20 марта 1860 года писалъ Д. Я. Колбасину: «Я прежде имѣлъ намѣреніе побыть въ Спасскомъ на весну, а потомъ уже отправиться на леченіе за границу; но теперь я только жду половины апрѣля и «возможныхъ» дорогъ, чтобы отправиться отсюда, куда доктора пошлютъ». Изъ указанія сорокъ седьмого письма, что Тургеневъ собирался уѣхать въ воскресенье, можно полагать, что отъѣздъ его изъ Петербурга состоялся 24-го апрѣля. («Первое собраніе писемъ», 72 стр.; «Хронологическая канва», 42—43 стр.)

Колбасинъ Дмитрій Яковлевичъ былъ въ числѣ корреспондентовъ Тургенева и нѣкоторыя письма Тургенева къ нему напечатаны въ «Первомъ собраніи писемъ И. С. Тургенева».

49-е письмо.

Въ Парижъ Тургеневъ пріѣхалъ 4-го (16) мая и пробылъ въ немъ три недѣли.

Планъ дальнѣйшихъ поѣздокъ Тургенева мѣнялся много разъ. 22 мая 1860 года Тургеневъ писалъ Н. Я. Макарову: «Послѣ завтра, если Богъ дастъ, я во Франкфуртѣ, а черезъ 3 дня въ Соденѣ, гдѣ останусь непремѣнно 6 недѣль».

3 іюня н. ст. 1860 года Тургеневъ писалъ П. В. Анненкову: «1) Отъ 5-го Іюня н. с. до 20-го Іюля я въ Соденѣ. 2) Отъ 20-го Іюля по 1-е Августа я въ Женевѣ, на озерѣ 4-хъ Кантоновъ, на вершинахъ Юнгъ-Фрау, гдѣ угодно. 3) Отъ 1 Августа по 20-е Августа на островѣ Уайтъ. 4) Отъ 20 Августа по 1 Сентября у m-me Віардо, въ Куртавнелѣ. А тамъ я живу—въ Парижѣ».

8 іюля 1860 года Тургеневъ писалъ ему же изъ Содена: «Я остаюсь здѣсь до 16 числа и ѣду прямо въ Куртавнель, къ m-me Віардо, гдѣ я пробуду до 1-го Августа, т.-е. до эпохи морскихъ купаній на Уайтѣ».

51-е письмо.

Толстой, графъ, Николай Николаевичъ, братъ графа Л. Н. Толстого.

«...провожая одну даму...» Какъ видно изъ послѣдующихъ писемъ, эта дама была М. А. Марковичъ (Марко-Вовчокъ).

53-е письмо.

Больной пріятель—графъ Н. Н. Толстой.

54-е письмо.

Время и планъ поѣздокъ Тургенева постоянно мѣнялись и точно установить ихъ трудно.

2 іюля 1860 года Тургеневъ писалъ Н. Я. Макарову: «1) Я выѣзжаю изъ Содена во вторникъ вечеромъ, 5-го числа, и прибываю въ Майнцъ, гдѣ и ночую. 2) Въ Майнцѣ я съѣзжаюсь съ М. А. Марковичъ—и въ середу утромъ плыву съ ней по Рейну до Бонна. 3) Бесѣдую часика два съ вашей сестрой въ Боннѣ, и въ тотъ же день мчусь, все съ М. А. Марковичъ, черезъ Кельнъ въ Аахенъ, куда прибываю вечеромъ. 4) Бесѣдую съ Вами цѣлый вечеръ, ночую и на слѣдующій день отправляюсь изъ Аахена прямо въ Парижъ». («Первое собраніе писемъ», 75 стр.)

«Хорошій знакомый»—очевидно, Н. Я. Макаровъ.

55-е письмо.

Тургеневъ пишетъ графинѣ Ламбертъ о своемъ «окончательномъ» поселеніи. На островѣ Уайтѣ ему пришлось мѣнять квартиру. Анненковъ разсказываетъ: «Тургеневъ провелъ всего два дня въ Eagle-nest'ѣ и отправился на островъ Уайтъ нанимать cottage, взявъ съ меня слово остановиться у него. Я далъ ему время устроиться, и черезъ три дня явился къ нему въ чистую и хорошенькую виллу, изъ которой скоро попросили меня, однакоже, выѣхать. Въ кабинетѣ Тургенева, на письменномъ его столѣ съ утра лежала записка хозяйки коттеджа, въ которой она просила его противодѣйствовать дурной привычкѣ пріѣзжаго его сотоварища, т.-е. меня—курить въ ея домѣ папиросы. Хозяйка была диссидентка, какъ большинство всего населенія острова. Узнавъ содержаніе записки, я предложилъ Тургеневу позволить мнѣ переселиться въ красивый отель на берегу моря... Но Тургеневъ и слышать ничего не хотѣлъ. «Уступить капризу раскольницы было бы очень глупо»,—говорилъ онъ. Онъ попросилъ меня подождать его возвращенія, а самъ надѣлъ шляпу и ушелъ. Когда онъ вернулся назадъ, квартира была найдена. Прелестный чистый домикъ у самаго купанья на морѣ уже ожидалъ насъ. Распорядившись переноской нашихъ вещей, мы въ немъ и поселились». («Литературныя воспоминанія», 526—527 стр.)

Однако, адресъ Тургенева, написанный имъ для графини Ламбертъ, не былъ адресомъ его «окончательнаго» поселенія. Этотъ адресъ относится къ той «премилой квартирѣ», которую Тургеневу скоро, по пріѣздѣ Анненкова, пришлось перемѣнить. (См. письмо его къ Н. Я. Макарову, «Первое собраніе писемъ», 76—77 стр.)

56-е письмо.

«Здѣсь довольно много Русскихъ». Анненковъ вспоминаетъ: «Мы нашли цѣлую колонію русскихъ на Уайтѣ: гр. Алексѣй Конст. Толстого, гр. Николая Яков. Ростовцева, брата его, гр. Михаила, изслѣдователя древне-христіанскаго искусства—Фрикена, бывшаго цен-

зора Крузе, Мордвинова, В. П. Боткина и т. д. Г-жи Марковичъ не было». (Ibid., 527 стр.)

«Задумалъ новую большую повѣсть»,—это пишетъ Тургеневъ *18 августа 1860 года изъ Вентнора*. Извѣстіе это въ высшей степени важно для біографіи Тургенева, и именно для исторіи созданія крупнѣйшаго его творенія, романа «Отцы и дѣти». До сихъ поръ начальный моментъ въ этой исторіи оставался совершенно неизвѣстнымъ, и лишь теперь, изъ 56-го письма къ графинѣ Ламбертъ выясняется, что Тургеневъ началъ работать надъ созданіемъ романа «Отцы и дѣти» въ августѣ 1860 года, во время пребыванія своего въ Вентнорѣ.

Правда, эта работа не сразу приняла опредѣленныя формы. 20-го сентября, приблизительно черезъ мѣсяцъ, Тургеневъ писалъ Е. Я. Колбасину: «Черезъ нѣсколько дней я туда (въ Парижъ) переѣзжаю и намѣренъ приняться за работу,—до сихъ поръ я все только баклуши билъ». Черезъ два мѣсяца послѣ 56-го письма къ графинѣ Ламбертъ, Тургеневъ, 12 октября н. ст. 1860 года, сообщалъ П. В. Анненкову: «Намѣренъ работать изо всѣхъ силъ. Планъ моей новой повѣсти готовъ до малѣйшихъ подробностей, и я жажду за нее приняться. Что-то выйдетъ—не знаю, но Боткинъ, который находится здѣсь (въ Парижѣ), весьма одобряетъ мысль, которая положена въ основаніе». На другой день, 13-го октября н. ст., Тургеневъ желалъ довести до свѣдѣнія И. И. Панаева, что «большая вещь, за которую я только что принялся теперь и которую не окончу раньше будущаго мая, уже назначена въ «Русскій Вѣстникъ». 24-го октября Тургеневъ писалъ А. И. Герцену: «Я принялся за работу, но она идетъ безобразно туго».

Повидимому, только этими свѣдѣніями и исчерпывалась начальная исторія созданія романа «Отцы и дѣти». Письма къ графинѣ Ламбертъ даютъ нѣсколько новыхъ и важныхъ подробностей. (См. «Литературныя воспоминанія», 517—518 стр.; «Первое собраніе писемъ», 78 стр.)

57-е письмо.

Точная дата этого письма и послѣдующихъ весьма драгоцѣнна и съ несомнѣнностью убѣждаетъ въ томъ, что въ датировкѣ писемъ и

въ расположеніи событій изъ жизни Тургенева до сихъ поръ оставалось много неяснаго и спорнаго. (См. «Хронологическая канва», 44 и 129 стр.)

58-е письмо.

«...У меня есть важное общее дѣло». Тургеневъ несомнѣнно имѣлъ въ виду посвятить графиню Ламбертъ въ свой проектъ, о которомъ Анненковъ разсказываетъ слѣдующее: «Усѣвшись въ Вентнорѣ и одолѣваемый такой праздностью, что «больно было перо взять въ руки», по собственному его выраженію, Тургеневъ задался мыслью основать общество для обученія грамотѣ народа и распространенія въ немъ первоначальнаго образованія, съ помощью имущихъ и развитыхъ классовъ всего государства. Наскоро составлена была имъ программа общества и представлена на обсужденіе русской колоніи въ Вентнорѣ. Она подробно разбиралась, по вечерамъ, въ домикѣ Тургенева, измѣнялась, передѣлывалась и послѣ многихъ преній, поправокъ и дополненій, принята была комитетомъ изъ выборныхъ лицъ кружка. Послѣ этого принялись за составленіе и переписку обстоятельнаго циркуляра, при которомъ долженъ быть высланъ «проектъ» общества всѣмъ выдающимся лицамъ обѣихъ столицъ—художникамъ, литераторамъ, ревнителямъ просвѣщенія и вліятельнымъ особамъ, проживающимъ дома и за границей. Изъ одного этого перечня уже видно, какую массу механической работы приняли на себя участники предпріятія, но благодаря настойчивости Тургенева и ихъ усердію работа осуществилась... Большинство изъ тѣхъ, которые получили этотъ циркуляръ, изъявили, конечно, согласіе вступить въ члены общества... Впрочемъ... программа не достигла и канцелярскаго утвержденія, а заглохла и разсѣялась сама собой, не оставивъ послѣ себя и слѣда, кромѣ воспоминанія у немногихъ современниковъ ея».

(«Литературныя воспоминанія», 529—531 стр.)

59-е письмо.

«Я затѣялъ довольно большую вещь»—романъ «Отцы и дѣти».

Тургеневъ проситъ похлопотать «о нашемъ проектѣ», т.-е. о проектѣ общества, о которомъ сказано въ примѣчаніи къ предыдущему письму.

Н. Р. Цебриковъ, о немъ Тургеневъ проситъ графиню Ламбертъ въ 106-мъ письмѣ, которое, по времени своего написанія, должно предшествовать настоящему 59-му письму.

60-е письмо.

«Къ работѣ моей я, пока, приступаю довольно вяло». Тургеневъ говоритъ, конечно, о созданіи романа «Отцы и дѣти». Въ томъ же мѣсяцѣ 4-го числа, Тургеневъ писалъ Я. П. Полонскому: «Я до сихъ поръ работалъ довольно мало, хотя затѣялъ большую вещь». 7-го ноября онъ писалъ Н. Я. Макарову: «Ничего мнѣ не мѣшаетъ работать, но до сихъ поръ все еще не могу приняться, какъ слѣдуетъ». 12-го ноября Тургеневъ писалъ Е. Я. Колбасину: «Понемногу и очень вяло принимаюсь за работу. Затѣянная мною вещь довольно велика».
(«Первое собраніе писемъ», 79—84 стр.)

Воронова Елизавета Петровна, писательница и издательница. Ея произведенія впервые были отдѣльно изданы въ 1860 и въ 1863 г.г., подъ заглавіемъ «Разсказы». Въ 1876 году она издавала журналы: «Журналъ иностранныхъ переводныхъ романовъ» и «Изумрудъ». Она скончалась въ Москвѣ въ 1881 году. («Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ», Д. Д. Языкова, выпускъ первый, второе исправленное изданіе, М. 1903, 17 стр.)

Кохановская—псевдонимъ писательницы Надежды Степановны Соханской. Повѣсть «Гайка» напечатана въ 4-й книгѣ журнала «Рус-

ское Слово» за 1860 г. («Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», Д. Д. Языкова, выпускъ четвертый, СПБ., 1888 г., 81—83 стр.)

61-е письмо.

Анненковъ Павелъ Васильевичъ, другъ Тургенева, писатель.

Григоровичъ, Дмитрій Васильевичъ, писатель.

«Я много работаю и написалъ уже около трети большой повѣсти». Рѣчь идетъ о романѣ «Отцы и дѣти». Въ декабрѣ же 1860 года, 13-го числа, Тургеневъ писалъ Е. Я. Колбасину: «Я принялся за работу серьезно и сижу теперь надъ большой повѣстью (разумѣется еще больше «Дворянскаго Гнѣзда»); надѣюсь одолѣть ее къ Марту и тиснуть ее въ «Русскомъ Вѣстникѣ». («Первое собраніе писемъ», 85 стр.)

Почти тоже Тургеневъ писалъ немного раньше, именно 19 (31) ноября, П. В. Анненкову: «Я, наконецъ, серьезно принялся за свою новую повѣсть, которая размѣрами превзойдетъ «Наканунѣ». Надо надѣяться, что и участь ея будетъ лучше. А впрочемъ, это все въ рукахъ урны судьбы, какъ-говорилъ одинъ мой товарищъ по университету. Разумѣется, какъ только она окончится (а это будетъ не скоро), вы первый ее прочтете». («Литературныя воспоминанія», 536 стр.).

Графъ Карлъ, beau frère графини Ламбертъ, графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ.

62-е письмо.

«Работа подвигается»,—т.-е. работа надъ романомъ «Отцы и дѣти».

«Анненковъ сообщилъ мнѣ о засѣданіи». Повидимому, Тургеневъ говоритъ объ Обществѣ распространенія грамотности. Нѣсколькими недѣлями раньше, 19(31) Ноября 1860 года, Тургеневъ писалъ П. В. Анненкову объ этомъ Обществѣ: «Хлопочите также о нашемъ обществѣ, противъ котораго, слышно, возстаютъ нѣсколько лицъ въ журналахъ. Кстати, извольте немедленно отправиться, по полученіи сего, къ гр. Ламбертъ. Она говорила о нашемъ обществѣ съ Мейендорфомъ, и тотъ пожелалъ увидаться съ вами». Черезъ два мѣсяца, 7 (19) января 1861 года, Тургеневъ уже сообщалъ Анненкову: «Изъ словъ Слѣпцова я могъ заключить, что «общество» наше провалилось (я говорю объ обществѣ распространенія грамотности). Онъ не отчаявался провести эту мысль въ другомъ видѣ, но это, кажется, вздоръ». («Литературныя воспоминанія», 536-537 стр.).

О Вороновой см. въ примѣчаніи къ 60-му письму.

63-е письмо.

«... Даже работалъ очень мало». Черезъ недѣлю послѣ этого, 16(28) января 1861 г., Тургеневъ писалъ Анненкову: «15(27) апрѣля я въ Петербургѣ, можетъ быть, даже раньше. Посмотрю на васъ, прочту вамъ свою новую повѣсть», т.-е. романъ «Отцы и дѣти». («Литературныя воспоминанія», 539 стр.). То же самое обѣщаніе повторилъ Тургеневъ и въ письмѣ къ Н. Я. Макарову, отъ 23 января 1861 года: «Надѣюсь къ тому времени (между 10-мъ и 15-мъ апрѣля стар. стиля) кончить и привезти съ собою мою работу» («Первое собраніе писемъ», 87 стр.)

Извѣстіе объ оппозиціи проекту общества касается, очевидно, Общества распространенія грамотности, о которомъ сказано въ примѣчаніи къ письму 62-му.

64-е письмо.

Повѣсть Тургенева «Первая любовь» напечатана въ третьей книгѣ журнала «Библіотека для чтенія» за 1860 годъ.

65-е письмо.

Тургеневъ желаетъ «окончательно устроить свои дѣла». Въ это время онъ больше всего хлопоталъ объ устройствѣ своихъ крестьянъ и наилучшемъ способѣ ихъ освобожденія. Въ дальнѣйшихъ письмахъ онъ говоритъ объ этомъ и графинѣ Ламбертъ.

«Работы своей я тоже не кончилъ», т.-е. не окончилъ романа «Отцы и дѣти». Еще 12 февраля 1861 года Тургеневъ писалъ А. И. Герцену: «Работа моя подвигается очень не спѣшно». 29-го марта онъ писалъ Е. Я. Колбасину изъ Парижа: «Я въ Парижѣ *ничего* не дѣлалъ». («Первое собраніе писемъ», 88 стр.).

66-е письмо.

Благодаря точной датѣ 66-го письма устанавливается опредѣленный день пріѣзда Тургенева въ Петербургъ, именно 30 апрѣля 1861 года, по старому стилю. Это послѣднее обстоятельство подтверждается тѣмъ, что Тургеневъ при числѣ поставилъ и день недѣли—1-го мая, понедѣльникъ, что совпадаетъ съ данными стараго стиля.

67-е письмо.

На основаніи данныхъ этого письма устанавливается день отъѣзда Тургенева изъ Петербурга, именно, 5 мая 1861 года, въ пятницу, по старому стилю.

Новый трудъ, о которомъ не успѣлъ Тургеневъ «потолковать» съ графиней Ламбертъ,—это романъ «Отцы и дѣти», въ это время еще незаконченный.

68-е письмо.

Тургеневъ сообщаетъ графинѣ Ламбертъ, какъ и въ слѣдующихъ письмахъ къ ней, о своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, связанныхъ съ устройствомъ крестьянъ, и о своей работѣ надъ романомъ «Отцы и дѣти».

Почти одновременно, 21-го мая, Тургеневъ писалъ Я. П. Полонскому изъ Спасскаго же: «Я здѣсь занятъ и хозяйственными и литературными дѣлами. Съ моими крестьянами дѣло идетъ пока хорошо,—потому что я имъ сдѣлалъ всевозможныя уступки,—но затрудненія предвидятся впереди. Многіе не хотятъ итти на оброкъ, а безъ оброка выкупъ (а вѣдь это главная цѣль)—невозможенъ».

7-го Іюня Тургеневъ писалъ изъ Спасскаго П. В. Анненкову: «Объясняемся съ мужиками, которые изъявили мнѣ свое благоволеніе: мои уступки доходятъ почти до подлости. Но вы знаете сами (и вѣроятно въ деревнѣ узнаете еще лучше), что за птица русскій мужикъ: надѣяться на него въ дѣлѣ выкупа—безуміе. Они даже на оброкъ не переходятъ, чтобы, во 1-хъ, не «обвязаться»; во 2-хъ, не лишить себя возможности прескверно справлять трехдневную барщину. Всякіе доводы теперь безсильны. Вы имъ сто разъ докажете, что на барщинѣ они теряютъ сто на сто; они вамъ все-таки отвѣтятъ, что «несогласны—молъ». Оброчные даже завидуютъ барщиннымъ, что вотъ имъ вышла льгота, а намъ—нѣтъ. Къ счастью, здѣсь въ Спасскомъ мужики съ прошлаго года на оброкѣ».

Объ этихъ же дѣлахъ Тургеневъ 14-го іюня писалъ изъ Спасскаго Д. Я. Колбасину: «Теперь я сижу здѣсь, въ своемъ флигелькѣ... и присутствую при медлительномъ устроеніи новаго быта. Къ счастью, по неотступнымъ моимъ просьбамъ, дядя въ прошломъ же году посадилъ Спасскихъ и Каленскихъ мужиковъ на оброкъ. Есть надежда, что Любовшинскіе—пойдутъ, другіе упираются. Этого факта (что мужики не захотятъ итти съ барщины на оброкъ) никто не предвидѣлъ, а между тѣмъ онъ повсемѣстный. Впрочемъ, кругомъ все тихо».

Для пониманія всѣхъ этихъ подробностей, П. В. Анненковъ объясняетъ, что эти письма писаны тогда, когда Положеніе о крестьянахъ еще не знало обязательнаго выкупа надѣловъ и требовало предварительнаго переведенія земледѣльцевъ на оброкъ, а потомъ уже допускало сдѣлки съ ними. Вотъ этого двойного соглашенія и трудно было добиться у обѣихъ сторонъ, владѣтельской и крестьянской, такъ что обѣ пришли къ убѣжденію, что освобожденіе крестьянъ есть война, а не миръ. Имѣніе Тургенева принадлежало еще къ счастливымъ по отношенію къ освобожденію. Управляющій имъ, дядя И. С. Тургенева, Николай Николаевичъ Тургеневъ, былъ опытный хозяинъ. Покамѣстъ помѣщикъ увѣщевалъ бывшихъ своихъ подчиненныхъ, онъ отмежевалъ во всѣхъ имѣніяхъ своего довѣрителя крестьянскіе надѣлы согласно «уставнымъ грамотамъ» и тѣмъ приготовилъ ихъ переходъ на оброкъ и на выкупъ. Послѣдній и состоялся почти вслѣдъ за тѣмъ. Иванъ Сергѣевичъ могъ гордиться, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ, разсчитавшихся окончательно съ крестьянами, кромѣ благодѣяній и услугъ, на которыя онъ былъ щедръ, и которыя всегда оказывалъ и потомъ своимъ ех-крѣпостнымъ».

О работѣ своей надъ романомъ «Отцы и дѣти» Тургеневъ писалъ 7-го іюня П. В. Анненкову: «Я постараюсь вамъ переслать первую (переписанную) половину моего романа». 14-го іюня онъ уже писалъ Д. Я. Колбасину: «оканчиваю новую большую повѣсть для «Русскаго Вѣстника». 14-го іюля Тургеневъ сообщалъ Я. П. Полонскому: «Романъ мой подвигается къ концу; явится онъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» не прежде зимы». 10-го іюля Тургеневъ въ письмѣ къ П. В. Анненкову сообщилъ новыя свѣдѣнія о своихъ намѣреніяхъ относительно романа: «Работа моя быстро подвигается къ концу. Какъ бы я былъ радъ показать ее вамъ и послушать вашего сужденія!.. Но какъ это сдѣлать? Я хотѣлъ было послать вамъ первую часть, но теперь, когда уже обѣ части почти готовы, мнѣ не хочется подвергать мою работу впечатлѣніямъ и сужденіямъ въ разбивку. Умудрюсь какъ нибудь послать вамъ всю штуку, о которой я, разумѣется, въ теперешнее время совершенно не знаю, что сказать».

(См. «Первое собраніе писемъ», 90—94 стр.; «Литературныя воспоминанія», 541—546 стр.; «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ», Н. М. Гутьяръ, Юрьевъ, 1907, 160—205 стр.: «И. С. Тургеневъ и крестьянскій вопросъ»).

69-е письмо.

Цебриковъ, Николай Романовичъ, о немъ въ 59-мъ и 106-мъ письмахъ къ графинѣ Ламбертъ.

Тургеневъ подробно сообщаетъ о затрудненіяхъ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Эти свѣдѣнія даютъ основаніе, въ соотвѣтствіе съ датированными письмами Тургенева къ другимъ лицамъ, поставить 69-е письмо именно на это мѣсто, такъ какъ содержаніе его относится къ началу іюня мѣсяца.

70-е письмо.

Ссора И. С. Тургенева съ графомъ Л. Н. Толстымъ подробно изложена П. В. Анненковымъ въ книгѣ «Литературныя воспоминанія», С.-П.Б., 1909, 540—545 стр.; см. также у Н. М. Гутьяръ «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ», Юрьевъ, 1907, 219—230 стр.

«Эта глупость помѣшала мнѣ работать». Ссора Тургенева съ графомъ Л. Н. Толстымъ, несомнѣнно, помѣшала усиленнымъ въ то время занятіямъ Тургенева надъ романомъ «Отцы и дѣти».

Тургеневъ пишетъ о своемъ намѣреніи въ концѣ іюня мѣсяца ѣхать на охоту. Это была та охота, о которой Тургеневъ писалъ 10-го іюля П. В. Анненкову: «Я только что вернулся съ охотничьей экспедиціи, совершенной нами вмѣстѣ съ Фетомъ, экспедиціи, которая, кромѣ ряда самыхъ непріятно-комическихъ несчастій и неудачъ, не представила ничего замѣчательнаго. Я потерялъ собаку, зашибъ себѣ ногу, ночью въ Карповскомъ трактирѣ чуть не умеръ,— однимъ словомъ, чепуха вышла несуразная, какъ говоритъ Фетъ». (См. «Литературныя воспоминанія», 545 стр.)

Объ этой же охотѣ Тургеневъ писалъ графинѣ Ламбертъ въ 72-мъ письмѣ, см. ниже.

71-е письмо.

Beau frère и графъ К.—одно лицо: графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ, намѣстникъ въ Варшавѣ.

«Новое произведеніе»—романъ «Отцы и дѣти».

72-е письмо.

Ссора съ Т.—ссора съ графомъ Л. Н. Толстымъ, о которой Тургеневъ сообщалъ графинѣ Ламбертъ въ письмѣ отъ 7/19 іюня 1861 года, см. выше.

Въ теченіе двухъ недѣль Тургеневъ надѣялся окончить свой новый романъ «Отцы и дѣти».

73-е письмо.

Цебриковъ, Николай Романовъ, см. о немъ въ примѣчаніяхъ къ 69-му, 59-му и 106-му письмамъ.

Тургеневъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о близкомъ окончаніи романа «Отцы и дѣти». Письмо это писано 19 іюля, а на другой день, 20 числа, Тургеневъ уже окончилъ свой романъ, какъ это видно будетъ изъ примѣчанія къ слѣдующему 74 письму. Очевидно, Тургеневъ самъ различалъ два конца для своей работы: написаніе послѣдней строчки и окончательную отдѣлку романа. Конечно, эти событія не совпадали другъ съ другомъ по времени.

А можетъ быть, 19 іюля Тургеневъ и самъ не ожидалъ, что «послѣдняя строчка» будетъ написана имъ вовсе не черезъ двѣ недѣли, а завтра.

74-е письмо.

Паткуль, Марія Александровна, придворная дама, представительница высшаго свѣта, оставившая свои воспоминанія: «Воспоминанія Маріи Александровны Паткуль, рожденной маркизы Де-Траверсе, за три четверти XIX столѣтія», С.-ПБ., 1903.

О своей литературной дѣятельности М. А. Паткуль вспоминаетъ очень мало, кажется, только объ одномъ случаѣ, когда на благотворительномъ вечерѣ ей пришлось прочесть собственное стихотвореніе, «когда-то написанное» ею. (Ibid, 188—189 стр.).

Тургеневъ сообщаетъ графинѣ Ламбертъ объ окончаніи романа «Отцы и дѣти». Болѣе точныя данныя объ этомъ онъ сообщилъ П. В. Анненкову въ письмѣ, написанномъ въ тотъ же день, 6 августа: «Мой трудъ оконченъ, наконецъ: 20 іюля написалъ я блаженное послѣднее слово. Работалъ я усердно, долго, добросовѣстно: вышла длинная вещь (листами двумя печатными длиннѣе «Дворянскаго гнѣзда»). Цѣль я, кажется, поставилъ себѣ вѣрно, а попалъ ли въ нее—Богъ знаетъ».

Романъ «Отцы и дѣти» былъ напечатанъ во второй книгѣ журнала «Русскій Вѣстникъ», вышедшей въ мартѣ 1862 года. П. В. Анненковъ вспоминаетъ, что «романъ писался почти около года, часто прерываясь, и шелъ то ускоренными, то медленными шагами. Ему предстояли еще цѣлые полгода поправокъ, измѣненій, переговоровъ, пока онъ явился въ печати».

(См. «Литературныя воспоминанія», 547—554 стр.)

75-е письмо.

Тургеневъ собирался прибыть въ Петербургъ 30 августа или 1 сентября. Въ дѣйствительности, онъ 28 августа писалъ изъ Спасскаго Анненкову, что отъѣздъ его изъ Спасскаго «совершится завтра».

Рукопись, которую хотѣлъ Тургеневъ принести графинѣ Ламбертъ, содержала новый его романъ «Отцы и дѣти».

76-е письмо.

Переводъ: Милая Графиня, вотъ другъ, о которомъ я Вамъ говорилъ. Я не прибавлю больше ни слова, такъ какъ мнѣ извѣстна Ваша доброта. Вы мнѣ дали много доказательствъ ея, со времени нашей дружбы, которою я такъ дорожу. Сердечно жму Вашу руку. Вашъ

77-е письмо.

Тургеневъ пріѣхалъ въ Парижъ 16 (28) сентября. (См. «Хронологическая канва», 47 стр.)

78-е письмо.

Тургеневъ говоритъ объ извѣстіяхъ изъ Петербурга, которыя въ то время волновали его. Нѣсколькими днями раньше, 14 (26) октября, онъ писалъ Анненкову: «Любезнѣйшій другъ, пишу Вамъ нѣсколько словъ для того только, чтобы убѣдительнѣйше просить Васъ написать мнѣ. Я знаю, какъ это теперь должно быть тяжело и трудно,—но возьмите въ соображеніе, въ какомъ мы здѣсь находимся состояніи. Самые печальные слухи доходятъ до насъ—не знаешь, чему вѣрить и что думать. Сообщите, хотя вкратцѣ, перечень фактовъ, совершающихся около Васъ».

Анненковъ объясняетъ, что тревога началась вслѣдствіе первой уличной манифестаціи студентовъ въ Петербургѣ, тогда происшедшей и подавленной. «Печальная исторія эта чрезвычайно заинтересовала заграничныхъ корреспондентовъ нашихъ. Множество англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ газетъ говорили о студенческой манифестаціи съ участіемъ, но, по обыкновенію, извращая и преувеличивая факты. Тургеневъ даже испугался и спрашивалъ—не пріостановить ли печатаніе романа?»

(См. «Литературныя воспоминанія», 551 стр.).

О Герштенцвейгѣ см. въ примѣчаніи къ 19-му письму.

79-е письмо.

Здекауеръ, впослѣдствіи лейбъ-медикъ въ Петербургѣ.

80-е письмо.

21 ноября (3 декабря) 1861 года Тургеневъ писалъ П. В. Анненкову: «Вы знаете, бѣдная гр. Ламбертъ потеряла своего единственнаго сына... Она не переживетъ этого удара». («Литературныя воспоминанія», 553 стр.)

83-е письмо.

Въ февральской книжкѣ журнала «Русскій Вѣстникъ» 1862 года напечатанъ романъ Тургенева «Отцы и дѣти».

85-е письмо.

26 мая Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ. 4 іюня онъ былъ уже въ Москвѣ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Спасское. 5 іюня Тургеневъ уже пріѣхалъ въ Спасское, такъ какъ 9 число онъ считаетъ уже пятымъ днемъ своего пребыванія въ Спасскомъ. («Хронологическая канва», 49—50 стр.)

«Нашлись ли поджигатели»... Тургеневъ спрашиваетъ о виновникахъ петербургскихъ пожаровъ, которые были въ концѣ мая 1862 года. 12 іюля 1862 года Тургеневъ по тому же поводу писалъ П. В. Анненкову: «Неизвѣстность о томъ, дѣйствительно ли участвовали «агитаторы» въ поджогахъ, мучительна; темные намеки, попадающіеся въ газетахъ, раздражаютъ и волнуютъ еще болѣе. Это—безуміе, это—безсмысленное самоистребленіе, это—преступленіе, наконецъ. Право, я не могу теперь безъ трепета распечатывать ни одного пакета съ журналами». («Литературныя воспоминанія», 559 стр.)

Тургеневъ, при появленіи въ свѣтъ романа «Отцы и дѣти», перенесъ много волненій. Даже еще до выхода романа изъ печати Тургеневъ уже чувствовалъ себя окончательно разстроеннымъ и писалъ 11 (23) декабря 1861 года П. В. Анненкову: «Судя по охватывающей меня со всѣхъ сторонъ апатіи—это будетъ, вѣроятно, послѣднее произведеніе моего краснорѣчиваго пера. Пора натягивать на себя одѣяло и—спать». («Литературныя воспоминанія», 554 стр.)

«За работу я пока не принимался». Повидимому, Тургеневъ могъ говорить въ это время о своей работѣ для журнала «Время», издававшагося Ѳ. М. Достоевскимъ. 18 марта Тургеневъ писалъ Достоевскому: «Теперь я могу навѣрное Вамъ сказать, что я привезу Вамъ мою работу готовою. Она не только сильно подвинулась, она приближается къ концу. Въ ней будетъ около трехъ печатныхъ листовъ. Странная выходитъ штука. Это именно тѣ «Призраки», изъ-за которыхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, поднялась у насъ пря съ Катковымъ. Не знаю, помните ли Вы это? Я было началъ другую вещь и вдругъ схватился за эту и работалъ нѣсколько дней съ увлеченіемъ. Теперь осталось дописать нѣсколько страницъ». 22 апрѣля Тургеневъ сообщилъ Достоевскому: «Повѣсть моя для «Времени», къ сожалѣнію, все еще не окончена, но можетъ быть окончена въ одинъ день или въ два, и я надѣюсь сдѣлать это въ деревнѣ». («Первое собраніе писемъ», 101 и 107 стр.)

Повѣсть «Призрака» напечатана въ 1 и 2 книгахъ журнала «Эпоха» за 1864 годъ. («Хронологическая канва», 58 стр.).

86-е письмо.

Повидимому, Тургеневъ былъ въ Петербургѣ больше одного дня. (См. «Хронологическая канва», 50 стр.)

87-е письмо.

Графъ Карлъ—графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ.

Полинька—дочь Тургенева.

89-е письмо.

«Дѣло» состояло въ вызовѣ Тургенева въ Сенатъ для дачи показаній о сношеніяхъ его съ Герценомъ и Бакунинымъ. Анненковъ въ началѣ января 1863 года сообщилъ Тургеневу слухъ, распространившійся по Петербургу, объ этомъ вызовѣ. Тургеневъ 7-го (19) января 1863 года писалъ П. В. Анненкову: «Я убѣжденъ, что этотъ слухъ не имѣетъ основанія, потому что онъ слишкомъ нелѣпъ. Вызывать меня теперь (въ Сенатъ), послѣ «Отцовъ и дѣтей», послѣ бранчивыхъ статей молодого поколѣнія, именно теперь, когда я окончательно—чуть не публично—разошелся съ лондонскими изгнанниками, т.-е. съ ихъ образомъ мыслей,—это совершенно непонятный фактъ. Здѣсь мнѣ никто объ этомъ не говорилъ,—никто, начиная съ нашего теперешняго посланника, Будберга, съ которымъ я познакомился въ Новый годъ, и кончая прежнимъ посланникомъ, Киселевымъ, у котораго я обѣдалъ на-дняхъ. Разумѣется, если меня вызовутъ, я немедленно поѣду, смѣшно даже прибавлять: съ спокойной совѣстью... Но до сихъ поръ я ничего ни отъ кого не слышалъ, и надѣюсь, что это все окажется пуфомъ. А все-таки имѣю самонадѣянность думать, что мой образъ мыслей долженъ быть извѣстенъ и Государю, и правительственнымъ лицамъ у насъ».

6-го февраля (25-го января) 1863 года Тургеневъ уже сообщилъ Анненкову: «Слухи, которые вы мнѣ сообщали и которымъ я, по ихъ неправдоподобности, не хотѣлъ вѣрить, оказались справедливыми. Меня дѣйствительно требуютъ назадъ въ Россію. Немедленно я поѣхать не могу—семейныя дѣла этому препятствуютъ, а потому, съ одобренія нашего здѣшняго посланника, написалъ письмо Государю, въ которомъ прошу его сдѣлать мнѣ милость и велѣть выслать мнѣ допросные пункты, на которые я отвѣчу съ совершеннымъ чистосердечіемъ. Задача эта будетъ нетрудная, потому что скрывать мнѣ нечего. Я не въ состояніи себѣ представить, въ чемъ собственно меня обвиняютъ. Не могу же я думать, что на меня сердятся за сношенія съ товарищами молодости, которые находятся въ изгнаніи, и съ которыми мы давно и окончательно разошлись въ политическихъ убѣжденіяхъ. Да и какой я политическій человѣкъ? Я—писатель, какъ я это представилъ самому Государю, писатель независимый, но добросовѣстный и умѣренный писатель,—и больше ничего. Правительству остается судить, насколько я полезенъ или вреденъ, но должно сознаться, что оно немилостиво поступаетъ со своимъ «тайнымъ приверженцемъ», какъ вы, помнится, меня называли».

Кончилось дѣло тѣмъ, по разсказу Анненкова, что Тургеневъ, наконецъ, въ январѣ 1864 года, явился въ Петербургъ, и, какъ надобно было ожидать, дѣло въ Сенатѣ весьма недолго задержало его, такъ что онъ могъ снова возвратиться за границу.

(«Литературныя воспоминанія», 560—569 стр.).

Тургеневъ говоритъ о своемъ намѣреніи работать. Повидимому, онъ говоритъ о своей повѣсти «Призраки». 15-го (27) сентября 1863 года онъ писалъ Анненкову: «Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о прилагаемой фантазіи, которая вотъ уже второй мѣсяцъ лежитъ у меня переписанная. Прошу Васъ прочесть этотъ вздоръ со вниманіемъ и рѣшить: стоитъ ли въ теперешнее время печатать эту штуку, или лучше отложить до болѣе спокойныхъ дней? Если Вы рѣшите, что печатать можно, то подумайте, какъ это сдѣлать. Я обѣщалъ эти «Призраки» редакціи «Времени», но съ тѣмъ поръ само «Время» стало призракомъ». (Ibid., 564 стр.).

90-е письмо.

Тургеневъ не опредѣляетъ точно день пріѣзда въ Баденъ. И въ «Хронологической канвѣ» этотъ день не опредѣленъ. (Стр. 53).

91-е письмо.

О «старинной болѣзни» Тургеневъ еще 1 января н. с. 1863 года писалъ изъ Парижа П. В. Анненкову. «Я долженъ Вамъ сказать (но это между нами), что я сильно и глубоко потрясенъ. То, что я давно подозрѣвалъ, теперь оказалось несомнѣннымъ. Ройе (здѣшній извѣстный докторъ) открылъ у меня давно таившуюся, застарѣлую болѣзнь, и я не въ состояніи оторваться отъ мысли объ этой неизлечимой болѣзни, которая лишаетъ меня силъ, состарила меня и готовитъ мнѣ самую печальную будущность». (Ibid., 560 стр.).

О «небольшой вещи», назначавшейся для журнала «Время», сказано въ примѣчаніи къ письму 89-му.

«Дѣло» Тургенева касалось вызова въ Сенатъ, о чемъ см. примѣчаніе къ 89-му письму.

«Большой, задуманный» Тургеневымъ романъ, былъ, надо полагать, «Дымъ».

92-е письмо.

Упоминаемый въ этомъ письмѣ пріѣздъ Тургенева въ Петербургъ былъ слѣдствіемъ вызова его въ Сенатъ, см. примѣчаніе къ 89-му письму.

О дочери Віардо Тургеневъ, 25-го апрѣля (7-го мая) 1864 года, писалъ П. В. Анненкову, изъ Баденъ-Бадена: «Живу, пока, въ двухъ

комнатахъ въ томъ же № 277, Schillerstrasse, а квартиру свою отдалъ дочери г-жи Віардо, которая здѣсь родила и чуть не умерла отъ родовъ, но теперь поправляется и черезъ шесть недѣль выѣзжаетъ въ Южную Африку, гдѣ ея мужъ назначенъ консуломъ». («Литературныя воспоминанія», 573 стр.).

94-е и 95-е письма.

Въ этихъ письмахъ Тургеневъ сообщаетъ о первыхъ шагахъ своихъ для поселенія въ Баденъ-Баденѣ, покупки земли, постройки дома и т. д. Нѣсколько финансовыхъ подробностей «необдуманно затѣянной постройки дома» изложены Тургеневымъ въ письмѣ къ П. В. Анненкову отъ 2-го (14-го) декабря 1864 года. (Ibid., 575 стр.).

96-е письмо.

«Добрый дядя», который «распустилъ» дѣла И. С. Тургенева, былъ Николай Николаевичъ Тургеневъ, управлявшій имѣніемъ племянника. По отзыву П. В. Анненкова, Н. Н. Тургеневъ былъ «опытный хозяинъ» и именно онъ подготовилъ переходъ крестьянъ Ивана Сергѣевича на оброкъ и на выкупъ. Впослѣдствіи отношенія между племянникомъ и дядей спутались. См. «Литературныя воспоминанія», 542 стр.; «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ». Н. М. Гутьяръ, 206—218 стр.

98-е письмо.

«Я повѣсилъ свое перо на гвоздикъ». Приблизительно въ это же время, 12-го февраля (31 января) 1865 года, Тургеневъ писалъ П. В. Анненкову: «Я съ Вами согласенъ: дѣйствительно плохо писателю

долго не видать отечества; но въ такомъ случаѣ есть одно вѣрное средство не провираться—а именно: молчать». («Литературныя воспоминанія», 579 стр.).

100-е письмо.

«Романъ», о которомъ пишетъ Тургеневъ, была новая повѣсть его «Дымъ», напечатанная въ третьей книгѣ журнала «Русскій Вѣстникъ»» за 1867 годъ. (См. «Литературныя воспоминанія», 590 стр. и «Хронологическая канва», 66 стр.).

101-е письмо.

«Романъ»—повѣсть «Дымъ».

Записки безъ даты.

102.

Переводъ: Тысяча благодарностей. Я буду у Васъ самое позднее въ половинѣ второго, такъ какъ, въ случаѣ, если 100 рублей золотомъ не будутъ получены, мнѣ придется зайти къ Штиглицу. Извините меня за каракули и за эту бумагу. Цѣлую Ваши руки.

Въ письмѣ 48-мъ Тургеневъ тоже просилъ графиню Ламбертъ о золотѣ. Есть ли связь между этими письмами—трудно рѣшить.

103.

«Поѣздка въ Полѣсье» напечатана въ 10 книгѣ журнала «Библіотека для чтенія» за 1857 годъ.

106.

О Цебриковѣ см. въ примѣчаніи къ 59-му письму.

---

112 и 113.

Просьба о публикаціи и извѣстія о своей повѣсти и о повѣсти г-жи Паткуль свидѣтельствуютъ о связи и одновременности этихъ писемъ съ письмами 74 и 75. По всей вѣроятности появленіе ихъ должно быть отнесено ко времени написанія этихъ послѣднихъ писемъ, 74-го и 75-го.

115.

Переводъ: Милая графиня, Вы сама доброта, и я Вамъ очень благодаренъ. Что же касается письма къ графу К.,—подождите до вечера: я Васъ увижу, и мы объ этомъ поговоримъ.

Наилучшія пожеланія къ вечеру 5-го сентября.

5-го сентября—день Елизаветы: не была ли въ это число именинница графиня Елизавета Егоровна Ламбертъ?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	III—X
Письма	1—192
Примѣчанія	193—244

1 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ.

Москва, Трехпрудный пер., д. 7.